

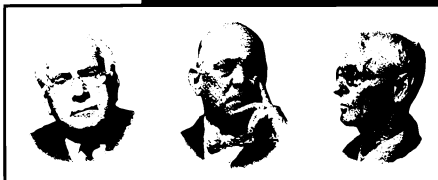
Эстер
ХАРДИНГ

ЖЕНСКИЕ МИСТЕРИИ

CASTALIA

ПРОЕКТ КАСТАЛИЯ —
уникальный проект,
объединяющий
представителей самых
разных мировоззрений,
начиная от язычества

CASTALIA

и заканчивая гностическими и герметическими традициями. Три объединяющих принципа Касталии — это **Юнгианство, Оккультизм и Нонконформизм**. Быть Юнгианцем — значит иметь мужество познанию своих самых потаённых глубин. Быть Оккультистом — искать то, что раз и навсегда пресуществит твой дух в тигле трансмутации, быть Нонконформистом — просто быть собой, вне следования каким-либо нормам или обычаям.

НАШ ПРОЕКТ ИМЕЕТ МНОЖЕСТВО ГРАНЕЙ.

Это и ежемесячно обновляемый эксклюзивными переводами сайт **www.castalia.ru**, над обновлением которого работает целая группа добровольцев. Это и каждую неделю собирающийся в Реале **клуб Касталия**, где члены клуба могут услышать лекции о самых разных эзотерических и психологических традициях. Это и **школа Касталия**, своего рода внешнее представительство клуба, регулярно проводящая открытые обучающие лекции и семинары. Для переводчиков Касталии — бесплатные, для всех остальных — недорогие. Это и уникальный **интернет-магазин** эзотерической и психологической литературы по доступным ценам. Переводчики имеют скидки. И, прежде всего — это интегральное мировоззрение, основанное на поиске соединения трёх слагаемых Касталии и стремящееся к оккультному Ренессансу.

**КАСТАЛИЯ ПРИГЛАШАЕТ К СОТРУДНИЧЕСТВУ
АВТОРОВ, ПЕРЕВОДЧИКОВ, А ТАКЖЕ
ОРГАНИЗАЦИИ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ
СОВМЕСТНЫХ ПРОЕКТОВ**

УДК 159.964

ББК 88.4

X 20

x20 Эстер Хардинг
ЖЕНСКИЕ МИСТИРИИ
М.: Клуб Касталия. 2016. — 250 с.
ISBN 978-5-519-60752-0

Перевод: Ирина НАЗАРОВА
Компьютерная верстка: Ольга ИВАНОВА
Обложка: Ольга ИВАНОВА

Эстер Хардинг

ЖЕНСКИЕ МИСТЕРИИ

2016

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ	8
ГЛАВА I. МИФ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР	12
ГЛАВА II. ЛУНА КАК СИМВОЛ ПЛОДОРОДИЯ	30
ГЛАВА III. ЛУНА В СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ	38
ГЛАВА IV. РАННИЕ ОБРАЗЫ ЛУННОГО БОЖЕСТВА	48
ГЛАВА V. ЛУННЫЙ ЦИКЛ ЖЕНЩИНЫ	64
ГЛАВА VI. ВНУТРЕННЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ЛУННОГО ЦИКЛА	73
ГЛАВА VII. ЛУННЫЙ ЧЕЛОВЕК	92
ГЛАВА VIII. МАТЬ ЛУНА	105
ГЛАВА IX. БОГИНЯ-ДЕВСТВЕННИЦА	123
ГЛАВА X. ЛУННЫЕ ЖРЕЦЫ И ЖРИЦЫ	132
ГЛАВА XI. СВЯЩЕННЫЙ БРАК	148
ГЛАВА XII. ИШТАР	158
ГЛАВА XIII. ИСИДА И ОСИРИС	171
ГЛАВА XIV. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ СЫНА	193
ГЛАВА XV. ПЕРЕРОЖДЕНИЕ И БЕССМЕРТИЕ	207
ГЛАВА XVI. МЕНЯЮЩАЯСЯ ЛУНА	216
ГЛАВА XVII. ВДОХНОВЕНИЕ И САМОСТЬ	229

ВСТУПЛЕНИЕ

Эстер Хардинг, автор этой книги, врач и специалист по лечению психогенных заболеваний. Она — моя бывшая студентка и эта книга представляет собой попытку не только понимания современной психики, но и ее исторического фона. Для врача озабоченность историческими фактами на первый взгляд может показаться просто личным хобби, но для психотерапевта это в некотором смысле необходимая часть его психического инструментария. Интерес к первобытной психологии, фольклору, мифологии и сравнение истории религий открывает глаза на широкие горизонты человеческой психики и плюс к этому дает ту незаменимую помощь, которая так отчаянно нужна нам для понимания бессознательных процессов. Только когда мы видим, в какой форме и каком обличье появляются символы сна, являющиеся по-видимому уникальными, мы можем на самом деле понять, на что они указывают. Также, будучи оснащены этим обширным сравнительным материалом, мы можем достичь успеха в более точном понимании фактора, оказывающего решающее значение на психическую жизнь, а именно — архетипа. Конечно, этот термин призван обозначить не наследуемую идею, а скорее наследуемый способ психического функционирования, врожденный, согласно которому цыпленок вылупляется из яйца; птица вьет гнезда; осы жалят гусениц; угри находят свой путь на Бермуды. Другими словами, это «паттерн поведения». Этот аспект архетипа — биологический, и это область интереса научной психологии. Но когда смотришь изнутри, из реалий субъективной психики, картина сразу меняется. Здесь архетипы представляются нуминозными, что проявляется в опыте фундаментальной важности. Всякий раз, когда они облекаются в адекватные символы, они поразительным образом захватывают человека, создавая состояние «глубокой затронутости», последствия которого невозможно измерить. По этой причине архетипы так важны

для психологии религии. Все религии и все метафизические концепции опираются на архетипические основы, и в той степени, в какой мы способны исследовать их, мы добьемся успеха хотя бы в поверхностном взгляде на мировую историю и сможем слегка поднять вуаль мистерий, скрывающих смысл метафизических идей. Это происходит, поскольку метафизика, как психика или психология архетипа и ее догма (или учение) формулирует знание о сущности доминант, то есть о бессознательных «лейтмотивах» психических событий, преобладающих в ту эпоху. Архетип метафизичен потому, что он превосходит сознание.

Книга доктора Хардинг предлагает попытку представить определенные архетипические основы фемининной психологии. Однако чтобы понять старания автора, нужно преодолеть предрассудок о том, что психология состоит просто из того, что об этом знают мистер Смит и миссис Джонс. Психика состоит не только из содержания сознания, которое, можно сказать, происходит от чувственных впечатлений, но также из идей, которые, кажется, опираются на определенные чувственные восприятия, модифицированные априорным путем, и на бессознательное существование формирующих элементов, т. е. на архетипы. Это понимание приводит нас к заключению, что одна часть психики может быть объяснена недавними событиями, но другая часть проникает в глубинные слои истории человечества.

Если что и известно точно насчет природы невротизма, так это факт, что они основываются на первичном нарушении инстинктов или, по крайней мере, значительным образом влияют на инстинкты. История эволюции анатомии и инстинктов человека проникает далеко в геологические эпохи. Наше знание истории освещает только несколько поворотов дороги, протяженность которой может насчитывать сотни или тысячи миль. Однако даже это является помощью когда, как психотерапевты, мы должны скорректировать состояние нарушенных инстинктов. В этом смысле именно религиозные мифы исцеления обучают нас больше всего. На самом деле их можно рассматривать как системы психотерапии, поддерживающие наше понимание нарушений инстинктов, так как это не просто недавние данные, но то, что существовало с начала времен. Хотя некоторые типы заболеваний, особенно инфекционные, или, например, *typhus antiquorum*, исчезают, в то время, как новые появляются, все еще остаются такие, как туберкулез, не меняющиеся пять или десять тысяч лет. То же справедливо и для психических процессов. Таким образом в описании аномальных психических

состояний древности мы можем распознать черты и связи, знакомые нам; и когда дело касается фантазий, лежащих под некоторыми психозами и неврозами, мы можем обнаружить наиболее яркие параллели им в древней и классической литературе.

Какое-то время назад уже было обнаружено опытным путем, что некоторая односторонность сознания, другими словами, нарушение баланса, компенсируется бессознательной стороной. Эта компенсация происходит при помощи констелляций и подчеркивания материала, который нередко дополняет друг друга и предполагает архетипические формы выражения до такой степени, что *fonction du riel*, то есть правильное отношение к окружающему миру, нарушено. Когда, например, женщина развивает слишком маскулинную ориентацию — то, что может очень легко случиться, принимая во внимание социальную эмансипацию, происходящую в наши дни — бессознательное компенсирует эту односторонность симптоматической акцентуацией определенных фемининных тенденций. Этот процесс компенсации происходит в личной сфере до тех пор, пока жизненные интересы личности не нарушаются. Однако когда происходят более глубокие нарушения, как, например, при потере контакта с маскулинным партнером из-за принуждения всегда быть правым, тогда на внутренней сцене появляются архетипические фигуры. Такие трудности довольно часты, и по достижении патологической стадии могут быть исправлены только психотерапевтическими методами. Поэтому аналитическая психология долгое время стремилась наиболее широко узнать архетипические концепции и связи, появляющиеся в бессознательном, чтобы иметь возможность понять природу архетипической компенсации в каждом конкретном случае.

Доктор Хардинг в дополнение к своей профессиональной работе посвятила всю себя значительным и требующим больших усилий попыткам ясной и систематической компиляции архетипического материала фемининной компенсации. Это исследование ценно и важно, но не только для специалиста, а также для образованных неспециалистов — тех, кто заинтересован в психологии, основанной на опыте жизни и понимания людей. Наше время, для которого характерна необычайная философская дезориентация по отношению к базовым концепциям жизни нуждается, кроме всего прочего, в большой психологической проницательности, чтобы дать определение *ens humanum*.

К. Г. Юнг, Кюснахт-Цюрих

ПРЕДИСЛОВИЕ

Символизм луны — пленительный объект для исследования, ведущий в неожиданные области, значимые для нашей духовной жизни. В представленном томе выбраны всего несколько отличительных особенностей, призванных показать значение начала Эроса, который в прошлом представлял существенную часть развития, но в наши дни им практически полностью пренебрегают.

Мы живем в век исполнителей и ученых, и наших лидеров выбирают из этих людей. Мало внимания уделяется внутреннему развитию эмоциональной сферы. Самим собой разумеющимся является то, что эмоции человека таковы, как они есть и не являются объектом развития — и точно не образования.

Но быть по-детски незрелыми в своих отношениях предполагает, что есть только неразвитая личность, которая и порождает проблемы мира. Наши современные трудности, будь то социальные, политические или экономические — это в конечном счете проблемы человека. Все фундаментальные дискуссии на эту тему всегда отражают одну и ту же основную трудность: «Если бы только человек был другим» — более честным, более сознательным касательно того, что он делает, если бы люди могли доверять друг другу больше, если бы они были убеждены в честности других и самих себя, если бы никто не расталкивал локтями других — тогда нам было бы легко иметь дело с материальным снабжением и распространением благ, что является главным вопросом социальных, экономических и международных противоречий. Но человеческие существа эгоистичны и думают только о себе. Их любовь и взгляды мелки и ненадежны, а также плачевно узки.

Будучи практически мыслящими людьми, мы принимаем эти характеристики человеческой природы как неизбежные. Только

мечтатели и непрактичные люди говорят об Утопии, где каждый будет честен и будет любить соседа, как самого себя. По правде, человеческая природа не может поменяться в одну ночь или массово. Нам нужно относиться к миру, как он есть, но это не означает, что ничего нельзя сделать в отношении эмоциональной незрелости, лежащей под столь многими трудностями.

Эмоциональное развитие не может произойти, если просто думаешь об эмоциях или рационально применяешь систему образования. Ум развивается, когда студент думает, а тело — когда человек делает упражнения. И все же эти утверждения, хоть и правильные в какой-то степени, достаточно лживы с другой стороны. Потому что никто не может заставить студента думать или делать упражнения. Только если тот добровольно подключает свой ум, чтобы решить стоящие перед ним проблемы или дисциплинирует свое тело, чтобы преодолеть трудности, связанные с упражнениями или спортом, он достигает результатов. Аналогичным образом нет назначенного курса эмоциональных упражнений, которые могут привести к эмоциональному развитию.

Древние религии богини-луны представляют эмоциональное развитие не через курс обучения, не даже как результат системы дисциплинирования, хотя несомненно оба этих момента включены сюда, но через инициацию. Интерпретация лунных мистерий, предлагаемая в последующих главах, связывает проблемы нашей современной жизни с проблемами древних людей, которые признавали в то время, как и мы в наше, что мир стал бесплодным и опустошенным не из-за войны или мора, а потому что ушел некий важный оплодотворяющий дух. Все стало сухим, пыльным и бесплодным. Если и была пища, то она не насыщала; мы также можем обнаружить, что избыток производства продуктов на одних фермах не питает голодающих на других. Если и была энергия, она не помогала человеку поддерживать свою семью или построить для себя достойную жизнь; похожая ситуация и сегодня, когда подающие надежды юноши и девушки вступают в мир, находящийся под угрозой уничтожения; их таланты и большие надежды обречены, так как их невозможно использовать. Но пока мы отчаянно цепляемся за надежду, что лучшие договоренности, лучшие правила могут преодолеть эти трагические расхождения и пока циники напоминают нам, что война — это единственное занятие, где никогда не будет достаточно молодых и сильных, древние говорили, на своем

символическом языке, что лунная богиня, богиня любви и плодородия, находилась на земле, откуда нет возврата, и наши современные поэты смутно выражают ту же идею.

Возможно, если бы больше внимания было направлено на восстановление богини в индивидуальной жизни, через психологический опыт, современный эквивалент посвящения богини-луны, перед нами бы открылся путь из этого тупика.

Эти вопросы нельзя догматизировать. Каждое человеческое существо так слепо и может видеть только то, что находится прямо перед ним, но мудрость веков, представленная в мифах и религиозных символах, без сомнения, обладает большим охватом, большим обзором, чем то, что можно познать индивидуально. Если мы можем понять эти учения, они могут быть приняты, с некоторыми поправками, в качестве руководства, как дорожные знаки, которые могут указать нам путь — также, как и нашим предшественникам.

Я абсолютно недогматично представляю эти мысли о значении древних лунных посвящений. Их нельзя доказать рациональными аргументами. Но подтверждение интерпретаций доступно практикующим аналитическим психологам и тем, кто анализируется по методу доктора Юнга. Когда бы подобный анализ не достигал определенного уровня психологического развития, возникающего благодаря исследованию бессознательного, он проходит через опыт, аналогичный посвящениям, о которых мы будем говорить далее. Часто символы, возникаемые во снах и фантазиях, поразительно похожи на символы из древних мистериальных религий, и результат психологического развития индивида соответствует изменениям, которые проходит посвященный.

Естественно, эти свидетельства не могут быть оценены никаким другим способом, кроме личного опыта, так как когда о них просто сообщается, то это чрезвычайно неубедительно. Однако когда с ними встречаешься не только случайным образом, но снова и снова, они формируют очень мощное подтверждение интерпретаций, описанных в последующих главах, показывающих как пользоваться заросшей и неизвестной тропой. Я предлагаю вам эти размышления психолога, надеясь на то, что они прояснят намеки на пути через тьму, которые ведут путешественника, когда не хватает сознательного знания о цели пути.

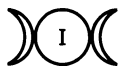
Я написала эту книгу как последователь профессора К. Г. Юнга из Цюриха. Его учение пронизывает ее с начала до конца, так как именно

его гениальности мы обязаны способностью понимать конструктивное значение продуктов бессознательного. Если бы те же символы и ритуалы интерпретировались редукционно, как например в методе Фрейда, то можно было бы обнаружить интересные моменты, касающиеся их строения, но общий смысл мира инициаций укрылся бы от наблюдения. Именно доктор Юнг первый нашел ключ к скрытым сокровищам бессознательного и стал использовать его, чтобы обнаружить дом мировых сокровищ, поэтому я хочу подтвердить свою преданность его методу и мою личную признательность за его дар человечеству.

Я хочу также выразить свою благодарность специалистам в другой области. Когда психологам необходимо обсудить основные продукты психической активности человека, они зависят от антропологов. При сборе антропологических данных для этой книги я благодарна в первую очередь и более всего мистеру Роберту Бриффол за его монументальный труд *The Mothers. The Golden Bough* Фразера и *Encyclopaedia of Religion and Ethics* Хастингса также явились значительным вкладом и мне бы хотелось выразить свою признательность их авторам, а также многим другим авторитетам, с которыми я консультировалась.

В дополнение я хочу выразить свою признательность: The Abingdon Press, New York; The American Numismatic Society, New York; The Cambridge University Press; The Clarendon Press, Oxford; The Constable Company, London; The D. Appleton-Century Company, New York; Fa ber and Faber, London; George Allen and Unwin, Ltd., Lon don; Harcourt, Brace and Company, New York; Jonathan Cape, London; John Watkins, London; The Journal of the Polynesian Society, New Plymouth, New Zealand; Luzac and Com pany, London; The Macmillan Company, London and New York; The Methuen Company, London; Putnam's Sons, New York; Professor T. S. Eliot, Sir E. A. Wallis Budge.

Моя благодарность также др. Эдварду Уитмонту за его перевод вступления Юнга.

МИФ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Некоторое время назад название этой главы вызвало бы улыбку, так как до тех пор, пока мифы изучают как часть чуждого примитивного мира, они не могут занять места в разуме современных людей. Во время 19 столетия и начала 20, когда наиболее продвинуты умы занимались исследованием внешнего мира, и внимание было направлено практически только на объективную реальность, все субъективные факторы рассматривались только как помеха в поиске истины. Ученые, за некоторым исключением, обращали внимание на внутреннюю психическую реальность только когда им была нужна уверенность, что они исключили ее из своих наблюдений. Они отделили науку от воображения и объективные наблюдения от субъективных предположений. Так химия отделилась от алхимии, астрономия от астрологии, и география от смутных изображений карт, составляющих что-то типа про-географии. Геологи с их точными инструментами заменили лозоходцев, доктора, использующие лабораторные тесты, заменили не только медиков, но и старых семейных докторов, чьи способности базировались больше на шестом чувстве, чем на точных знаниях.

Однако постепенно искатель объективной истины был вынужден признать, что предположения ранних столетий очень близко подходили к правде. Когда это случалось, он обычно описывал происходящее как совпадение, не подозревая, что субъективные догадки могут иметь значение в иной реальности, отличающейся от той, что рассматривает он сам.

Сегодня, однако, мы начали понимать, что на эти вещи надо смотреть немного по-другому. Это как если бы впечатления о мире, теснящиеся в человеческом сознании, были матрицей, рудой, из которой человек постепенно извлекает свое организованное знание.

Объективная наука — это такое извлечение. Все те факторы, что не относятся напрямую к объективному знанию и исключенные поздним научным отношением, образуют остаток, отброшенный в прошлое, считающийся мусором. Но новый вид ученых, интерес которых лежит не только в материальном мире, спровоцировал другой процесс — дистилляцию. В «мусоре», выброшенном во время последних столетий, эти люди ищут сокровища иного характера. Их поиск — это поиск истины, но в их определение истины входит субъективное, нематериальное.

Странные идеи алхимиков или астрологов, колдовство ведьм или магия, все, что преследует наиболее точных наблюдателей — все это нуждается в объяснении. Психологи спрашивают, откуда берутся суеверия. Едва ли можно согласиться с их внезапным появлением, ученые же физики признают, что суеверия не являются частью объективного материала. Астрологические мифы, например, не имеют ничего общего с солнцем, луной и звездами как физическими объектами. И все же эти мифы были универсальны среди примитивных народов и древних людей. Они даже сохранились среди нас, но сейчас они больше не выражаются как прямые суеверия или мифы, а скорее как внутренние состояния ума, которые можно наблюдать в необъяснимых сменах чувств и настроения, не связанных с внешней ситуацией, но несмотря на это рассматриваемых как относящиеся к погодным условиям или другим внешним событиям, как если бы это было связано напрямую. Хотя если мы повернемся к основанию сознания, мы обнаружим, что идеи, а не мифы, как у примитивных людей, лежат под чувствами и настроениями современного человека. На наши размышления и мечты, поэзию и фантазии эти древние мысли-чувства оказывают безусловное влияние. Кто когда-нибудь не был поражен видом полной луны, поднимающейся над морем? — поражен так, что это невозможно объяснить просто эстетикой. Даже несмотря на то, что такие эмоции могут возникнуть просто благодаря эстетической комбинации света и тени, вопрос остается. Потому что в таком опыте есть нечто большее, чем просто объективный материальный факт, здесь есть также субъективный опыт, который для жизни человека возможно более важен и более мощен, чем научное знание о природе лунного света. Так можно прикоснуться к человеку чувствующему, имеющему тысячелетний опыт эволюции. На поверхность всплывают смутные воспоминания древних ночей, пробуждая

его, делая его способным действовать на основе эмоций, меняющих его малое, повседневное Я, или, быть может, дающих ему возможность создать стихотворение, которое не могло бы родиться при ярком свете дня или, возможно, дающих ему смелость поддаться зову любви, меняющему всю его жизнь.

Внутренний, или субъективный аспект опыта, — не чепуха и не только суеверие. Материальная наука, правда, пренебрегает им, но он остается скрытым фактором в жизни человека. На самом деле этот отбрасываемый элемент содержит субъективный или психический фактор, составляющий дух. Ученые девятнадцатого столетия, скептики или агностики, отрицали существование духа. Этому вряд ли следует удивляться, ибо, как мы видели, он устранил, как незначимые, все свидетельства своего присутствия. Но люди более наивных культур не делали подобных различий между объективным «фактом» и субъективным «суеверием». Субъективные, или психические факторы, представлялись им как если бы они были частью объекта. Не было понимания, что эти дополнительные факторы являются частью наблюдателя, так как не было различия между объективным и субъективным. Качества, которыми обладал объект как таковой и те, что добавлялись наблюдателем, не дифференцировались. Субъективный элемент проецировался внутрь объекта.

Пример пояснит это различие. Если человек является дальтоником и путает красную ткань с зеленой, мы не говорим, что это чепуха, а вместо этого делаем заключение о его способностях восприятия, то есть приходим к выводу, что он страдает от дальтонизма. Люди с нормальным зрением понимают — то, что человек видит во внешнем мире, дает информацию о нем самом, и это является истинным, даже несмотря на то, что наблюдение объекта неверно. Но мы должны также понимать, что это наблюдение дает информацию и про тех людей, что видят красный и зеленый цвета как различные. Если бы людей-дальтоников было большинство, таблицы проверки зрения бы изменили, и способность различать красный и зеленый цвета считалась бы ненормальной, что в свою очередь могли бы использовать для тестирования субъекта, а не объекта. Это наше бессознательное заставляет нас говорить «но ткань и есть красная», что, в определенном смысле, является нашим суеверием.

Герберт Уэллс поднял эту проблему в «Стране Слепых», в которой описывается страна, где общее ограничение (в данном

случае — слепота) принято как основа морали. Видеть — великое преступление. Зрячесть являлась строгим и наиболее ужасным табу. Знать то, что не знали другие, являлось нечестивым, наигрубейшим преступлением. Данная история находится в начале книги неслучайно, это попытка прорвать завесу бессознательного окружения, которым был защищен субъект до недавнего времени.

При исследовании любых суеверий всегда можно обнаружить два похожих фактора: один в объекте (в примере выше — это красный фактор, связанный со способностью объекта отражать определенные световые волны); и другой — в субъекте (в данном случае в способности сетчатки реагировать определенным образом на волны определенной длины и не реагировать так же на волны другой длины). Наивный наблюдатель, естественно, не в курсе этих двух факторов. Он принимает себя и свои субъективные способности как само собой разумеющееся и вместо осознания их награждает объект качествами, которые только частично объективны, таким образом создавая суеверие по поводу этого объекта, возникшее из путаницы субъективного и объективного. Всякий раз, когда субъективный фактор не осознают, неизбежным результатом является проецирование его на объект и восприятие его наблюдателем как нечто внешнее.

Например, астрологи и алхимики проводили очень тщательные наблюдения за внешним миром, но интерпретировали свои находки не дифференцируя субъективный фактор, идущий из бессознательного и содержащий только ту часть психики человека, которую он не осознает.

Во многом таким же образом и мы не учитываем наших психологических особенностей и характеристик. Обычно мы абсолютно ничего о них не знаем, мы даже не подозреваем об их существовании. Или если появляется смутное осознание наших психологических недостатков, мы отворачиваемся от полного знания. Потому что так же, как в «Стране слепых» Герберта Уэллса это табу — видеть больше, чем другие люди. Однако же эти субъективные факторы являются потенциальными психическими сущностями, они принадлежат тотальности нашего существа, они не могут быть уничтожены. Мы можем игнорировать их, подавлять их, но они продолжают существовать. Пока они являются непризнанными изгоями нашей сознательной жизни, они будут вставать между нами и наблюдаемым объектом, и весь наш мир будет либо искажен, либо освещен добавляемым субъективным

фактором. Таким образом объект меняется и мы никогда не сможем воспринять его как реальный, а воспринимаем только наше представление о нем. Научный метод разбирается с этой дилеммой, уничтожая субъективный и психологические факторы, насколько это возможно и затем изучая оставшиеся объективные или относительно объективные данные.

Этот процесс исключает человеческий фактор, в результате чего появляется механическая концепция жизни. Именно она привела к веку машин, когда ценность измеряется в количестве доступной физической энергии. Странно вспоминать, как довольны были наши предки этим механистичным взглядом на жизнь, ведь современное поколение постепенно разочаровывается в нем. Люди девятнадцатого столетия обладали религиозным по своей интенсивности энтузиазмом к науке, к объективной или фактической истине. В них не было ничего механического, несмотря на их собственные теории. Их увлеченность научной истиной была как новая вера. Чтобы объяснить это, вспомним факт, что во время фазы механистичного расширения их жизненный дух был занят разработкой все более и более гениальных методов завоевания все более широких областей, к которым можно применить их научную изобретательность. Другими словами, то, в чем они на самом деле были заинтересованы, это рост своих собственных сил и увеличение сознательного контроля над объективным миром. Их цель была психологической, хотя они этого не осознавали. Они на самом деле были связаны с субъективным фактором, не понимая этого. Ведь именно то, что они, по их мнению, так тщательно устранили, вышло из зоны их наблюдений и снова стало мотивировать их энтузиазм.

В последнее время наше недовольство проблемами мира приобрело все больший акцент и все более очевидным становится то, что в массовой продукции и открытии новых источников энергии нельзя обнаружить полноту жизни. Эта неудовлетворенность проявляется не только в общей тревоге, но также в неврозах и несчастье, чувстве фрустрации, нехватки настоящего энтузиазма. В частности, мы расстроены характером и качеством наших человеческих взаимоотношений. Наши отцы или строили более удовлетворяющие их отношения, чем мы, или были менее чувствительны к дисгармонии и скуке. Какова бы ни была причина, нет сомнений, что множество людей страдает от неврозов и чувствуют себя несчастным, в основе чего лежат неудовлетворяющие человеческие взаимоотношения.

Сегодняшняя жизнь пуста и стерильна и мы ищем обновления, хотим того или нет, в том источнике духовного возрождения, который в ней заключен. Ведь наша наука показала себя бессильной перед лицом угрожающего срыва нашей культуры.

Чтобы приобрести точку зрения, на основании которой можно построить новую мировую философию, необходим обновленный контакт с глубинными уровнями человеческой природы, в результате чего установятся действительно жизнеспособные отношения с законами или принципами, активизирующими гуманность. Только через этот обновляющий опыт мы можем надеяться построить мост через пропасть, разверзнувшуюся перед западной цивилизацией. В прошлые времена, когда цивилизации сталкивались с крахом морали, экономики и мировой философии, казалось, что ничего невозможно сделать, кроме укрепления идеалов, материальных или духовных, на которых построена культура. Но в большинстве случаев выздоровление было нереальным, идеалы уводили цивилизацию настолько далеко, насколько возможно, выход за эти рамки был невыносим, и культура рассыпалась. Появлялись варвары. Темные века длились до тех пор, пока не развивалась новая культура, не из останков прошлого, а спонтанно выросшая из новой почвы, от людей, завоевавших и уничтоживших своих цивилизованных и культурных предков.

Некоторые верят, что такая же судьба постигнет и нашу западную цивилизацию: то, что построили мы и наши предки — будет уничтожено, наши ценности отомрут, замененные другими, теми, что не являются для нас ценностями, а представляют из себя силы и импульсы, которые мы усиленно подавляем и отрицаем.

Возможно такая судьба ожидает нас. Но может быть есть и другое решение проблемы. Высокоразвитое всегда заменяется неразвитым, цивилизация разрушается варварами. Это необратимый ход истории. Сегодня, однако, на сцену вышел новый фактор. Благодаря изучению бессознательного мы нашли путь примирения с варварством внутри себя. Мировая драма и в самом деле может нередко разыгрываться в человеке. Силы высоко развитых частей психики можно применить к менее развитым частям, чтобы обучить их, поднять с позиции варварства и деградации. С помощью этого процесса индивид имеет возможность перейти от чисто интеллектуального и рационального отношения к другому, где силы, скрытые в бессознательном, получили должное признание и больше не являются оппозицией сознанию. Если

такая мирная революция внутри себя произойдет со значительным числом людей, разве это не будет обновлением жизни без необходимости проживания фазы деструкции и варварства даже в целой западной цивилизации? Потому что революция произойдет *внутри*, в индивидах, это будет психологическое событие и оно отменит необходимость переворота нашей односторонней цивилизации, совершаемого людьми, которые представляют исключения, непризнанные стороны жизни.

По этой причине абсолютно необходимо изучать бессознательное, чтобы реконструировать наши отношения в соответствии с отвергаемыми силами, находящимися там. На первом месте среди этих забытых ценностей — субъективный фактор, который умышленно был устранен в попытках определить объект как вещь в себе.

Пренебрежение внутренним, или субъективным аспектом жизни, привело, особенно женщин, к определенной фальсификации их жизненных ценностей. Например, в прошлом судили о женщине по простому факту — являлась ли она женой и матерью. Если она была замужем — то была успешна, если нет — то скорее всего считалась неудачницей. Успех или поражение целой ее жизни измерялись только по этому внешнему или объективному стандарту. И, разумеется, если она была замужем, то об успехе или поражении ее брака судили тоже согласно внешним стандартам. Когда появлялись любые трудности в ее отношениях с мужем, то ее стремлением, как это и сейчас происходит, был поиск внешнего средства исцеления. Не так редко можно услышать, например, что женщина пробовала исцелить эмоциональный разрыв со своим мужем, отправляясь в путешествие или делая ремонт в доме. Субъективная сторона проблемы в этих случаях не принималась во внимание и могла проявиться только в настроениях или плохом характере, либо в некоторых невротических нарушениях.

В домах, где культивируются внешние стандартные правила и игнорируется субъективная сторона жизни, эти невротические проявления не берутся в расчет. По большей части они отклоняются, как излишняя эмоциональность, нервозность или слабость характера. Сейчас женщины, столкнувшиеся с домашними проблемами такого рода, например, с плохо приспособляющимися детьми, изучают что-либо из современной психологии обращения с детьми и стараются применить изученное объективно, используя внешние приемы, которые бы были более естественны, если бы она знала,

как использовать свои собственные фемининные чувства и реакции в этой ситуации. Но пока она пренебрегает своей собственной субъективной жизнью, этот естественный эффект ее сущности аннулируется, и ее единственным ресурсом остаются механические приемы, в лучшем случае являющиеся скудной заменой живой реальности.

Сегодня об успехе или провале жизни женщины судят не только по единственному критерию замужества. Ее адаптация к жизни сейчас происходит различными способами, каждый из которых предлагает возможности решить проблемы работы, социальных отношений и ее эмоциональных нужд. Однако если с целью дисциплинировать и развить все стороны своей личности она ищет не одностороннюю реализацию, а такую же многообразную, как ее собственная природа, то ее задача является наиболее сложной. Потому что в то время как внутренние побуждения, требующие приложения активности во внешнем объективном мире, принимаются ею и другими как имеющие право на жизнь, другие стремления, также имеющие глубокие корни внутри ее существа и ищущие духовной и субъективной реализации, не признаются всецело. Проявление этих потребностей часто рассматривается как настроения, эмоциональность, капризы, суеверность и тому подобное.

Так что подавление этих субъективных проблем привело к тому, что психологический фактор, который старые ученые отбросили, в настоящее время настойчиво ищут и анализируют. Снова камень, отвергнутый строителями, становится краеугольным. Потому что у каждого человеческого существа есть не только импульсы и инстинкты проживания в коллективе и социальной группе для собственного удовольствия, но и другие инстинкты и импульсы, призывающие его к поиску себя как уникальной личности. В природе каждого заложен поиск любви и отношений, но также вложена и необходимость стремления к имперсональной истине. Эти противоположные тенденции — выражение двойственности природы человека, которая является одновременно объективной и субъективной. В каждом человеке действует эта оппозиция и постоянно приводит к конфликтам. В сегодняшнем западном мире этот конфликт наиболее тяжел для женщин, потому что западная цивилизация делает особый акцент на внешнем, и это более подходит природе мужчины, нежели женщины. Фемининный дух более субъективен, более озабочен чувствами и отношениями, чем законами и принципами внешнего мира. Вот и получается, что

конфликт между внешним и внутренним обычно более разрушителен для женщин, чем для мужчин.

Есть еще одна причина, по которой для женщин эта проблема сегодня наиболее остра. Это связано с развитием маскулинной стороны женской природы, примечательным для последних лет. Такое маскулинное развитие определенно связано с ее жизнью в мире вещей; в большинстве случаев оно даже являлось необходимым условием для выживания в мире и осуществления профессиональной деятельности. Изменение характера, сопровождающее эту эволюцию, не останавливается только на профессиональной части жизни женщины, но влияет на всю ее личность и является причиной значительных перемен в ее отношении к себе и другим.

Пока маскулинная сторона женской натуры оставалась, как в прошлом, неразвитой и бессознательной, она либо дремала в скрытом виде, либо функционировала чисто инстинктивным образом. Недавнее пробуждение женщины от ее долгой апатии вывело на первый план скрытые силы, которые она, естественно, жаждет развивать и применять в жизни, как для своего собственного удовлетворения, так и для увеличения своего вклада в жизнь группы. Этот шаг сознательного развития не проходит без трудностей и спадов. Женщина отдалилась от старого, хорошо признанного женского пути реализации и психологической адаптации и оказалась перед лицом проблем, которые не предвидели ни она сама, ни первопроходцы женского движения эмансипации. Эти перемены породили неизбежный конфликт в женщине между стремлением выразить себя через работу, как это делают мужчины, и внутренней необходимостью жить в соответствии со своей собственной древней фемининной природой. Кажется, что этот конфликт определяет весь жизненный опыт тех современных женщин, кто полностью осознает себя как сознательную личность. Для них односторонняя жизнь — неэффективна; им нужно посмотреть в лицо конфликту между противостоящими силами маскулинности и фемининности. Они не могут старым инстинктивным и бессознательным путем вернуться к фемининным ценностям. Из-за приобретения новой степени осознанности они отошли от легкого природного пути. Если они вступят в контакт с их потерянной фемининной стороной, то это будет трудная дорога сознательной адаптации.

Проблемы адаптации, появившиеся из недавно приобретенного женского осознания дуальности, нужно непременно рассматривать

в их *современном* аспекте. Хотя потребность в примирении этих двух частей женской природы — проблема вековая, современная нота появляется только при необходимости применения их к практической жизни. Чтобы обнаружить ту же проблему на более глубинном уровне, мы должны посмотреть за фасад современной жизни. И это не вопрос, касающийся того, как женщина может приспособиться к миру работы и любовных отношений таким образом, чтобы обе стороны ее натуры уравнились, скорее это вопрос о том, как она может адаптироваться к мужскому и женскому принципам *внутри* ее существа. Она должна повернуться к скрытому субъективному материалу, который по мнению объективных ученых девятнадцатого столетия является лишь предрассудками или капризами.

Так что проблема не относится только к двадцатому веку. Она касалась и женщин наиболее древних времен. Я не имею в виду, что женщины в прошлом сознательно занимались этим вопросом на интеллектуальном уровне; психологическая осознанность такого рода — это феномен, относящийся, возможно, только к сегодняшнему дню. Для тех, кто был или до сих пор является менее продвинутым в психологической эволюции, такие вопросы никогда не были важными. Задавать такого рода вопросы и искать понимание стало необходимостью жизни только для более развитых современников. И тем не менее, несмотря на это, в течение веков проблема находилась во внутренней сфере и мыслях мужчин и женщин, поэтому мы видим множество мифов и легенд, относящихся к нашей теме. Опыт жизни, который принесли столетия примитивному и древнему человеку, был сведен к обычаям и традициям, сформировавшим и все еще формирующим основу внешнего поведения. Другой вид мудрости, возникший в результате того же опыта, был воплощен как интуитивное понимание в мифах и религиях, особенно в религиозных мистериях и ритуалах, которые не формулируют сознательное интеллектуальное знание или мнение, но оперируют на основе бессознательного чувства «как оно есть».

Мифы и ритуалы древних религий представляют собой наивные проекции психологической реальности. Они не искажаются рационализацией, так как когда разговор шел о том, что связано с духовной реальностью, а в данном случае, психологической реальностью, примитивные люди и люди античности не думали; они воспринимали внутренним или интуитивным чутьем, так же как мы все еще делаем

и сегодня. Следовательно, эти продукты бессознательного содержат психологический материал, не подвергшийся цензуре, из которого можно почерпнуть багаж знаний, лежащий под видимой жизнью группы, в противном случае он был бы недоступен нам.

Юнг показал, что мифы и ритуалы представляют собой фантазии групп, и что этот материал может быть интерпретирован психологически при помощи метода, похожего на применяемый при изучении содержания бессознательного отдельных людей, и тогда они дадут информацию, относящуюся к скрытым психологическим реалиям, на которых основана жизнь группы. Ведь с помощью анализа сновидений и фантазий индивида мы можем обнаружить, *что* за психологические отношения действительно лежат за сознательным фасадом, каковы его скрытые мотивы, что является истинной природой отношений. Эта реальность может и вовсе не соответствовать его собственной идее о своем внутреннем мире. Его сознательное Эго может искажать факты и самообманываться касательно своих желаний и инстинктов ради самосохранения, поддержания чувства собственного достоинства и тому подобного. Но в бессознательном истина не может быть так искажена. Бессознательное может только *отразить* действительные факты и поэтому не может лгать. По этой причине сновидение или фантазия может рассказать специалисту об истинном характере человека больше, чем он сам может о себе сказать. Его сновидения и фантазии без прикрас показывают его отношение к своим личным проблемам. Иногда они даже показывают намного больше, поскольку человек — это дитя своего времени и культуры, его «личные проблемы» могут быть просто индивидуальной версией общих или коллективных проблем. В той степени, как это есть, его бессознательный материал покажет отношения психологических сил и тенденций в общем виде, и это можно применить ко многим людям, находящимся в таком же положении. Но когда мы имеем дело со сновидениями и фантазиями, мы всегда должны держать в уме, что изучаем отдельного индивида, чьи личные обстоятельства окрасят представление, которое могло бы быть коллективной или общей проблемой, следовательно мы не можем без сомнений сказать, что сновидения или фантазии индивида показывают *как вещи обстоят* в общем, а только то, как это происходит в *его случае*.

Мифы и ритуалы представляют собой бессознательные процессы целых народов или рас. Они адаптировались к общим нуждам

бесчисленных поколений путем конвенционализации, устранившей личные элементы. Остались основные темы, общие для всех индивидов в группе. Факт поразительной схожести, даже в деталях, эквивалентных мифов и ритуалов в культурах людей, разделенных пространством, указывает на то, что они освещают основные психологические темы, истинные для человечества, вне зависимости от места проживания. И точно также сны и фантазии современных людей иногда носят аналогичный обобщающий характер, напоминающий древние или примитивные мифы. Такое сходство между сновидением и некоторыми древними мифами может проявляться даже тогда, когда у человека нет никакого знания о существовании подобного мифа, поэтому сон невозможно объяснить как «заимствованный». Это спонтанное творение бессознательного. Юнг впервые развил эту теорию в своей «Психологии бессознательного» и затем многое добавил к своей первой попытке понять личную проблему индивида с помощью расшифровки коллективных образов в его сновидениях. Но он сделал и больше, показав, каким образом эти коллективные образы появляются в людях, чьи личные проблемы зависят от нерешенной коллективной адаптации.

Практический опыт изучения бессознательного многих людей самого разного калибра показывает, что сновидения и фантазии обладают генерализированным, или мифоподобным, характером у двух типов индивидов. Во-первых, это люди, чья личная жизнь еще не окончательно проявилась из своего бессознательного начала или была завалена коллективным материалом, поднимающимся из глубин бессознательного; и, во-вторых, мифоподобный характер появляется в сновидениях другого типа людей — тех, чьи личные проблемы уже в значительной степени подверглись осмыслению через жизненный опыт или анализ. Поэтому такой обобщающий характер сновидений можно обнаружить у людей противоположных стадий развития: тех, кто еще не достиг уровня индивидуальной жизни, выйдя из коллективного потока внутренних образов, и тех, кто активно ассимилировал свои личные проблемы и через них пробил свой путь к другой, более широкой точке зрения.

В случае людей, еще не достигших удовлетворительной жизни эго, а все еще «витающих в облаках», сперва в анализе должно прорабатываться то, чего им не хватает, а именно личное отношение к миру. Эту ситуацию и проблему я ниже рассматривать не буду, но обращусь

к тем случаям, когда адекватная жизнь личности уже выстроена и все же коллективный материал пробивается сквозь сновидения, а также есть серьезная неудовлетворенность жизнью. В таких случаях индивидуальные проблемы невозможно понять, если рассматривать их только с персональной точки зрения. Потому что ни одна человеческая жизнь не состоит только из личного. Зарабатывать на жизнь, жениться и зачинать детей и занимать место в социальной группе — недостаточно. Помимо этого каждый мужчина и каждая женщина должны приобрести более широкое понимание жизни, если только они не погрязнут в по-детски личном. Как цивилизованным существам нам необходимо, и Юнг на это указывал, найти для себя *Weltanschauung*¹ или мировоззрение, предполагающее более фундаментальную адаптацию к миру как во внешнем, так и во внутреннем аспектах, вместо обычной необходимости вести маленькую или провинциальную жизнь, почти полностью бессознательную и функционирующую на уровне инстинктов. Это правда, что множество людей живут и умирают в этой плоскости, вряд ли более осознающие побуждения духа, чем животные или крестьяне. Но те люди, в чьих сновидениях преобладают коллективные образы, сталкиваются лицом к лицу с необходимостью найти для себя лучшее мировоззрение и задаются этими общими вопросами, неважно, рождаются ли таковые из внешних проблем — социальных, экономических, международных отношений или из необходимости иметь внутренние философские или религиозные концепции. Если материал сновидения во время анализа редуцируется до личной жизни и интерпретируется как имеющий отношение только к удовлетворению личной стороны инстинктов, человек будет страдать от серьезных увечий, нанесенных его психике.

С другой стороны, когда личные факторы перестают удерживать главенствующее место, ситуация начинает представляться как один из случаев универсальных общечеловеческих проблем, и индивид может быть освобожден от уз персонального, чтобы найти новый взгляд на вещи. Через понимание универсального и архетипического значения сновидений и фантазий часто можно достигнуть решения проблем человека как на личном уровне, так и на имеющем большее значение, относящемся к современной культуре и цивилизации. Так как даже

¹ Юнг, «Contributions to Analytical Psychology» в Собрании Сочинений, Том 8

если человек адекватно играет свою роль на мировой сцене, он только наполовину развивается. Его жизненная задача — реализовать свои персональные обязательства и нужды и также нести свою долю культурного бремени человечества. Эта вторая задача означает, что он должен найти себя благодаря тем имперсональным силам, которые определяют расовые и национальные движения, как в реальности внешних достижений, так и во внутреннем мире, где объектами являются принципы и философские и религиозные идеи.

Возможно наиболее важными из этих внутренних законов, которые нуждаются сегодня в свежем изучении, являются принципы маскулинности и фемининности. Эти термины нелегко донести как какую-то определенную идею до среднего читателя. Под «принципом» я имею в виду сущность, или внутренний закон, то есть не тот закон, что внедряется властью, но скорее используемый в научном смысле, как когда мы говорим о законе гравитации, законах математики или законе эволюции. Эти законы, или принципы, присущи природе вещей и действуют неизбежно и безошибочно.

Эти законы работают даже когда человек восстает против богов, выступает против естественных законов. Но используя свою богоподобную способность обуздать природу, он упускает из виду эти принципы или законы. Он знает, что в физической реальности можно преодолеть природу, только подчиняясь ее законам, но внутри самого себя он часто становится настолько очарованным своей силой, что забывает законы природы. В западном мире именно так поступают в отношении принципов маскулинности и фемининности. Нередко мы слышим, как провозглашается, что нет существенной разницы между мужчиной и женщиной, а есть только биологические отличия. Многие женщины приняли эту точку зрения и сами многое сделали, чтобы способствовать ей. Они довольствуются тем, что стали мужчинами в юбках и потеряли связь с фемининным принципом в себе. Возможно, это главная причина сегодняшних несчастий и эмоциональной нестабильности. Потому что если женщина не в контакте со своим фемининным принципом, который диктуют законы родства, она не может управлять тем, что является фемининной реальностью, а именно — человеческими отношениями. Пока она так делает, нет надежды на порядок в этой сфере жизни.

Из-за того, что недооценивается фемининный принцип, многие женщины серьезно страдают в личной жизни. Они могут

быть не в состоянии построить удовлетворяющие их отношения или даже впасть в невроз и заболеть из-за неадекватности своего развития в этом наиболее существенном направлении их жизни. По этой причине для женщины отношение к фемининному принципу внутри себя несомненно обладает огромной личной важностью, хотя это не только личная проблема, но также общая, даже универсальная, проблема всех женщин. Это проблема всего женского рода, а за ней стоит проблема всего человечества.

В книге была сделана попытка прояснить путь нового понимания этого женского принципа. Так как если это не осмыслить заново, невозможно предпринять никаких дальнейших шагов в психологическом развитии женщины, а также в понимании природы отношений между мужчиной и женщиной. На самом деле мы можем пойти и дальше, так как мужчинам тоже нужно установить отношения с фемининным принципом, не только для того, чтобы лучше понимать женщин, но также потому, что их контакт со своим внутренним или духовным миром управляется не маскулинными, а фемининными законами, на что указывал Юнг в своем «Два Эссе по Аналитической психологии» и в других произведениях. Так что сегодня абсолютно необходимо новое отношение к этому женскому принципу, чтобы противодействовать односторонности превалирующего в западной цивилизации маскулинного принципа.

Но важно и то, что фемининный принцип, или сущность, не может быть понят при помощи интеллектуального или академического изучения. Фемининный принцип не поддастся такой атаке, реальный смысл фемининности всегда уклоняется от прямого его выслеживания. Это одна из причин, почему женщины для мужчин являются такими загадочными, — для тех мужчин, кто настаивает на том, чтобы понять женщину интеллектуально.

Возьмем, например, ситуацию мужчины, задающего прямые вопросы и выясняющего все, что может, относительно причин определенных действий своей жены и обнаружившего, что все еще остается что-то нематериальное, за что она цепляется как за имеющее огромное для нее значение. Он не может угадать природу или ценность этого, оно всегда ускользает от него. Естественно, он чувствует себя в тупике. Когда во время спора между ними появляется это необъяснимое *что-то*, мужчина, скорее всего, потеряет терпение и отбросит его в сторону, удерживая свою точку зрения при помощи своей личности.

Но таким образом совершенно игнорируется женщина в чрезвычайно важных для нее вопросах и «убежденная против своей воли, она все равно остается при своем мнении». Мужчина в таких ситуациях чувствует ее как ненадежную и неуловимую, так как с его точки зрения дискуссия закончилась совершенно убедительным образом, а она все еще упорно действует так, как будто ее ни в чем не убедили.

В подобных ситуациях мужчина не понимает, что эти отброшенные ценности составляют саму суть женского подхода к жизни, являясь частью женского принципа или Эроса. Потому что для него это просто настроения или нытье, неосоздаемое ничто, которое лучше рассматривать с толерантным пренебрежением.

Женщина была не в состоянии выразить ценности, важные для нее, потому что сама их не понимала. Просто она осознавала, что неудовлетворена итогами споров, так как ее бессознательным и компульсивным образом провели при помощи непонятных ей соображений. Такая ситуация не уникальна, а вполне типична. В общем и целом женщина находит себя, когда обсуждает любую жизненно важную проблему с мужчиной, приводя факторы, которые редко может объяснить. Отношение женщины к своему собственному фемининному принципу — это нечто, контролирующее ее из глубин ее собственной натуры, но часто она в высшей степени не подозревает о том, что же держит ее. У нее нет сознательного понимания себя, и по этой причине она совершенно не может объяснить что-то о себе мужчине, и даже если бы она могла облечь свои чувства в слова, он бы понял, о чем она говорит только в том случае, если у него самого был опыт глубокого функционирования человеческого бытия, позволяющий ему понять ее.

Чтобы познать природу таких реакций, нам надо перестать относиться к ним с интеллектуальным превосходством, замечающим лишь ошибки и неудачи, и попытаться понять эти ценности как они есть. Потому что они так неосоздаемы, что интеллектуальный и рациональный анализ не может их объяснить. Даже сами женщины теряются, когда надо определить или объяснить их, ведь они сами почти абсолютно отъединены от принципа, управляющего ими изнутри, он им совершенно незнаком.

Когда таким образом нам отказывает интеллектуальная хватка, то, чтобы получить понимание, нам следует обратиться к бессознательным продуктам и увидеть, может ли изучение символов и инстинктивных путей действия пролить свет на неизвестность. Бессознательные

факторы сперва ощущаются не в виде понятий, а представленными во внешнем мире, спроецированными на неживую природу. Поэтому когда мы видим, что человеческие качества и характеристики принадлежат неживым объектам, это не просто произвольное воображение, но отражение наших собственных бессознательных качеств. Когда человек воспринимает природные явления наивно, персонифицируя их в виде мифов и сказок или при помощи поэтического языка искусства, он интерпретирует Природу в соответствии со своей *собственной* природой. Его бессознательное проецируется во внешний мир.

В древних полузабытых сказках и мифах людей мы находим следы архаичных, примитивных способов мышления, которые в западном мире в современные времена были повсеместно заменены более развитой культурой. Но они не вымерли и не стали бессмысленными, так как мы видим, что они появляются снова и снова сегодня, из бессознательного, в форме сновидений и фантазий. Через их изучение можно узнать что-то о тех непознанных законах, что управляют бессознательным — местом, куда не могут проникнуть наши современные рациональные и научные пути мышления.

И рассмотрение вопроса о женских взаимоотношениях с фемининным принципом, являющимся ее движущей силой, будет состоять не из попыток обсудить их с чисто интеллектуальной точки зрения, а представлено так, как переживается современными женщинами и переживалось их более примитивными и менее рационально развитыми сестрами. Материал, представленный для рассмотрения и психологической интерпретации, почерпнут из древних и первобытных источников и из сновидений и фантазий современных людей, и тема раскрывается при помощи параллелей и аллегорий, а не рациональным, интеллектуальным образом. В процессе изучения этих материалов могут проявиться некоторые характеристики женского начала, а также законы, управляющие внутренней реальностью женщины. Эти принципы и законы, как правило, действующие. Их понимание проливает свет на различие маскулинного и фемининного — различие, которое, безусловно, нуждается в перепросмотре сегодня, когда столь многие мужчины женоподобны, а женщины — мужеподобны.

Символ, на протяжении веков стоявший над всеми остальными для женщины, показывающий не ее сходство с мужчиной, как один из аспектов *homo sapiens*, но ее отличие от мужчины, женственность по контрасту с маскулинностью — это Луна. В поэзии, как современной,

так и классической, и с незапамятных времен в мифах и легендах луна представляла собой женское божество, фемининный принцип, так же как солнце, со своим героизмом, символизировало маскулинный принцип. Для первобытных людей и поэтов и сновидцев сегодняшних дней Солнце — маскулинно и Луна — фемининна.

Луна, сперва как влияющая на плодородие, и позже как божество, многие века воспринималась как имеющая особое отношение к женщине. Это источник их власти рожать детей, богиня, наблюдающая за женщинами и относящаяся ко всему, что касается женщин. Эти верования широко распространены. Их можно найти по всему миру с древних времен до нынешних. Они существуют у индейцев Северной и Южной Америки, среди негров Африки, примитивных племен Австралии и Полинезии, аборигенов Азии и населения Гренландии. У крестьян Европы есть похожие легенды, проникшие в народные сказки, а народы Индии, Китая и Монголии, Аравии и Сирии, древней Греции и Рима, и кельты Северной и Восточной Европы сделали эти верования самым центром их религиозной структуры.

Поэтому изучение лунного символизма может дать нам некоторое понимание природы этого *женского принципа*, попавшего под пренебрежительное влияние нашего современного времени. И так мы опять вернемся к древнему разделению мужского и женского, возникшему из глубин бессознательного в форме символов, чья вечная реальность все еще является примером для нас в нашем повседневном переживании Великого Света, управляющего днем, с его причинно-следственными связями и интеллектом, и Малого Света, управляющего ночью — временем инстинктов и темных представлений внутреннего интуитивного мира.

ЛУНА КАК СИМВОЛ ПЛОДородия¹

Согласно верованиям первобытных народов, луна обладала благотворным влиянием, и ее свет считался не только благоприятным, но даже необходимым для роста. Луне присуща сила плодородия, действующая весьма эффективно. Именно она является причиной прорастания семян и роста растений, но ее сила этим не ограничивается, так как без ее помощи животные не могут растить молодняк, женщины не могут иметь детей. В умеренном климате считается, что причина роста всего — это сила солнца, но в жарких странах солнце кажется враждебным, опалая зеленые ростки и уничтожая их. Для первобытных людей, живших в южном климате, солнце олицетворяло силу, враждебную росту и плодородию. Они считали, что силой плодородия является луна. Но странным образом верование о плодородной силе луны не ограничивалось только жарким климатом. Как мы увидим дальше, даже народы Гренландии и ахты думали таким образом. Для этих народов солнце не *представляет* или не является символом плодородия; это все современная концепция. Например, мы знаем, что зародыш жизни находится в семени, и тепло солнца дает ему развитие. Но для примитивных народов семя является инертной массой, как камень, у которого полностью отсутствует сила роста. По их представлениям, эта способность должна быть внедрена в семя некой оплодотворяющей силой, или, возможно, божеством плодородия. Когда древний человек говорил о Луне, как об владеющей и дарующей силу плодородия, он *именно это* и имел в виду.

¹ Читатель, желающий изучить лунные мифы, отсылается к работе Robert Briffault's, «The Mothers», в трех томах, опубликованных Macmillan and Co., New York, 1927.

Для него это был не просто оборот речи. Растения и семена не растут без влияния луны. Животные и люди не могут иметь потомства без энергетизирующей силы луны.

Благополучие небольшого племени зависит в первую очередь от количества людей, и, во-вторых, от снабжения пищей. Число детей, рождаемых в племенах, — дело огромной важности. Слишком быстрый прирост населения может быть предотвращен «прямым действием». Примитивные народы как правило совершенно хладнокровно относятся к уничтожению нежеланных детей и обычно применяют довольно эффективные, хотя может и небезвредные методы абортов. Но контроль другой стороны — вне человеческих сил. На прибавление потомства влияет сила, большая, чем та, которой обладают люди. Как мы видим, она почти универсально ощущалась первобытными народами, как пребывающая в луне. Поэтому неудивительно, что поклонение Луне как источнику плодородия и хранильнице питания можно обнаружить в племенах, в которых нет никакой организованной религии. Найдены записи о том, что племена, казалось бы не имеющие никакого отношения к солнцу и не поклоняющиеся ему, поклоняются Луне, как великой богине. Тайлор в «*Primitive Culture*»² сообщает, что первобытные племена Бразилии, очень дикие и жестокие, поклонялись и уважали Луну, а ботокуды считали ее высшей среди всех небесных тел. В карибских племенах луну также почитали больше, чем солнце.

В племенах, более развитых по сравнению с грубыми дикарями, религиозные идеи становятся более ясными и определенными. Гренландцы и ахты, все-таки являющиеся довольно примитивными, считали, что луна даже способна оплодотворить женщину. По этой причине их женщинам запрещено было смотреть на луну и спать на спине, не натерев предварительно слюной свой живот, чтобы предотвратить возможность забеременеть под воздействием луны. Нигерийцы также верили, что для воспроизводства муж не нужен, так как женщина оплодотворяется луной. Но для них луна не выступала как прямой оплодотворитель, а была Великой Матерью Луной, которая сидит на небе и посылает на землю Лунную Птицу, приносящую детей всем желающим этого женщинам. Эта идея не сильно

² B. Tylor, «*Primitive Culture*» (New York, 1924), II, 299. 22

отличается от аиста из наших мифов. Буряты западной Монголии также верят, что луна может явиться причиной беременности, и это может произойти без вмешательства мужчины. Е. Best в статье «The Lore of the Whare-Kohanga»³ утверждает, что маори верят в луну как постоянного супруга женщины. Для них брак между мужчиной и женщиной не является чем-то особенным, так как истинным мужем женщины является луна. Доказательством этого является тот факт, что когда появляется новая луна, у женщины наступает менструация.

У многих других народов есть похожие верования. Первобытные народы далеко не были убеждены в том, что мужчина играет важную роль в воспроизводстве себе подобных. Некоторые думали, что его функция сводится к разрыву девственной плевы или расширению прохода, чтобы туда мог проникнуть лунный свет, так как луна — это главное действующее лицо. Другие племена даже такой связи не признавали. Они думали, что только луна может одарить женщину ребенком. Некоторые считали, что хоть сексуальные отношения и являются наиболее обычным путем, приводящим к беременности, в ранние времена было и по-другому. Так как луна обладает этой властью даже сегодня, то говорят, что некоторые дети дарятся луной, а не земным отцом. Обычно это царские дети и их ждет великая судьба, как и подобает небесным родителям.

Из подобных верований исходит, что раз беременность не зависит от человеческих отношений, то женщина не несет за это ответственности. Если она забеременела — это результат воздействия луны и не имеет отношения к сексуальности. В племенах, о которых мы говорили, обычно нет ограничений на сексуальные отношения до брака, и связь между беременностью и конкретным половым актом не осознается. А поскольку продолжительность беременности стала точно известна только по достижении определенного уровня культуры, то неудача в объединении этих двух событий не так удивительна, как кажется на первый взгляд.

Во многих первобытных племенах есть верование, что луна не только является причиной беременности, но также наблюдает за процессом родов. Когда женщина собирается рожать, она просит

³ Е. Best «The Lore of the Whare-Kohanga», Journal of the Polynesian Society, XIV (New Plymouth, New Zealand, 1905), p. 211.

помощи у луны. Часто основной обязанностью акушерки является произнесение подходящих молитв и приношений Луне, чтобы обеспечить женщине легкие роды.

В первобытных обществах луну часто называли Властелином Женщин. Луна считалась не только источником женской способности зачатия детей, но также защитником и охранником женщин во всех ее действиях. В таких племенах женщины были главными добытчицами пищи, если только это не касалось охоты и убийства. Именно женщина должна добывать корни и фрукты и готовить из них еду. И когда племя становится более оседлым и начинает вести примитивное сельское хозяйство, задачей женщины является забота о полях после того, как мужчина их расчистил и подготовил. Посадки, культивирование, сбор урожая — это все женские задачи. Потому что общепринятым считалось, что только женщина может заставить все расти, ведь только она находится под прямой охраной луны, чья сила заставляет все расти и увеличиваться в размерах. Для первобытных народов идея о похожести природы женщины и луны относится не только к тенденции женщин «разбухать», как это делает луна, но также из-за их месячных циклов, имеющих ту же продолжительность, что и лунные циклы. Слово «менструация» и луна (moon) во многих языках близки и похожи, что указывает на тесную связь между женщиной и луной. Ее ежемесячный цикл — цикл луны, прямое доказательство схожести с небесным телом. Станные верования и обряды, относящиеся к этому лунному циклу, и табу, связанные с менструациями, будут рассмотрены в деталях в последующих главах. Здесь важно упомянуть, что такое соответствие между женщиной и луной считалось абсолютным доказательством «факта» их схожей природы.

Эти убеждения чрезвычайно примитивны и наивны. В своей первоначальной форме они так далеки от нас, что их почти невозможно понять. Они предлагают способ мышления, совершенно чуждый нашей ментальности с ее научным взглядом и упором на четкие причинно-следственные связи. И все же множество этих идей и сегодня продолжают жить в традициях, пословицах и сказках, значение которых мы можем понять лишь смутно.

Нам очень трудно, однако, увидеть что-то рациональные в этих верованиях, касающихся луны. Полное отсутствие всяких разумных связей между сном при лунном свете и беременностью делает эту тему немыслимой для нас. Но первобытные народы логики не знали.

Они могли бы высказать примерно такие аргументы: когда луна впервые появляется как молодой месяц — она маленькая, а затем растёт и становится круглой и полной. У женщины похожая природа, так что это воздействие производит и в ней подобный эффект. Если женщина с плоским животом полежит при свете молодой луны, её живот начнет расти. Здесь имеет место что-то типа подражательного эффекта. Если женщина не хочет ребенка, она предохраняется от беременности путем избегания попадания в лунный свет или совершает определенный ритуал, как делали женщины, когда протирали свой живот слюной. Возможно, это наиболее древняя известная форма контрацепции. Однако, когда бездетная женщина хотела ребенка, она подставляла свое тело под свет растущей луны или совершала подношения Луне, чтобы попросить ее о помощи. Растущая луна — покровитель всего, что растёт, или должно расти. Только это слово «покровитель» (патрон) представляет собой более позднюю идею по сравнению с тем, что мы рассматривали до сих пор. Покровитель — это тот, кто наблюдает и заботится о растущих вещах, но для первобытных народов луна была *причиной* роста и увеличения. Это, буквально, *сила* роста.

Похожие идеи, но более смутные, существовали и у народов намного более развитых, чем нигерийцы и ахты. Это полубеждения, не принимаемые полностью, возможно из-за страха, что интеллект отвергнет то, чему не могут противиться менее сознательные чувства. Полумесяц, например, в течении веков использовался как амулет, приносящий рост, увеличение стад и кукурузы, и особенно увеличение семьи — благословение, первобытным народам и крестьянам необходимое даже больше, чем что-либо другое, ведь их единственной страховкой от бедности и нищеты в старости было наличие отважных сыновей и дочерей.

Вся Западная Азия носила полумесяц для этих целей, так же как женщины южной Италии все еще носят этот талисман или амулет, чтобы обеспечить себе помощь Матери Луны во время родов. Сегодня католички Италии скажут вам, что Мать, то есть «Луна нашей Церкви» — это Мать Мария. Но когда они говорят это, они не смотрят на луну в небе и не поклоняются ей.

У нас считается счастливым знаком смотреть на новую луну. Мы говорим друг другу «Сегодня новолуние» с чувством, более приятным и приносящим удовольствие, чем принесла бы простая

констатация факта. Возможно, это все, что осталось в нашем сознании от прошлого отношения. Или, может быть, мы с улыбкой совершаем древний ритуал, смотря на луну через наше левое плечо, приседая, доставая деньги и показывая их луне, чтобы их количество увеличилось. Эти простые народные традиции кажутся глупыми, но их можно обнаружить в поклонении Гекате, греческой богине Луны, где они являются частью сложных обрядов. Растущая фаза луны, ее нарастание, представляло для этих первобытных народов порождающий аспект небесной власти. Но этот период роста и силы не долговечен. Сила луны вскоре тратится и следует период уменьшения. Луна постепенно тает и наконец окончательно исчезает, и ночи становятся снова темными. Древние чувствовали себя очень по-разному во время второй половины лунного месяца. Они думали, что луна была побеждена, съедена тьмой и силами разрушения. Убывающая луна поэтому символизировала для них силы уничтожения и смерти. Говорилось, что под убывающей луной «все уменьшается и уничтожается». Время убывания луны естественным образом считалась неудачным для любых предпринимаемых действий, таких как посадка зерна, нуждающегося в том, чтобы вырасти. Когда луны не было, или, как мы можем сказать, в крошечной тьме, деструктивные силы являлись в полном разгаре. Ожидались наводнения и бури и разрушительные вредители, призраки и приведения мелькали в воздухе. Это было время, когда появлялась возможность призвать силы колдовства и черной магии и их было не остановить, потому что убывающая луна являлась главой орды призраков и Хозяйкой Черной Магии.

Эти верования относительно лунных фаз были для людей не просто некими формулами.

Они принимались полностью, как само собой разумеющееся, и, следовательно, повседневная жизнь целых сообществ регулировалась в соответствии с фазами луны. Например, все сельскохозяйственные процедуры должны были совершаться согласно лунным изменениям и делом огромной важности для общественного благосостояния было знать точно, когда ожидается новолуние. Пока не появились календари, одной из основных функций главы или царя было следить за временем новолуния и затем созывать народ и говорить им, что сейчас пришло время для посадки зерен или сбора урожая. В Китае о новолунии провозглашали глашатаи, которых посылал царский астроном.

Во время прибывающей луны нужно было уделять внимание всему, что должно расти. Земля должна быть подготовлена заранее, чтобы посадить семя во время первой четверти месяца, иначе оно не сможет укорениться. Овец нужно было стричь во время возрастающей луны, чтобы шерсть снова могла быстро вырасти; но деревья должны срубаться во время убывающей луны, а то древесина не будет хорошей, сено и зерна должны быть сжаты под убывающей луной, иначе сено заплесневеет, а зерно прорастет.

Все эти правила были существенны для того, чтобы добиться успеха в попытках увеличить количество продовольствия. Человеку нужно было следовать законам природы, а не против них и он верил в то, что законы природы контролируются луной.

Много суеверий, связанных с луной, можно до сих пор обнаружить среди сельских жителей как на Британских островах, так и в континентальной Европе, но возможно наиболее распространены они среди негров южных Соединенных Штатов. На плантациях по-прежнему бережно относятся к ожерелью «рождение бисера» («birth beads»). Его привезли из Африки рабы и с тех пор тщательно охраняли. Не часто белому человеку было позволено взглянуть на драгоценный талисман, который применяют, когда женщина рожает. Грубо вырезанные бусы символизируют силу, которой управляет растущая луна.

Другим высоко ценящимся талисманом среди негров является ступня кролика. Этот амулет наиболее силен, если кролик был пойман на кладбище в полнолуние. Тогда амулет становится поистине непобедимым. Конечно, само кладбище связано с магической силой привидений, но интересно, при чем тут кролик? Полная луна дает подсказку. Образ, который можно на ней увидеть, зовется Знак Зайца на Тибете, в Китае, на Цейлоне, а также в Африке и Северной Америке. Заяц на Луне известен нам как Человек на Луне. Заяц, или кролик, для негров и американских индейцев символизирует животное воплощение героя. Можно вспомнить истории о Кролике Брер среди негров Соединенных Штатов, напрямую соотносящиеся с мифом о кролике-герое Западной Африки. В северо-американской индейской мифологии Заяц играет похожую роль. Например, для ирокезов Великий Заяц являлся одной из форм Великого Маниту, Великого Духа, кто есть одновременно и луна и бабушка луны. Эта инкарнация в виде зайца обращает нас к грубому христианскому символизму Христа как Героя, одновременно являющегося жертвенным агнцем.

Пасхальный Заяц содержит в себе тот же символизм. Пасха, как мы позже увидим, изначально являлась лунным праздником и была связана с воскресением лунного человека и лунного героя задолго до появления христианства. Когда мы подойдем к обсуждению верований лунных религий, мы обнаружим, что те же самые силы и характеристики приписываются лунному божеству и уложены в целую систему.

Когда Плутарх в свое время писал о вере, он упомянул, что растущая луна является причиной роста и «несет добрые намерения». Для нас странно думать о луне, как имеющий «намерения», хорошие либо плохие; это предполагает персонификацию луны, что является нам чуждым. Греки во времена Плутарха были далеко не примитивны, так что не только первобытным, примитивным людям присуща эта идея. В этой главе было показано, что персонификации такого рода происходят из бессознательного. Так нереализованные части человеческой психики проецируются на внешний мир и рождают мифы и суеверия. В прежние дни, как мы увидели, репродуктивная, или креативная, сила женщины не признавалась как таковая и поэтому была спроецирована на луну, как на представительницу фемининного принципа. Ранние люди были полностью уверены, что она является частью женского принципа воспроизводства. Они думали, что эта сила содержится в луне и только на время дается женщинам, растениям и животным, из-за некоторого сходства земной женщины и небесной луной. Полезно это понимать, так как в бессознательном мы по-прежнему чувствуем и действуем как первобытные люди.

ЛУНА В СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Для древнего и примитивного человека луна была видимым представителем женской половины человечества. Древние не понимали природу силы, которую они относили к луне, но мы осознаем, что для них она являлась символом самой сущности женщины по контрасту с сущностью мужчины.

В мифах и традициях, упомянутых в следующих главах, мы можем уловить ощущения и реакции мужчин и женщин, касающиеся не конкретной женщины, не даже женщины в целом, но относящиеся к феминности как таковой, фемининному принципу, который был и остается, несмотря на феминистическое движение и маскулинизацию современной женщины, основной движущей силой женщины, управляющей как ее психической жизнью, так и ее внутренней психологической сущностью.

Тот же фемининный принцип, или Эрос¹, действует и в мужчине. Но в то время как осознанная личность женщины находится

¹ В этой книге термин Эрос применяется в его философском смысле, где он представляет принцип психического родства. Он был описан Юнгом в множестве его произведений. Юнг соотносит принцип Эроса с фемининным законом, а принцип Логоса с маскулинными характеристиками. [Юнг, «Женщина в Европе», *Contributions to Analytical Psychology* (New York and London, 1928), с. 176.]. Поэтому когда используется термин Эрос, не надо соотносить его с греческим богом Эросом. Маленький крылатый бог, так же, как и его стрелы, это мысль, или импульс любви, поражающий и попадающий в вас на расстоянии. Такое проявление, естественно, является принципом Эроса, так как когда это происходит с человеком, тот вынужден искать тесной связи с человеческим источником такого импульса. Таким же образом вся реальность эротики тесно связана с Эросом, но не идентична с ним. Эротика — только одна из областей, где Эрос проявляет себя, но не единственная.

под управлением этого принципа, у мужчины к Эросу относится не сознательное, а бессознательное. Его сознательная личность, будучи маскулинной, находится под маскулинным управлением Логоса. В бессознательном, однако, он полностью отдан «другой стороне». Там правит его душа², которую человечество всегда относило к фемининному принципу. Эта фемининная душа мужчины — Анима. Природа его Анимы и его отношение к ней определяют природу его отношений с женщинами, а также его собственные внутренние отношения с духовной реальностью, которой управляет его Анима.

Размышления о природе женского принципа и законах, управляющих им, жизненно важны сегодня как для мужчин, так и для женщин, поскольку мы видим в нашей западной культуре двадцатого столетия, что этот принцип не принимался во внимание и его требования удовлетворялись лишь стереотипным и механистичным соблюдением обрядов, в которых не замечались спрятанные в его глубинах живительные источники. А ведь этих источников духовной, или психологической энергии, можно достичь только, как говорят мифы и древние религии, благодаря правильному подходу к фемининной сущности природы, будь она проявлена в неодушевленном виде или в самих женщинах. Поэтому установление лучших отношений с женским принципом — дело огромной важности.

Рассматривая эту тему, нам следует отказаться от всех предвзятых идей о том, кто такая женщина вообще или что значит «настоящая женщина» и подойти к вопросу с открытым разумом. Наша цивилизация так долго была патриархальной, когда доминировал маскулинный элемент, что наша концепция о фемининности уже полна предубеждений. Например, признанным «фактом» для нас является то, что маскулинное — сильное и высшее, в то время как фемининное — слабое и низшее. И лишь некоторое время назад эта догма была оспорена взбунтовавшимися женщинами, теми, кто не только поставил эту теорию под вопрос, но и продемонстрировал на практике, что теория не выдерживает критики. Но все еще существует предубеждение, что мужчина имеет какое-то особое превосходство

² Душа рассматривается здесь не в теологическом смысле как бессмертная часть человека, остающаяся после смерти, но в психологическом смысле — невидимая фигура, представляющая бессознательное или бессознательная часть психики человека.

по отношению к женщине, вне зависимости от его личных достижений или характера или силы, что мужчина выше женщины просто потому, что он мужчина. В матриархальных обществах же было все наоборот.

Чисто матриархальные общества сегодня редки, но все еще существует довольно много обществ, где сохраняются «материнские правила», хотя мужчины тоже достигли определенной власти. Например, у добу Меланезии клан формируется по линии матери, это клан женщин и связанных с ними мужчин. У мужа нет места в клане. Его присутствие в деревне терпят, пока жива жена, но когда она умирает, он должен вернуться в деревню к своей матери, где он попадает под управление не отца, но матери брата.

Возможно, рост маскулинной власти и патриархальных обществ начался, когда мужчина стал аккумулировать личную собственность (как противовес общественной) и обнаружил, что его личная сила и доблесть может увеличить его личное имущество. Эта перемена в светской власти совпала с расцветом культа солнца, руководимого священниками, которые начали заменять им более ранний культ луны, все еще остающийся в руках женщин. Обычно культ солнца устанавливался указом военных диктаторов, так это произошло в Вавилоне и Египте и, возможно, в других странах.

Такое изменение смещения акцента с фемининного на маскулинное привел к далеко идущему результату. Наверное самым важным оказалось, что идеи, составляющие религиозные, или духовные, ценности, которые символизировала Луна, переместились на поклонение Солнцу и оказались под маскулиным контролем.

В дни поклонения Луне религия концентрировалась вокруг невидимых сил духовного мира и даже когда государственная религия была передана Солнцу, богу войны, личного возвеличивания и материальных вещей, духовные качества остались с лунным божеством. Ведь поклонение Луне — это поклонение творческим и плодородным силам природы и мудрости, лежащей в инстинктах и естественности природных законов. Но поклонение Солнцу — это поклонение тому, что покоряет природу, управляет ее хаотической полнотой и использует ее для удовлетворения потребностей человека. Таким образом в лице Бога солнца стали почитать маскулинный принцип, или Логос, а богоподобные качества человека, его способность достигать и приказывать, формулировать, дискриминировать и обобщать, сконцентрировались в солнечном герое, совершившем двенадцать подвигов,

убившем драконов невежества и лени, таким образом обретя сознание, духовную ценность иного порядка.

Наше современное отношение — это результат подобного смещения акцента с ценностей, символизируемых Луной на те, что представляет собой Солнце. В итоге мы обрели убеждение, что интеллект — это величайшая духовная сила, и что можно получить все, если только люди будут использовать свой разум. Большинство людей даже верят, что сложности наших дней могут быть решены просто при помощи правильного внедрения экономических законов или другой рациональной системы, и что людей можно улучшить при помощи каких-нибудь образовательных технологий. Так что на самом деле мы считаем, что Бог — это разум, и что он воплощается в рациональном интеллекте человека. Излишне говорить, что в этой концепции сбрасывается со счетов внечеловеческая творческая сила маскулинного принципа, Логоса, являющаяся поистине божественным аспектом, но таково уж наше время, выхолащивающее все идеи божественного.

И все же у множества думающих мужчин и женщин возникают сомнения. Если интеллект обладает верховной властью, то почему все в мире только ухудшается? Почему в то время как человек все больше стремится контролировать природные явления, золотой век все отдаляется?

Наряду с оптимизмом тех, кто основывает свою веру на возрастающем рациональном контроле природы, появляется и глубокое неверие в те принципы, на которых покоится вся наша система. Восстание против упорядоченности и рациональности очевидно, и оно заметно не только в политическом и социальных движениях, но, что более значительно — в сфере искусства. В литературе, так же как и в скульптуре, установленные законы эстетики часто отбрасывают для того, чтобы образы, спонтанно поднимающиеся из бессознательного, могли быть свободно выражены. В результате продукты искусства могут быть странными или непонятными и, если судить с точки зрения рационального интеллекта, бессмысленными и даже патологическими или некачественными; но то восхищение, в которое они приводят огромное количество людей, доказывает, что они живые, наполненные энергией, изобилующие непознанным смыслом. В эссе о Пикассо и об «Улиссе» Джойса Юнг рассмотрел два подобных творения искусства и показал, что эти работы тоже следуют закону, но не закону причин, маскулинному Логосу. Вместо этого они уходят

от рационального и сознательного контроля и ведут по левому пути, направленному вниз, в темноту, к первобытности, из которой была проявлена жизнь. В этих темных глубинах царит злоеущее женское начало, не светлый Логос, или интеллект, а темный Эрос чувств.

Беспорядочное выражение стремлений этих современных художников было затруднено борьбой против окутывающей нас средневековой упорядоченности. Законы нового мира, которые они стремятся изучать, не проявляют себя в их работах во всей полноте свободы, потому что все еще приходится бороться против авторитетов старины. Но если мы хотим что-то получить из поворота событий, развивающихся с такой огромной скоростью в течение последнего полувека, необходимо изучать природу этих законов. В религиях лунного божества именно дух признавался верховной силой и именно ему поклонялись. В них были сформулированы фемининные принципы и описаны ритуалы, целью которых являлось признание правильного положения человека относительно сил, находящихся вне его контроля.

Мифы и религии, которые мы будем рассматривать дальше — это религиозный материал. Он имеет дело не с приспособлением к внешним объектам или обстоятельствам, но со внутренним, духовным, или психическим, мироощущением. Духовное мироощущение естественным образом проявляется в адаптации человека к его обычной жизни, но это только вторично и не является главным в религиозном ритуале или наблюдении. Так что когда мы рассматриваем фемининный принцип, или Эрос, и требования, которые для построения с ним адекватных отношений он накладывает на индивида, мы не должны ожидать, что обнаружим правила этикета или обусловленного хорошего поведения.

Одним из следствий, к которым привел маскулинный порядок, явилось то, что фемининная сторона жизни стала рассматриваться в сентиментальном ключе, а правила чувствования превратились в полностью обусловленные, традиционные, что еще более задавило и так подавленное фемининное. Качества, которые теперь принято считать женскими: доброта, иногда неразборчивая, общее или универсальное обаяние, соглашательство (некритичность) — несомненно являются доказательством развитого отношения к Эросу.

Эрос — это духовный, или психологический закон, или, выражаясь старыми понятиями, это божественность. В природе фемининный принцип или, как сказал бы простой человек, женская *богиня*

проявляется как слепая сила, пожирающая и жестокая, созидающая, питающая и уничтожающая. Это «женщина всех видов, более смертоносная, чем мужчина», жестокая как в своей любви, так и в ненависти. Это фемининный принцип в его демонической форме. Китайцы зовут его Инь, теневая сила женщины. Так же как в Вавилоне, Аравии и на Ближнем Востоке каждая земная богиня является одновременно и лунной богиней, так и китайский Инь означает как землю, так и луну. Вильгельм пишет: «Принцип Инь — это все темное, теневое, прохладное, женское и его сила начинается осенью.»³ Сила, рождающаяся осенью и способная преодолеть солнце — это холод и тьма зимы. Это то время, которое китайцы считают сущностью женского принципа, великого Инь, символизируемым крадущимся в траве тигром, ждущим возможности напасть на добычу и растерзать ее когтями и зубами, и все же выглядящим по-кошачьи мягким, заставляющим забыть о своей свирепости. Греки дали этой женской силе имя Эрос, что означает *связанность*, большая чем любовь, так как в идее Эроса негативное, или ненависть, составляет такую же существенную часть, как позитивное, или любовь.

Амбивалентный и мощный характер фемининного принципа всегда присутствует в психологической реальности мужчины. Похоже, для них женщина обладает демонической властью, хотя многие этого и не осознают. Практически универсальный для мужчин страх попасть под власть очарования женщины и одновременно притягательность этой связи доказывает, что эффект, который на них оказывает женщина, нередко имеет демоническую природу. Обесценивающее отношение, которое показывают многие мужчины по отношению к женщине, — бессознательная попытка контролировать ту ситуацию, когда они чувствуют себя в невыгодном положении или стремление подорвать устрашающую власть женщины, заставляя ее вести себя с ним как мать. Так он освобождается от большого количества своего страха, потому что в своих отношениях с мамой почти каждый мужчина испытал позитивный аспект женской любви. Но даже так он не полностью освобождается от опасений, так как превращая женщину в мать, он, одновременно с этим, превращается в ребенка и сталкивается с опасностью упасть в свое собственное

³ Рихард Вильгельм, «Душа Китая».

детство. Если это случается, он переполняется слабостью, что еще больше усиливает женщину в такой ситуации. В результате большинство мужчин относятся к женщине со страхом, хотя и бессознательным, или с враждебностью, исходящей из страха или, возможно, занимают доминирующую позицию с целью подавить свой страх.

Демонический образ женщины появляется не вследствие опыта общения мужчины с отдельной женщиной; хотя опыт может подтверждать его бессознательные предпосылки, но все-таки этот образ зависит скорее от универсального предположения, основанного на природе мужской анимы, или души, его собственного образа *фемининного*. Анима — это не женщина, но женский природный дух, обладающий демоническими качествами, нечеловеческая богиня Луна, дающая прямой опыт нечеловеческого Эроса во всей своей мощи, славного и ужасающего. В повседневной жизни мужчина не контактирует с тяжелым, хищным, неумолимым маскулинным принципом напрямую, но встречается с ним в человеческом облике, при посредничестве своей высшей (трансцендентной) функции, дисциплинированного мышления или тренированной физической силы. Но женское в нем не опосредованно через окультуренную и развитую личность. Женский принцип, лунная богиня, действует прямо из бессознательного, подходя к нему близко, как предатель изнутри. Неудивительно, что мужчина боится и не доверяет ему.

У женщины все выглядит по-другому. Она обычно не ощущает фемининный принцип напрямую в его демонической форме. Потому что он для нее связан с ее принадлежностью к женской части человечества и ее собственным подходом к жизни. Но если она остановится и заглянет внутрь себя, она тоже может обнаружить импульсы и мысли, не согласующиеся с ее сознательным отношением, но являющиеся прямым следствием первозданной и необузданной фемининности внутри нее. Обычно, однако, женщина не разглядывает темные секреты своей собственной природы. Слишком болезненно, слишком опасно для сознательного отношения, которое она построила, она предпочитает думать, что является той, кем привыкла себя считать. И на самом деле ее задача — встать между Эросом внутри нее и миром снаружи, и через свою собственную женскую адаптацию к миру, очеловечить эту демоническую мощь нечеловеческого фемининного принципа. В нашей западной цивилизации мы так отделили себя от инстинктивных аспектов Эроса и настолько приручили его

высшую власть, что в своем Эрос-отношении к миру — в социальных и домашних отношениях, женский путь стал полностью организованным и обусловленным, результатом чего явилось не только то, что те же отношения часто оказываются устаревшими и бесплодными, но и то, что женщина сама страдает от отрезанности от источника жизни, таящегося в глубинах ее существа.

Когда мужчина и женщина пытаются создать отношения, включающие в себя больше близости, чем простое знакомство, проявляется огромная разница их точек зрения и жизненных ценностей. Эти расхождения обусловлены тем фактом, что психическая конституция мужчины и женщины существенно отличается; они как зеркала, расположенные друг напротив друга. То, что для мужчины духовно, хорошо, то, к чему нужно стремиться, для женщины — демонично, полно силы, деструктивно, и наоборот. Таким образом их базовая природа и ценности диаметрально противоположны.

И все же, несмотря на то, что их природа противоположна, мужчина и женщина непреодолимо нуждаются друг в друге и вынуждены строить отношения. Однако расхождение их целей так велико, что между ними неизбежно возникает конфликт как только они начинают соприкасаться друг с другом. Временами этот конфликт может казаться совершенно непримиримым, и бремя, которую несет их потребность быть вместе, может стать невыносимым.

Традиционный способ улаживания этой извечной проблемы — оставаться как можно более неосознающим глубинные субъективные эффекты общения с противоположным полом, позволяя природе и инстинкту заботиться об интимной стороне связи, пряча подлинную природу психологических отношений под налетом вежливости. В последнее время, когда постепенно была подорвана авторитетность такого традиционного способа улаживания мужско-женских отношений, между ними в социальной сфере в значительной степени вспыхнул реальный конфликт, и теперь почти повсеместно брак либо заканчивается катастрофой, либо идет по обычному пути так называемого счастливого замужества, где слишком часто терпимость и бессознательность выступают в качестве снотворного, усыпляющего активное недовольство.

Этот внешний конфликт между мужчиной и женщиной, однако, отображает еще более распространенный субъективный конфликт, происходящий в каждом человеке, хотя, возможно, и без его

сознательного участия. Потому что ни один не является только мужчиной или только женщиной. В каждом есть оба элемента и они весьма часто оказываются в постоянном конфликте в нашей психике. Пока этот личный аспект проблемы не решен, мужчина или женщина не будут способны разрешить внешние трудности в своих отношениях, так как человек неизбежно будет проецировать менее осознанную часть собственной психики на партнера. Мужчина, например, обнаружит свою дикую, неприрученную часть, в своих отношениях с женой и будет рассматривать все, что она из себя представляет и все, что она делает, сквозь туман своей неисследованной демонической Анимы. С его точки зрения ее мотивы будут искаженны, а ее действия абсолютно непонятны. Иногда из-за этого искаженного взгляда она будет казаться жестокой, враждебной или хитрой, а в других случаях тот же искаженный взгляд может превращать ее в добрую, понимающую, принимающую, что тоже не менее обманчиво. Он и на самом деле не способен увидеть ее ясно, потому что он не видит себя, истинным и полным образом. Пока он продолжает так поступать и не может смириться с «другой частью» себя, он не может построить никаких подлинных отношений с женщиной. Чтобы сделать это, нужно посмотреть в лицо внутреннему конфликту, что может оказаться очень болезненным опытом. Проблема не может решиться, если ее игнорировать или проецировать то, что не можешь принять, на противоположный пол. Если мужчина хочет стать целостным, он должен посмотреть напрямую на свою нецелостность. Его внутренний конфликт разрешится только тогда, когда он обнаружит собственное отношение к обоим аспектам себя и примирится с силами, царящими в его психике, маскулинным и фемининным принципом, которые присущи самой природе каждого человека.

В универсальном символизме, который мы будем рассматривать, фемининный принцип, или Эрос, представлен луной, и маскулинный принцип, или Логос, солнцем. Как утверждается в мифе о творении в Писании: Бог создал два света, один — Великий, чтобы править днем и другой — Меньший, чтобы править ночью. Солнце как маскулинный принцип — правитель дня, сознания, работы и достижений, сознательного понимания и разделения, Логос. Луна, фемининный принцип, правит ночью, бессознательным. Она — богиня любви, управляет мистическими силами, находящимися вне понимания человека, привлекающими людей друг к другу или отталкивающими

их друг от друга. Она — Эрос, мощный, роковой и непостижимый.

В мифах и религиях, связанных с луной, содержится кладезь информации о природе Эроса и законах, по которым он живет. Это мудрость античности и первобытных людей, которые были более близки природе, чем мы. Мифы могут содержать сокровища понимания для нас, а могут оказаться только археологическими раритетами. Мы не можем взять их некритично, как некую мудрость, подходящую нам так же, как и древним, но мы не можем и принижать их ценность только потому, что они столь древние.

Факт, что символы луны, в течение множества веков распространены среди совершенно разных народов, так тесно связаны друг с другом — это доказательство, что они возникли из глубин человеческой психики, где дремлют истины, имеющие универсальную ценность. Образы, возникающие в форме символов из глубин бессознательной психики человека, выражают истину, выходящую за рамки человеческой мудрости или разума. Но мы все еще можем сказать, что эти образы и символы являлись истинными для людей, создавших их, так почему мы должны их серьезно рассматривать сегодня? Ответ заключается в том, что похожие образы и сегодня поднимаются из бессознательного современных мужчин и женщин. Их можно обнаружить в творениях искусства — картинах, поэзии, драмах — и также в сновидениях и фантазиях обычных людей, у которых нет артистических способностей.

Разумным отношением было бы ни возвеличивать, ни принижать мудрость древних, но вместо этого рассмотреть мифы с открытым разумом. Если они не будут относиться к нам напрямую, то значит и не будут содержать никакой истины для нас, так что мы можем прекратить тратить на это время. Но если в разговоре с нами их странная, нерациональная логика будет нести собственные убеждения, то не нужны будут никакие рациональные доказательства их истинности.

РАННИЕ ОБРАЗЫ ЛУННОГО БОЖЕСТВА

Символы и формы, появляющиеся в сновидениях современных людей, часто удивительно похожи на древнюю резьбу или первобытные картины. Пока человек не знаком с этими грубыми архетипическими образами, он не сможет их интерпретировать в современных снах; их смысл ускользнет, хотя те чувства, что сновидец испытает по отношению к этим образам, покажут их важность и значимость, пусть только на бессознательном уровне. Человек, увидевший такой сон, может почувствовать потребность нарисовать символ или представить его в другой объективной форме.

Очевидно, что и древние люди реагировали похожим образом на этот внутренний опыт. Если он обладал силой, маной, то воспринимался как божественное, и потребность представить его в конкретной форме являлась очень мощным мотивом. Когда мы представляем то количество работы и инструментов, что необходимы для вырезания каменных изображений и пиктограмм, дошедших до нас, мы поражаемся интенсивности эмоций, мотивирующих такие концентрированные усилия. Для людей античности и первобытных людей боги и в самом деле являлись мощнейшими силами, сподвигающими на усилия, результаты которых мы находим до сих пор.

Самые ранние изображения лунного божества и, возможно, наиболее универсальные, — это конусы и каменные столбы (Рис.1). Такие камни были особенно священными. Иногда они имели метеоритное происхождение (чудесная вещь, упавшая на землю с неба). Чудесное происхождение этих камней существенно повышало уровень их почитания. В других случаях камни оставляли не в их естественном виде, а обрабатывали. В Меланезии, например, камню в форме полумесяца поклонялись как одному из аспектов луны.

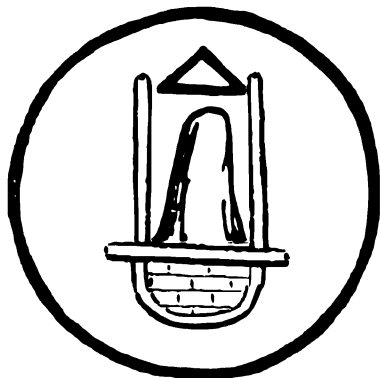

Рис. 1.

Рис. 2.

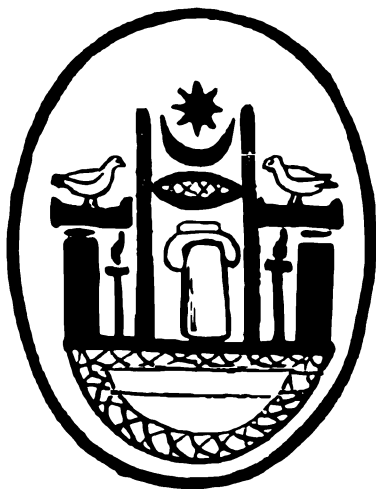

Рис. 3

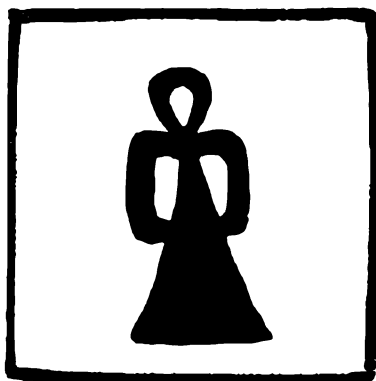

Рис. 4

Рис. 1. Священный Камень Лунной Богини, установленный в ее храме
(Из «Religions de l'antiquite», Georg Frederic Creuzer, 1825.)

Рис. 2. Священный Камень Лунной Богини (Из «Sur le Culte de Venus», Felix
Lajard, 1837.)

Рис. 3. Ворота храма Венеры в Пафосе. Здесь камень представляет эмблему
Исиды (Из «Symbolical Language of Ancient Art and Religion», R. Payne Knight,
1892.)

Рис. 4. Эмблема Исиды

Обычно его находили вместе с круглым камнем, представляющим полную луну¹.

Цвет камней также варьировался; иногда они были белыми, иногда черными, соотносясь со светлым и темным аспектами лунного божества, о которых упоминалось ранее. В Пафосе на Кипре богиня Астарта была представлена белым конусом или пирамидой. Похожий конус представлял Астарту в Библусе и Артемиду в Перга в Памфилии, в то время как черному метеоритному камню поклонялись как Кибелле в Пессинусе в Галатии. Конусы из песчаника были обнаружены в храме Госпожи Бирюзы среди обрывов горы Синай, и это предполагает, что Великой Богине Луне в образе конуса поклонялись на этой горе до того, как Моисей получил Скрижали Завета.

В Халдее Великой Богине, Магна Деа, богине Луны, поклонялись в форме священного черного камня, который, как полагают, является камнем поклонения в Мекке. Аль-Кинди рассказывает в своей «The Arology», что Аль-Узза, один из аспектов Великой Троичной Богини Аравии, был установлен в Кааба в Мекке, где ей прислуживали древние жрицы. Она была особым божеством и защитником женщин. Кааба выжила и сегодня является самым священным местом Ислама.²

На этом черном камне есть пометка, называемая Метка Афродиты. Греческая форма имени по какой-то причине ассоциировалась с этой меткой овальной формы, означающей йони или женские гениталии. Это знак Артемиды — богини Сексуальной Любви и он ясно показывает, что Черный Камень в Мекке изначально принадлежит Великой Матери.

Камень покрыт черным покровом, называемым «рубашка Кааба», и ему служат мужчины, заменившие «древних жриц». Эти служители зовутся Бени Шай-бан, что означает Сыновья Старой Женщины. Старая Женщина — это общее название луны, так что мужчины, служащие Черному Камню — прямые потомки старых женщин, выполняющих те же обязанности в древние времена.

Камни, представляющие Луну, не всегда одинаковой формы. Иногда это просто округлый курган, похожий на «Пуп», что,

¹ Robert Briffault, «The Mothers» (New York and London, 1927), II, 681.

² 2 R. F. Burton, «Personal Narrative of a Pilgrimage to Al-Madinah and Meccah» (London, 1855–6), II, 161.

возможно является наиболее ранним образом матери Земли, но чаще он продолговатый, в форме конуса или колонны, во многих случаях обработанный или украшенный резьбой. Некоторые характерные формы священных камней показаны на рисунках 1—5.

Гоблет Д'Альвиелла в его «Миграции Символов» изображения этих камней поставил в один ряд, где кульминацией явилась статуя Артемиды, завершающая ряд со свойственным ей иератическим (жреческим) отношением, не выпадая из общей тенденции. Он предполагает, что форма статуи была определена формой камня. Камень являлся изначальной формой Лунной Богини, которая постепенно приняла человеческие характеристики. Такой переход можно легко оценить, сравнивая камни на прилагаемых рисунках с очень архаической статуей Артемиды на рисунке 24 и с гораздо более поздними скульптурами на изображении 25.

Такое сравнение дает абсолютно ясное понимание, что эти колонны не фаллические, как часто предполагалось. Их история сильно отличается от «Гермов», с коими их иногда путают, и которые обыкновенно отмечались фаллическим символом, стрелой или остро-угольным треугольником, часто встречающимися на других фаллических колоннах, представляющих маскулинную эффективность или потенцию великих людей, в чью честь они были воздвигнуты. Наши же колонны можно соотнести с фемининным символом на священных камнях Матери Луны, означающим воспроизводящую власть женщины и ее сексуальную привлекательность для мужчин, в то время как кубок, чаша или Грааль являлись символом чрева, представляющим материнские качества женщины, а не ее сексуальную привлекательность, однако обе эти идеи близки и проникают друг в друга. Таким образом в этих каменных изваяниях мы обнаруживаем очевидные попытки представить женщину, ее формы, ее сексуальность, ее фемининную сущность.

Наряду с конусом или каменной колонной, деревянная колонна или дерево часто являлись символом луны. Происхождение Священного Лунного Древа очень древнее, и снова и снова появляется в религиозном искусстве. Особенно часто его можно увидеть в ассирийских изображениях (см. рис. 6—13). На рисунке 13 — очень красивое изображение священного лунного дерева, покрытого фруктами.

Два животных, крылатый лев и единорог, находятся у дерева; один подходит, а другой уходит; без сомнения они, вместе с деревом, символизируют три аспекта Луны, Троицу. Человеческая фигура,

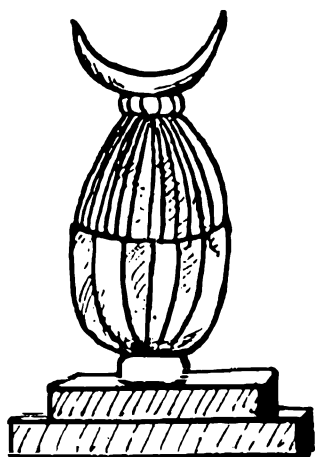

Рис. 5

Рис. 5. Лунная Богиня (Из «A New System or Analysis of Ancient Mythology», Jacob Bryant, 1774.)

Рис. 6. Священное Лунное дерево Вавилона.

На нижних ветвях факелы, символизирующие свет луны.

Рис. 7. Священное Лунное дерево Халдеи с фруктами

Рис. 8. Священное Лунное дерево с решетками и факелами.

Рис. 9. Три формы Священного Лунного дерева Ассирии, показывающие постепенную конвенционализацию, пока оно не становится просто пнем или столбом. (Из «Sur le Culte de Mithra», Felix Lajard, 1847.)

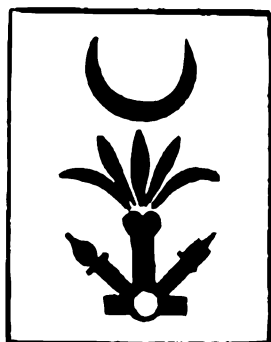

Рис. 6

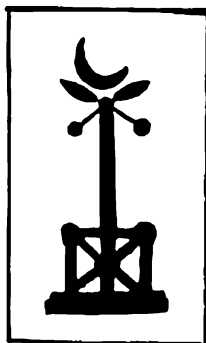

Рис. 7

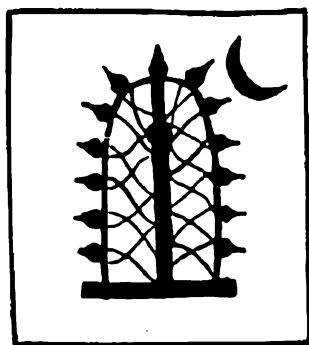
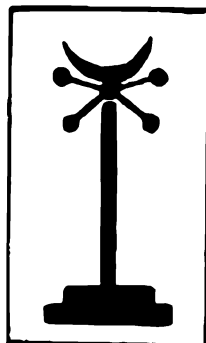

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

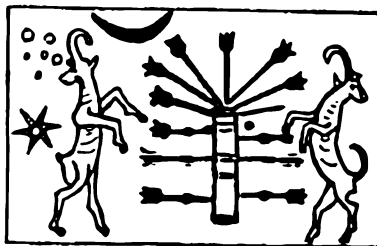

Рис. 11

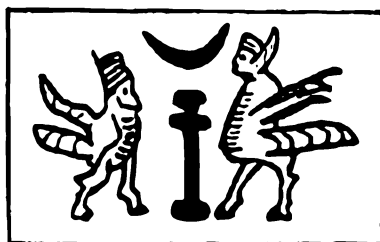

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 10. Священное Финикийское Лунное дерево, охраняемое крылатыми львами (Из «The Migration of Symbols», Goblet d'Alviella, 1894.)

Рис. 11 Ассирийское Лунное дерево, охраняемое Единорогами.

Рис. 12. Ассирийское Лунное дерево в форме пня или колонны, охраняемое крылатыми монстрами.

Рис. 13. Ассирийское Лунное дерево с Единорогом и Крылатым Львом. Герой собирается сразиться с Монстром. (Рис. 11, 12, 13 из «Sur le Culte de Mithr. Felix Lajard, 1847.)

стоящая рядом, с ножом в руке, может быть как самой Троицей, так героем, сражающимся с пожирающими монстрами.

Иногда священное лунное дерево изображалось как реальное дерево или растение, с растущей луной или лунной богиней на своих ветвях. (Сравните рис. 20 с рис. 6). В других случаях оно в некоторой мере стилизовано. Оно может даже проявляться в форме слегка усеченного столба; иногда он так изменен и упрощен, что напоминает каменные колонны, о которых мы говорили ранее. Усеченные

фигуры дерева в мифах относятся к нескольким лунным богествам. В некоторых лунных религиях срубание дерева стало важной частью ритуальной реконструкции смерти или любви бога; саркофаг с телом Осириса был скрыт в стволе дерева, чьи ветви были отрублены, формируя крышу над дворцом царя; Великая Богиня Диана была привезена из Греции в Италию, будучи спрятанной в хворосте. И поучительнее всего то, что на траурных мероприятиях в честь Аттиса срубают сосновое дерево, ветви его срезают, и мертвый бог Аттис привязывается к стволу. Весь ритуал изображает его кастрацию и смерть перед матерью, так как дерево здесь, как и везде, является как символом матери, охватывающей и заключающей в себе сына, так и символом самого сына, в результате такой связи кастрированного и умерщвленного.

Похожая тема обнаруживается в дереве Вак-Вак в Персии, Аравии, Турции и Индии. Оно было священным деревом, на котором висят мертвецы и цветут человеческие головы. Это древо смерти и древо жизни. Слово Вак-Вак тесно связано с понятием *wakan*, которое как *табу* обозначает духовное, священное, чудесное и употребляется также по отношению к женщинам во время менструального периода.

Ашера, так часто упоминаемая в Ветхом Завете, являлась стилизованным деревом, и к ней относились так, как будто это богиня Астарта собственной персоной. Пророки осуждали поклонение Ашере, а также Новую Луну и Саббат, во время которого совершалось это поклонение. Деревья и роща, где была установлена Ашера, являются частью ритуала лунной богини.

Часто на рисунках лунное дерево изображалось, покрытое фруктами или огнями, как Рождественская елка. На одном ассирийском изображении у него были ленты, как у нашего Майского дерева. Возможно, вокруг него танцевали в те давние времена, так же как в наши дни все еще танцуют вокруг майского дерева. В таких танцах ленты переплетались, как в нашем танце, покрывая голое дерево ярко-окрашенными листьями, цветами и фруктами, то есть дарами лунной богини, носительницы плодородия. Иногда изображают дерево, заключенное в своего рода храм, или святилище, или окруженное решеткой, представляющими из себя миниатюрный садик (рис. 7) Это напоминает, что Лунной Богине поклонялись в гротах, естественных рощах или садах. В стихах и религиозных текстах часто утверждается, что «Дерево растет в центре сада». Священный камень

в Пафосе, изображенный на рисунке 3, также обычно находится внутри решетки сада в храме.

На некоторых микенских изображениях священное оливковое дерево растет в таком храме: то, что мы видим на рисунке 17, — это критская гемма минойских дней. Здесь луна не в ветвях дерева, но спрятана в тайном месте в середине алтаря, как в древней итальянской резьбе из дворца Барберини в Риме (рис. 14). На первом из них преданный подходит к алтарю, возможно просить предсказания от луны, чье дерево является источником вдохновения и тайной мудрости.

Крест или шест, стоящий в виде полумесяца, мы обнаруживаем в некоторых греческих церквях. Они до-христианского происхождения, и крест или шест возможно представляют усеченное дерево (рисунок 15).

На некоторых других рисунках мы видим дерево, преобразованное в то, что напоминает лотос или лилию. Эта модификация появляется как в ассирийских, так и в египетских изображениях. На рисунках 6, 7 и 20 растущий месяц в кроне деревьев — это сам бог Синн сидит на месяце как на троне. Бог и его трон образуют плод дерева. Этот плод — источник напитка бессмертия, секретного знания и вдохновения, так высоко ценимых богами и так ревностно ими охраняемыми. Вера в чудесную силу этого дерева появилась задолго до истории Ветхого Завета о дереве «в центре сада», и мы не можем не поражаться сходству силы, приписываемой им. В Эдемском саду плод познания и плод бессмертия росли на разных деревьях. Намного чаще оба этих дара представлялись как плоды одного дерева, растущего в «центре земли», о чем сказано в древних гимнах.

Гимн, известный как гимн Эриду, является одним из самых ранних религиозных поэтических произведений, дошедших до нас из далекого прошлого. Эриду являлся центром древней цивилизации на границах Персидского залива. Возможно, народ, впоследствии называемый халдеями, вел оттуда свое происхождение, а затем мигрировал к Ефрату, где основал город Ур.

Гимн восхваляет лунное дерево и его плод следующим образом:

Его корни (или плоды) из белого хрусталя простираются вглубь.

Оно находится в центре земли;

Его листва укрывает Зикум, первобытную мать.

Оно в самом сердце священного дома, раскинувшего свою тень как лес, куда не вступала нога человека.

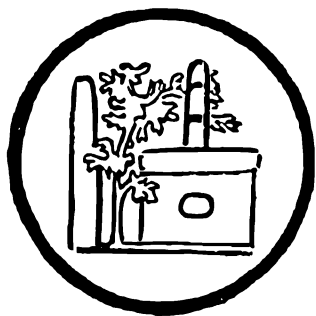

Рис. 14

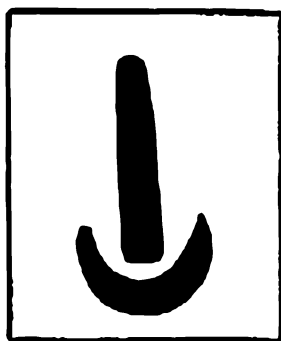

Рис. 15

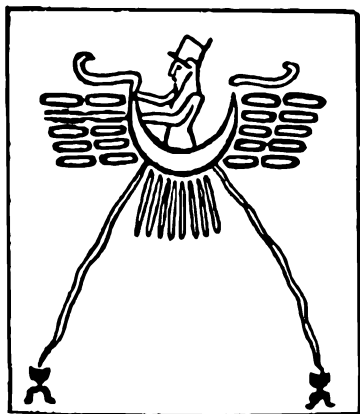

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 14. Храм священного Лунного дерева на древней итальянской резьбе, найденной во дворце Барберини, в Риме
(Из «Ancient Pagan and Modern Christian Symbolism»,
Thomas Inman, 1876.)

Рис. 15. Дохристианский символ, найденный в греческих церквях.

Рис. 16. Ассирийская крылатая Луна, из ассирийского цилиндра, возможно восемнадцатой династии

(Из «Symbolism on Greek Coins», Agnes Baldwin Brett, 1916.)

Рис. 17. Храм священного лунного дерева с критской монеты минойского периода (Из «Themis», Jane Harrison, 1912.)

Это дом могущественной матери, шествующей по небу.
В центре него — Таммуз.

Это священное дерево является «домом могущественной матери, проходящей по небу», прекрасное определение луны. В центре него — Таммуз, Зеленый, сын Матери-Луны, Иштар, которого также именуют Юный Месяц, преемник Синна, представленного на рисунке 20 как божественный плод священного лунного дерева.

«Его корни устремлены вглубь» провозглашает то, что сила луны распространяется и на подземный мир. На рис. 22 Синн, в ее черном аспекте, судит мертвых. Это изображение подземного мира лунного бога, и здесь мы также можем обнаружить лунное дерево. Строка «в самом сердце священного дома, куда не вступала нога человека» говорит о том, что смысл Лунной Богини и ее лунного дерева — это мистерия, в действительности ее можно назвать Мать Мистерий.

Лунное дерево часто изображено под охраной, либо атакуемое животными или монстрами. На ассирийских или финикийских изображениях животные — это львы, единороги, козлы или крылатые монстры (рис. 10–13). Они связаны с Тифоном, или Сетом египетской истории, и с ранним Князем Тьмы, кто, согласно мифам, атаковал Лунного Бога и убил его. Но животные в святилище луны имели другое значение, так как лунный бог был позже заменен лунной богиней, матерью всех живых существ, символом плодородной женской природы. Эта богиня часто представлена с множеством грудей не только в очень архаичных статуях, но и в более поздних, чья красота и изысканность свидетельствует о высоком уровне культуры художников (рис. 23 и 25.) Множество ее грудей свидетельствуют о ее вселенском материнском и поддерживающем инстинкте, а также о ее собственном животном происхождении. В ее руках и по всей одежде собраны группы детенышей животных.

Чем дальше мы идем в поисках источников и значения Богини — Луны, тем ближе подходим к животной концепции. Геката была ранее, в глубоком прошлом, трех-головой Собакой Луны; Артемида — медведицей; Исида была Богиней-Коровой; Кибелла — львицей или львино-головой богиней. Она восседает на львином троне и управляет повозкой, в которую запряжены львы; Атаргатис, Царица Небес, изображается верхом на льве, голова ее окружена лучами. В поздних столетиях в египетском поклонении Осирису говорилось, что Апис,

Бык, был *духом* Осириса. Это высказывание дает прямой ключ к эволюции религиозной мысли.

Сперва лунное божество было животным, потом дух бога был животным. Позже бог или богиня сопровождалась животными. Затем эти спутники были заменены людьми, носившими маски животных, совершавшими животные танцы и зовущимися именами животных. Говорилось, например, что маленькие афинские девочки танцевали, как медведи Артемиды, Богини-медведицы, в то время как Медведь-человек сопровождал кельтскую лунную богиню, ранее тоже представляемую в форме медведицы.

Медведь на самом деле представляет жестокий и ужасный аспект богини, нет только создающей, но и уничтожающий жизнь. Позже два аспекта Богини частично разделились, как в известной скульптуре «Скорбящая Афродита Ливана», где животное, в данном случае не медведь, а кабан, убивает молодого Адониса, что погружает Афродиту в глубокое горе. Медведь также является самой Афродитой.³

Животные-спутники и символы животных, окружающие богиню в ее святилище, должны постоянно напоминать верующим поздних дней об этом диком аспекте ее природной формы, который затем эволюционировал в ней. Ее животные все еще остаются рядом с ней, так как она не может быть познана никаким другим способом, кроме как в свете ее прошлого.

Психологический смысл этих постепенных изменений форм ясен. В ранние дни, до того, как цивилизация стала быстро развиваться, фемининный инстинкт воспринимался как полностью животный. Тогда яростная материнская забота о своем потомстве и жажда ее влечения к мужскому в брачный сезон были наиболее очевидными и доминирующими характеристиками как зверя, так и женщины. Однако, по мере развития цивилизации, у женщин начало появляться нечто, похожее на эмоцию, которую мы зовем «любовь», и богиня женщин постепенно стала вырастать над своей животной натурой. Теперь она представлялась как женщина, но всегда готовая яростно проявить свои фемининные инстинкты. Она едет верхом на льве, носит головной убор из коровьих рогов и сопровождается животными, при этом она сама поднялась над жестокостью

³ См. главу 7.

и яростью животных страстей, которые и представляют все эти объекты и существа.

Эта ситуация недалеко от состояния нашей собственной сегодняшней цивилизации. Наши женщины освоили человеческие манеры и эмоции — жалость, разумность, любовь; но недалеко от поверхности, в бессознательном, дремлют старые первобытные формы фемининных инстинктов, готовые вновь проявиться, а в действительно критических ситуациях даже захватить власть над сознанием. Если женский детеныш будет умирать с голоду, никто не удивится, когда женщина обратится к первобытным способам удовлетворения его потребностей, а если это окажется невозможным, она даже сможет уничтожить его, будь в этом необходимость. Частое совершение преступлений на основе страсти доказывает наличие у женщин качеств пантеры, к ним может привести фрустрированный фемининный инстинкт. Эти моменты мы считаем своего рода плачевными проявлениями человеческой природы, но поскольку мы чувствуем неизбежность влияния сил, не поддающихся человеческому контролю, то вынуждены признать их, даже если не принимаем или не восхищаемся ими.

Хищный аспект Богини Луны представлен львом или пантерой; ее материнский и питающий аспект часто представлен коровой, чьи рога напоминают «рогатый месяц». Богиню в человеческой форме обычно сопровождает коза, корова или бык. На изображении, представленном на рис. 42, мы видим двух игривых коз, запряженных в повозку, несущую луну по небу в ее ночном путешествии, и в похожей же колеснице совершает подобное путешествие Кибелла в красном головном уборе.

Лунная Богиня часто изображается с небольшими рожками на голове — элемент, общий как для вавилонского, так и греческого искусства. Таким образом она является небесной коровой, а ее сын, Юный Месяц — молодой Бычок. Пасифая, минойская Лунная Королева, Та, Что Всем Сияет, была матерью священного Молодого Быка. В средневековом латинском гимне Христос описывается как «Дикий, дикий Единорог, которого поймала и стреножила Дева».

Молодой Бык, сын Матери-Луны — это также и герой, приходящий на землю и показывающий людям путь к освобождению. Он стоит между землей и небом, так как он человек, смертный, как все люди, но он также и Сын Пречистой Лунной Матери, Вечный и Нерожденный. Он одновременно имеет природу человека и бога.

Посвященных Осириса обучали словам силы, чтобы попасть в мир богов после смерти. Он провозглашал себя «Дитя Земли и Звездных Небес». Сам Христос, в своем мифологическом аспекте, являлся таким божественным сыном, священным единорогом, стреноженным Девой и, возможно, трансформировавшимся в Овна, тельца, или, как называют его чаще всего, Агнца. В этом аспекте делается акцент именно на его не-воинственные качества. Он послушен и принимающ. Сын Лунной Матери всегда принимает свою судьбу и никогда не отвергает ее, даже несмотря на то, что каждый год приговаривается к смерти. Эта мягкость часто является главной характеристикой лунного героя, например, когда заяц играет эту роль. Только благодаря своей послушности и отсутствию агрессивности заяц бывает способен найти выход в ситуациях, когда более прямолинейные действия привели бы к катастрофе. Так заяц становится лидером или руководителем. Это качество мягкости можно соотнести с женской природой, полностью противоположной жестокости или ярости импульсов, представленных львами или пантерами Богини. Потому что фемининная природа, как и луна, одновременно светлая и темная; и свет луны не таков, как солнечный, а мягкий и прохладный, он точнее представлен нежными животными, такими как заяц.

Осталось рассмотреть два других элемента женской природы. Они представлены в мифах и религиозных изображениях крылатыми существами и змеей. В святилище лунной богини часто изображаются птицы, особенно голуби, а ее животные-спутники тоже нередко крылаты (рис. 3). Рога растущей луны иногда заменяются крыльями, как будто луна летит сквозь небо. Такая крылатая луна, содержащая Лунного Бога, Синна, показана на рисунке 16. На этом изображении поток воды, может быть дождь или, что более вероятно, нектар или лунный напиток, сома, струится на землю, где собирается в вазу или чашу.

Иногда Лунная Богиня сама имеет крылья луны. На арке Кипселлы Диана изображена крылатой, и Артемида тоже часто была представлена с высокими, витыми крыльями и с птичьей головой. Голубки и голуби занимают видное место в святилищах Афродиты; и Иштар во время потопа выбрала голубку как свою посланницу (деталь истории, появившаяся также в еврейской версии Ноя и его ковчега). Голубка, посланная посмотреть, не уменьшились ли воды потопа, подлетела к оливковому дереву и сорвала зеленую ветвь. В Греции и, возможно, Месопотамии, олива символизирует лунное дерево (рис. 17).

Свет луны, сияющий с небес и приносящий просветление и мудрость на землю, часто персонифицировался и представлялся как птица, обычно голубка. София, Священная Мудрость гностиков — это, на самом деле, свет Небесной Матери и она приравнивается к Святой Голубке Духа. Для гностиков Святой Дух — фемининный, имеющий фемининную сущность, Эрос. Это самая древняя и наиболее развитая форма лунной богини, лишь смутно предвещающая мифы, которые мы здесь рассматриваем. Учение католических отцов, о котором мы поговорим позже, готовит нас к ожиданию, что похожий символизм, шедший из древних культов лунной богини будет сохраняться в формах, донесенных до нас христианским учением. Эти отсылки даже более очевидны в писаниях гностиков, чем в ортодоксальном христианстве, откуда они были большей частью исключены или даже полностью вычеркнуты. Но Святая Голубка, до сих пор обнаруживаемая в христианских церквях и которой поклоняются в христианском учении как Посланнице Бога, Несущей Мудрость, многие века до этого была известна как посланница и воплощение Магна Матери, Той, что Сияет Всем.

Животные, рассматриваемые в связи с Лунной Богиней — животные — «инь» по китайской терминологии, и представляют собой различные аспекты фемининного инстинкта, но помимо таких «инь»-животных всегда существовала тесная связь между змеями и луной. В первую очередь считалось, что змея обладает силой самообновления из-за ее способности менять кожу. Эта способность сравнивалась с силой луны обновляться каждый месяц после своей смерти. Постоянно меняющийся, обновляющийся характер как луны, так и змеи, дал почву верованиям, приписывающим обоим силу бессмертия. Первобытные древние мифы утверждают, что дар бессмертия был принесен людям иногда луной, и иногда змеей, в других случаях змеи передают людям знания, заключенные в плоде лунного дерева или в напитке сома, который получают из этого плода.

Змея, однако, ассоциируется с луной по другой причине. Змеи живут в темных пещерах и глубоко заползают в трещины в земле и скалах. Они живут в подземных областях, которые для древних являлись нижним миром. Их движения таинственны, они хладнокровны и недоступны для человеческого восприятия. По этим причинам они всегда рассматривались как имеющие отношение к нижнему миру и теням смерти. В своей темной фазе луна тоже имеет дело с нижним

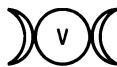
миром и хтоническими силами, и в этом аспекте появляются божества луны в форме змей, так называемые нижние божества. Например, Геката, темная лунная богиня, частично имеет форму змеи или изображается со змеями в волосах, а Иштар, как говорилось, была покрыта чешуей, как змея.

Есть еще одна роль, которую змеи играли в поклонении Лунной Богине, это связано репрезентацией фаллоса. Фаллосу, или Приапу, поклонялись в храме Весты, где он иногда был представлен в виде змеи; а у Пана было свое место в храме Селены. Почти везде, где поклонялись Лунной Богине, ее сопровождали женщины-жрицы, обычно девственницы, и часто храмовые проститутки. Поскольку змеи имели отношение к такому поклонению, не удивительно, что эти существа также являлись девицами. На некоторых офитских драгоценностях Кибелла, великая Лунная Богиня, часто предлагает кубок змее, и в Спиреусе, в святилище Аполлона, содержалась священная змея, возможно, наследница древнего поклонения, узурпированного олимпийцами. Эту змею кормила девственница и она должна была быть обнаженной во время своего служения. Великую земную мать, Деметру, в ее храме в Элевсине сопровождала змея по имени Кихреус, и мистический союз со змеей, возможно сформировал основной ритуал Элевсинских мистерий Великой Матери. Змея появляется также еще в одном неожиданном месте. Богу горы Синай, имя которого означает Гора Луны, прислуживали спутники, которых звали Левиты. Эти Левиты носили на голове растущий месяц. Хоммель утверждает, что слово *Леви*, означающее *быть преданным*, использовалось в минойских надписях в связи с богом Вадд, являющимся также богом Любви и богом Луны.

В мифах и первобытных верованиях очень распространена идея, что змеи находятся в тесной связи с женщинами и что женщины могут от них забеременеть. Существовало верование, что за первую менструацию девушки ответственен укус змеи и что женщины особо привлекательны для любви змей во время менструаций. По этой причине в некоторых племенах женщин во время менструаций не отпускали в леса или к ручью, чтобы они избегли опасности забеременеть от змеи, или, наоборот, для этой цели они совершали паломничества к ручью, в котором по поверью жили священные змеи. В таких верованиях змея иногда заменялась рыбой, и страхи и табу, характерные по отношению к змее, перешли на нее. Сама Лунная Богиня иногда

изображалась полурыбой, в этой форме она, возможно, является предшественницей наших русалок. Иштар, например, в форме Деркетто, являлась видом рыбы — левиафан (рис. 30). Она была огромным китом-драконом, который произвел ужасающее наводнение и жаловался на то, что ее дети были созданы как рыбки в море. Королевский ребенок, выпавший из лодки Исиды и утонувший, звался Рыбаком⁴, то есть титулом, который в ортодоксальном Христианстве, а также у гностиков, относился к Христу, хотя иногда происходило изменение метафоры, столь частое в мифологии, и его называли *Ихтиос*, Рыба. В средневековом гимне он зовется «Маленькой рыбкой, пойманной в фонтане Девой». Так что он и рыбак и рыба, дуальная роль, имеющая отношение к героической функции бога — того, кто имея природу как человека, так и бога, может, благодаря своей страсти, в некотором роде ассимилировать человеческое в божественное.

⁴ J. A. MacCulloch, «Serpent Worship,» Hastings' Encyclopaedia of Religion and Ethics (New York and Edinburgh, 1920), XI, 399.

ЛУННЫЙ ЦИКЛ ЖЕНЩИНЫ

Как мы уже увидели, вера в особую связь между женщиной и луной была с самых ранних времен повсеместно распространена. Самая таинственная вещь на свете — способность женщины вынашивать детей, приписывалась подарку Луны, а действия, за которые она отвечала — сельское хозяйство, сохранение огня, приготовление пищи, зависели от доброты Луны. Для первобытного человека месячный ритм женщины, соотносящийся с лунным циклом, являлся очевидным результатом их мистической связи.

Некоторые из индейцев Северной Америки, например, принимали луну за реальную женщину, Первую Женщину; когда луна убывала, она «болеет» — слово, используемое для обозначения менструации. Крестьяне некоторых регионов Европы верили, что луна менструирует и «болеет» во время убывания, и что красный дождь или небесная кровь, о чем часто говорится в старинном фольклоре — это «лунная кровь».

Во многих языках даже слова, относящиеся к менструации и к луне, похожи или тесно связаны. Наше слово «менструация» означает «смена луны», где *mens* значит moon, луна. Немецкие крестьяне зовут период менструации просто «луна»; во Франции он называется *le moment de la lune* (время луны). Briffault¹ собрал много других примеров такой вербальной связи. Например, Мандинго используют слово *саго* как для луны, так и для менструации; в Конго *njonde* имеет подобное двойное значение. В проливе Торреса и в Индии используют одинаковые слова для менструальной крови и луны. Майори

¹ J. G. Frazer, «Balder the Beautiful», «The Golden Bough», Part VII; I, 22–100, and Briffault, op. cit., II, 365–412.

зовут менструацию *mata ma-rata*, что означает «болезнь луны» и верят в то, что первая менструация девушки связана с ее связью с луной во время сна.

Во время менструации женщины почти повсеместно подвергаются определенным ограничениям, кажушимся нам странными из-за нашего рационального отношения к физическим проявлениям. Изучение социальных традиций, однако, вскрывает факт, что во всех частях света и среди всех народов, за единственным исключением более образованной белой расы, женщины во время менструаций были табуированы. Табу — любопытное слово. Оно означает — нечистый, святой, разделенный, и мы обнаруживаем, что во время периода месячных женщина во многих племенах находилась настолько на особом положении, что любой объект, которого она касалась, осквернялся или терял свою эффективность. По этой причине женщина во время менструации не могла оставаться с другими людьми или заниматься своими обычными обязанностями. Она должна была быть изолирована и оставаться в одиночестве. Иногда она просто жила эти несколько дней в отдельном помещении. Обычно это темное и тесное помещение, так как свет луны не должен попадать на менструирующую женщину. Бывало, что женщинам на окраине деревни предоставлялся специальный дом, называемый менструальный домик, где они могли находиться в одиночестве, но часто им не давалось даже такое количество заботы, и они должны были удалиться в кусты и сами ограждать себя от жары, ветра или холода в грубых убежищах, которые строили себе сами. Во многих племенах похожие табу окружали женщину в родах, и часто, когда приходило время, им надо было уйти из деревни, совершенно без помощи, в кусты, и самой постоять за себя. Им могли приносить еду и оставлять на расстоянии, но в некоторых случаях женщинам не позволялось даже прикасаться к своей еде, им давали куски еды на палке или, если она ела сама, то она должна была обернуть свои руки в ткань до того, как прикоснуться к пище. Иногда ей было даже запрещено касаться самой себя, тогда ей давали палочку, чтобы она могла почесать себе голову. Остатки этих древних табу еще в начале двадцатого века можно было обнаружить в сельской местности в Англии, где женщина в родах не должна была расчесывать себе волосы, поскольку это могло привести к плохим последствиям. И в конце своего послеродового периода, длящегося около месяца, ее нужно было освободить от этого состояния табу при помощи

религиозного ритуала. Для данной цели в англиканских и римских обрядах проводилась специальная служба Воцерковления Женщин, пережиток старых верований о том, что женщина, родившая ребенка, должна быть дезинфицирована, не хирургически, а религиозно. Этот обряд, относящийся к старым суевериям, означает, что до тех пор, пока женщина не была в церкви, где могла очиститься от своего «загрязнения», ей нельзя проходить в двери. Как и в старинных менструальных табу, следы можно было обнаружить и в Европе, где менструирующей женщине запрещалось касаться масла, вина или мяса, так как в в этом случае данные продукты станут непригодными для пищи,

Среди примитивных народов, однако, табу распространялось на гораздо больше областей. Когда женщина находилась под менструальным табу, она не могла приближаться к мужчинам. Даже ее тень считалась нечистой, так что она не могла ходить обычными путями, и все, чего она касалась, немедленно уничтожалось. У таких народов есть очень распространенное поверье, что опасно ходить под нависающими ветвями, так как там может сидеть женщина, загрязненная менструальной кровью.

Briffault предполагает, что похожая идея лежит в основе нашего суеверия о прохождении под лестницей. Разумная причина соблюдать это «табу» — что нечто может упасть на вас сверху. В Англии я несколько раз слышала, что капля *красной* краски может на вас упасть. Я никогда не слышала, что может упасть зеленая и белая краска, она всегда красная. Сейчас красная краска везде считается заменителем крови. Красный крест означает табу во всем мире; это знак табу, кровь женщины. Похоже, табу, относящееся к менструации — первое в человеческом обществе, и является паттерном всех остальных табу.

Природу нечистоты женщины в период менструации первобытные народы рассматривали как реальную инфекцию или загрязнение, зло, которое может перейти на все, с чем она вступает в контакт. Во многих местах не только еда, которой касалась женщина, считалась загрязненной, но вся еда этого вида становилась нечистой. Например, в некоторых племенах женщина не могла есть рыбу во время месячных, касаться початков кукурузы, чтобы не загрязнить всю еду такого вида.

Дурные эффекты ее прикосновения выходят за пределы продуктов питания: от встречи с такой женщиной могут произойти болезни

и катастрофы всех видов. По этим причинам женщинам необходимо было уединяться во время своих «опасных периодов» и соблюдать крайнюю осторожность в контактах с внешним миром. Наказание за несоблюдение этих правил было весьма строгим. Потому что существовало поверье, что «если мужчина посмотрит на менструирующую женщину — его кости размягчатся, он потеряет свою мужественность, может даже умереть, его оружие и орудия станут бесполезными, его сети больше не будут ловить рыбу, а стрелы попадать в оленя.» И, в дополнение к этому, такой контакт уничтожит силу воина, настолько фатальным являлась сила инстинктивного желания, которое порождала женщина.

Верилось также, что менструирующая женщина оказывает загрязняющий эффект на огонь. Если каким-то образом она к нему приближалась, то огонь приходилось гасить, убирать пепел и разжигать новый, несмотря на то, что это являлось долгой и трудной задачей. У примитивных народов Малайского полуострова уход за огнем входил в обязанности молодых девушек, тех же весталок. Но если у девушки ожидалась менструация, эти обязанности с нее снимали.

Похожие идеи, касающиеся загрязнения огня, преобладают среди огнепоклонников Востока; ни зороастрийцы Персии, ни парсы Индии не позволяют менструирующей женщине подойти к священному огню. Великий законодатель древних времен, Зороастр, Ману или Моисей, — каждый из них включал в свои законы запреты, касающиеся женщин в период менструации. В Законах Ману, индуистского законодателя, утверждается: «Мудрость, энергия, сила, способности и жизненная сила мужчины, приблизившегося к женщине, покрытой менструальными выделениями, уничтожается. Если он избегает ее, пока она в этом состоянии, его мудрость, энергия, сила, зрение и жизненная сила возрастают».²

Правила, относящиеся к менструации, возможно являются первыми табу, введенными первобытными людьми. Или же они формируют первое табу, которые «боги» ввели для первобытных людей? Ведь менструация — это совершенно естественная функция, и невозможно не удивляться, почему она подвергается табу, в то время как другие естественные функции принимаются открыто

² Buhler, «Законы Ману», Sacred Books of the East (Oxford, 1879- 1910), XXV,135.

и наивно. Тому может быть множество объяснений. Сюда входит страх крови, как части человека, которая может быть отброшена, уничтожена. Но табу не касалось человека, истекающего кровью от раны. Традиции, связанные с менструирующей женщиной, относились совсем к иной категории. Наверно их можно лучше понять, когда осознаешь, что первобытный человек причиной менструации считал инфекцию или одержимость злым духом.

Там, где верили, что злой дух входит в женщину, принимались меры, похожие на те, что и мы практикуем, когда заражаемся или владеем злой вещью. Примитивные люди пытаются изгнать злого духа окуриванием и постом; бичеванием; омовением тела и стиркой одежды; в некоторых случаях остриганием или обриванием. Эти хорошо организованные попытки удалить зло при первой менструации доходят до того, что девушка может даже умереть. Похожими методами и мы изгоняем физическое зло, например, болезнетворных микробов, токсины, лихорадку; если же встречаем зло психологического, или духовного характера, мы снова используем те же методы, метафорически или конкретно. Поговорка «Пожалеешь розгу — испортишь ребенка» относится к этому методу изгнания злого духа. «Очисти меня иссопом, и я очищусь» — относится не только к физической интоксикации, но и к моральному злу. Пост и наказание — это обычно используемые епитимьи, предписываемые для очищения от греха, а церковный ладан по своему значению равноценен окуриванию комнаты больного (хотя обладает не только этим свойством).

Всякий раз, когда примитивный человек чувствует или боится сверхъестественной силы, мы должны искать психологический фактор, незнакомый ему, и поэтому представленный в объекте, на который он спроецирован. Вопрос, который мы должны задать, таков: «что это за «зло», которое входит в женщину, и как это работает?». Среди животных, и в тех человеческих обществах, где примитивное течение природы все еще управляет делами племени, половое соединение регулируется потребностью и желанием женщины, а не желанием мужчин. Только в период течки самка позволяет самцу приблизиться к ней. С психологической точки зрения менструация женщины эквивалентна течке животных и можно было бы ожидать, что, как и у животных, этот период должен быть свободен от всяческих запретов. Но реальность противоположна. Животное-самка в этот период привлекает самцов и ищет их общества. Никакие запреты не могут ее удержать.

Все самцы вида издаലെка привлекаются к ней и не могут интересоваться ничем другим, пока она в таком состоянии. У кого была собака-самка, тот знает, насколько могуч «злой дух», который охватывает ее. Самцы, добивающиеся ее, отказываются от еды и сна и пренебрегают «обязанностями» в своих собственных домах. Они действительно заколдованы!

В человеческих обществах вся организация жизни племени была бы разрушена, если позволить следовать инстинктам в этом деле; ситуация должна быть подвергнута контролю, пока не вырастет уровень культуры. Сила воли примитивных мужчин, даже в благоприятных обстоятельствах, нестабильна; чтобы выполнять определенные племенные обязанности, нужно было держать менструирующих женщин вне их поля зрения. Ведь мужчины племени могли всю ночь напролет танцевать, чтобы сконцентрировать свое внимание на предстоящей охоте, а встретив менструирующую женщину, растерять всю концентрацию и решимость. Все, что могло возбудить их неуправляемое желание, должно было считаться «злом». Мужчины племени были вынуждены защищать себя, отделяясь от опасных женщин, и таким образом защищались от уничтожающего эффекта своей собственной сексуальности. Поэтому благосостояние целого племени зависело от необходимости держать женщин отдельно во время их недомогания.

Согласно Талмуду, если женщина в начале своего периода проходит между двух мужчин, она тем самым убивает одного из них; если она проходит между ними в конце своего периода, она лишь является причиной, заставляющей их жестоко спорить между собой.³

Такое дикое желание, возникающее у некоторых мужчин, естественно, являлось угрозой для женщин. В первобытных мифах описывается, что в целях самозащиты от посягательств мужчин женщины специально прибегали к воздержанию, несмотря на то, что период самого сильного сексуального желания, как и у животных, бывает прямо перед менструацией и сразу после нее. Эта точка зрения, выраженная в австралийском мифе, представлена Спенсер и Джиллен в «The Northern Tribes of Central Australia». «В племени Мара», утверждают они, «есть легенда, согласно которой менструация появилась потому, что во время Алхеринга (век героев) мужчины-аборигены

³ J. Meyel, «Die Medizin der Talmudisten», с. 15.

(бандикуты) вступали в слишком частые половые контакты с женщинами — аборигенами (лубра)⁴. Это сильно нарушало равновесие, и женщина сказала: «Не хочу больше быть луброй, лучше быть бандикутом», обвязалась травой, ушла и спряталась в пещере, так что мужчины не могли найти ее, а с тех пор у женщин есть их месячный период, и, следует добавить, период уединения в это время.

Бывало, что женщины, даже в примитивных племенах, сознательно пользовались этим табу, чтобы избежать нежелательного замужества, этот трюк можно было применить благодаря тому, что подсчет времени был весьма неточен. И в конце концов весьма вероятно, что женщины сами изолировались во время менструаций, так как их физическое состояние давало им неоспоримое право уединяться, не спрашивая разрешения мужчин, в противном случае в этих обществах они могли быть практически порабощены и доступны для любых сексуальных домогательств.

Развитие менструального табу на самом деле являлось абсолютной необходимостью для первобытных народов и способствовало их культурной эволюции. Без такого предохранителя женщинам и мужчинам было бы невозможно развить специфические человеческие ценности и освободиться от полного доминирования животных инстинктов. Сегодня более объективное и научное понимание освободили нас от табу и страхов, окружающих менструацию у примитивных народов. Но нужно помнить, что эти древние традиции появились, хоть и неосознанно, для того, чтобы сразиться с реальной психологической опасностью — в определенные периоды фемининная инстинктивная природа женщин может погубить мужчин.

Если мы снова не погрузимся в хаос, из которого первобытный человек выбирался путем предрассудков и табу, то станем более сознательны по отношению к эмоциональным факторам, и это сознание может быть достигнуто с помощью большего психологического понимания.

В примерах, приведенных выше, главной идеей табу являлось защита общества от деструктивного эффекта женской мана,

⁴ «Бандикут» и «лубра» — это тотемные имена кланов, но мужчины тотема

бандикута не могли жениться на женщинах — бандикутах. W. B. Spencer and F. J. Gillen, «The Northern Tribes of Central Australia» (London, 1904), c. 602.

но в некоторых случаях магическая сила менструальной крови использовалась для других целей. Есть много упоминаний о ее использовании в качестве мощного целительного средства при смертельных заболеваниях. Иногда деструктивный эффект менструирующей женщины мог быть использован позитивным образом, например, когда обнаженная девушка оббегает поле, зараженное гусеницами, для того, чтобы (и в это твердо верилось) спасти урожай. В этих примерах деструктивная сила обращается против зла, посевы защищаются от вреда.

Древние индусы рассматривали менструацию как свидетельство того, что женщины находятся под особым влиянием луны. Есть ведический текст, в котором мы читаем: «Кровь женщины — это форма Агни, поэтому никто не должен презрительно к ней относиться». Менструацию связывают с огнем, так как Агни — это бог Огня и тесно соотнесен со светом луны. В этом тексте менструальная кровь определенно рассматривается как священная, потому что является воплощением Агни.

В Индии считалось, что Мать Богиня регулярно менструирует; во время этих периодов статуи Богинь отправляли в уединенное место и покрывали окровавленной тканью, свидетельствующей о том, что у нее сейчас недомогание. Эта ткань высоко ценилась как средство исцеления многих болезней. Также считалось, что Иштар, лунная богиня Вавилона, менструирует во время полнолуния, когда происходит саббат, или дурной день. Слово саббат (*sabattu*) произошло от *Sa-bat* и означает Отдых Сердца; это день отдыха, который берет луна во время полнолуния, потому что в этот день она ни растет, ни уменьшается. В этот день, прямой предшественник Шаббата, считалось неуспешным совершать любую работу, есть приготовленную пищу и отправляться в путешествие. Это то, что запрещено женщинам и во время менструации. В день лунной менструации каждый, будь то мужчина или женщина, попадал под похожие ограничения, так как табу менструирующей женщины распространялось на всех. Саббат сперва соблюдали только раз в месяц, позже он распространился на каждую четверть лунных фаз.

В Четвертой Династии Ур (третье тысячелетие до нашей эры) есть записи, что дни табу соблюдались как в новолуние, так и в полнолуние, когда нельзя было есть приготовленную пищу (то есть было запрещено все, что касалось огня), совершать путешествия и работать. Похожие указания давались для соблюдения четырех «злых

дней» в вавилонском календаре. Они выглядят следующим образом: «В дурной день правитель не должен есть пищу, приготовленную на углях, или хлеб из печи (или «всего, чего касался огонь»). Он не должен менять одеяние, одевать чистую одежду, предлагать жертвоприношений. Царю не следует ездить в колеснице. Он не может судить. Жрец не должен совершать предсказания. Лекари не могут прикасаться к больным. День неблагоприятен для любых предприятий. Ночью царь должен поднести приношение Мардук и Иштар.»⁵ Вавилонский «саббату» был «дурным днем» лунной богини Иштар, когда считалось, что у нее проходит менструация.

Происхождение Шаббата евреев тесно связано с вавилонским саббатом, а христианский еженедельный день отдыха тесно связан с еврейским шаббатом, несмотря на то, что они относятся к разным дням недели. Этот исторический факт можно было бы с легкостью отбросить, но странно осознавать, что запреты, относящиеся к соблюдению шаббата, в своем глубоком происхождении — это менструальные табу, связанные с верой, что луна — это женщина, подверженная месячным периодам болезни.

⁵ A. H. Sayce, «A Babylonian Saints' Calendar», *Records of the Past* (London, 1876), V II, 157.

ВНУТРЕННЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ЛУННОГО ЦИКЛА

Легко можно понять, как получилось, что для первобытных людей солнце стало божеством, символизирующим мужчин, а луна — женщин, ведь характеристики солнца и луны соотносятся с мужским и женским и оправдывают выбор этих символов. Символ, однако, это не просто знак, «выбранный» образ, это нечто гораздо более значимое. Первобытные люди не выбирали богов сознательно. Процесс выбора бога происходил совершенно противоположным образом. Кажется, что символ сам навязывает себя человеческому сознанию. Он очаровывает, он требует внимания или поклонения. Его нельзя забыть или избавиться от него, он обладает особенной властью, настаивающей на совершении действий, посвященных ему. История религии — это история власти подобных символов. Мы знаем, как эта сила символа исходит из бессознательного, и в этом и есть секрет его власти над человеческими существами. Когда ценность, представленная символом, полностью изучена и превращена в сознательную, то сила покидает его, и объект, являвшийся выражением символа, вновь становится просто естественным объектом. Но пока из него излучается сила, символ представляет собой непознаваемую истину. Он спонтанно поднимается из глубин бессознательного и выражает или манифестирует скрытые смыслы образа, чье значение только частично может быть ухвачено сознанием.¹ О символе мы никогда не можем сказать: «это означает это» или «то означает то», дав каждому фактору понятные определения, поскольку символические творения бессознательного содержат в себе слои и слои значений, невыразимых словами.

¹ Юнг, «Психологические типы» (New York and London, 1923), с. 601.

Факт, что солнце для человечества являлось символом мужским, а луна — женским, легко понять. Начать можно с того, что солнце — постоянный источник света и тепла, на него можно рассчитывать, а луна — переменна. Солнце либо есть на небе, либо его нет. Оно светит днем, а ночью пропадает в своем длинном путешествии, но утром всегда появляется на Востоке. Луна следует иному порядку. Она не светит днем, но главенствует ночью. Можно было бы ожидать, что она будет светить ночью — так же, как солнце светит днем. Иногда это так, она светит во время полнолуния, но в другое время ее свет не виден, и ночь остается темна. Кроме того, кажется, что время ее восхода зависит от ее собственной прихоти. Когда солнце заходит, наступает тьма. Естественно, должна была бы взойти луна и осветить темные ночные часы, но на это нельзя полагаться. Когда солнце заходит, то и луна тоже может зайти. В другие ночи она не восходит до тех пор, пока не рассеется тьма. И еще более аномально то, что иногда ее бледный лик можно увидеть в небе и днем, ее призрачное присутствие является почти протестом по отношению к видимому и яркому свету солнца.

Как-то я опрашивала группу мужчин и женщин, выясняя их чувства по отношению к луне. Один мужчина сказал: «Луна кажется мне очень фемининным существом. Это впечатление возникает из-за ее мягкого света и того факта, что она видна только ночью, а значит в мистических обстоятельствах.» Это странное замечание, так как «фемининные существа», женщины, видны днем точно так же, как и мужчины. Однако то, что он имел в виду — очевидно. Качества, являющиеся фемининными, сияют только ночью, после того как свет солнца уходит, и маскулинная активность рабочего дня оставлена в стороне. По этой причине трудно говорить о значении лунного символизма. Лао Цзы, китайский мудрец, сказал о Дао: «Дао, о котором можно говорить, не есть истинное Дао». Точно также можно сказать: «Фемининная сущность, о которой можно говорить, это больше не истинная фемининная сущность»; или, как доктор Юнг однажды выразил поэтическим языком: «Инь — это перламутровое изображение, скрытое в самых глубоких тайниках дома.»

В этих необъяснимых качествах луны человек видел символ женской природы, казавшейся ему изменчивой, непостоянной, ненадежной. Но символизм можно развивать дальше; в случае с луной порядок или правила управляют ее поведением, так же и женщиной

управляют определенные законы, несмотря на ее видимую переменчивость. Тем не менее то, что управляет женщиной, не более очевидно или просто, чем законы, управляющие луной, которые для обычного человека являются непонятными и загадочными. Так же нелегко понять и фемининный принцип, лежащий в основе большей части женского поведения.

Луноподобный характер женской природы кажется мужчине просто проявлением ее прихотей. Если она меняет свое мнение, ему не приходит в голову, что она это делает потому, что меняющиеся условия в ее внутренней психике неподконтрольны ей так же, как изменения погоды. Мужчина всегда считает, что она меняет свое мнение из-за каприза или по причине эгоизма. Он ожидает: раз она сказала, что сделает что-то, то выполнит это. Конечно, так и должно быть, но поскольку женская природа зависит от меняющегося, цикличного жизненного принципа, то когда придет время выполнить свое обещание, условия могут действительно поменяться. Мужчине очень трудно это понять, потому что его внутренний принцип — это Логос; и, согласно этому принципу, если что-то правильно сегодня, то оно останется правильным и завтра. Следовательно, если мужчина решает проблему сегодня, он ожидает, что раз внешние обстоятельства не изменились, то он может следовать своему решению. Женщина же принимает в расчет внешние условия, но также рассматривает и внутренние обстоятельства в соответствии со своим постоянно меняющимся характером лунного принципа.

Для мужчины зависимость женщины от внутреннего принципа, главной характеристикой которого является *изменение*, делает ее непостоянной и ненадежной, такой же, как луна — «непостоянная планета». Некоторые женщины, несомненно, эксплуатируют это преимущество и произвольно меняют свои решения, чтобы им было удобнее жить. Но такое использование привилегий некоторыми женщинами не отменяет факта, что женская природа циклична по сути, и это совершенно не зависит от личных и эгоистических желаний. *Природа* женщины безличностна и не имеет ничего общего с ее собственными желаниями, иногда она живет в ней как чуждое существо, к которому надо относиться просто как к особой личности. Действительно, тот факт, что женщине предоставлены эти прерогативы, и ее нельзя оценивать только с точки зрения маскулинных стандартов, дает достаточно оснований на то, чтобы признать, что ею управляют внутренние законы,

отличные от тех, что руководят мужчинами. Чтобы понять женщину, необходимо принимать во внимание ее луноподобный характер и осознать управляющий ею принцип, основанный на изменениях.

Циклический характер своей жизни — наиболее естественная вещь для женщины, даже когда мужчине это кажется совершенной мистикой. Каждая женщина поймет меня, когда я говорю, что жизнь циклична. Если это утверждение рассмотреть с точки зрения психологии, можно сказать, что не жизнь циклична, но что женщина проживает жизнь посредством своей постоянно меняющейся натуры, то есть женское *проживание* жизни циклично. Субъективное восприятие такого рода, однако, естественным образом проецируется, потому что никто, как правило, не задается вопросом, какая часть этого восприятия принадлежит объекту и какая часть зависит от качеств наблюдателя. В этом случае очевидно, что если женщина испытывает подъем в один день, а в другой день у нее все плохо, то ей будет казаться, что это объекты или условия ритмически меняются, так что работа легка сегодня, и то же самое задание трудно завтра; дела идут хорошо на этой неделе, но возможно встретятся затруднения на следующей. Она чувствует и более значимые изменения в своем восприятии — все полно надежды и видится в розовых тонах сегодня, но через короткое время все кажется мрачным и подавляющим. В таком случае ее субъективное восприятие жизни проецируется на внешний мир, и она чувствует, что такие циклические изменения — это качества самой жизни.

Мужчины, проживающие жизнь в первую очередь через природу своего рационального Логоса, не могут признать качество женского восприятия равноценным своему. Труизмом является то, что у нас нет точного знания об истинном положении вещей; но у нас всех есть мнение, что вещи именно таковы, как мы их видим. Даже наша наука, продукт маскулинной точки зрения, такая же предвзятая и односторонняя. Поэтому мы даже не подозреваем о том, что может быть и мужчины так же обмануты своей маскулинной природой, как и женщины своей фемининной природой.

Некоторые мужчины, однако, кажутся зависимыми от смены своих внутренних чувств, почти как женщины. В таких мужчинах происходит некая инверсия маскулинных и фемининных частей психики. Рациональная функция, Логос, уходит на задний план, а фемининная часть психики, обычно скрытая, выходит на поверхность и приводит к переменам

настроения. Это происходит при доминировании анимы², фемининного духа в мужчине, который, однако должен управлять не сознанием, а бессознательным. Следовательно, доминирование фемининного духа имеет особо неприятное качество. Ведь такими мужчинами руководят не изменения нон-персонального Эроса, но настроения и капризы, основными характеристиками которых является то, что они чрезвычайно личны. Доминирование анимы порождает в них любопытное женское качество — зависимость от личностных предпочтений и неприятий, от настроения и оттенков чувств, и исключает способность адекватно реагировать в соответствии с фактами имперсональной истины. Такая ситуация — это пародия на женское представление об ее внутреннем принципе перемен.

Для женщины жизнь сама по себе циклична. Жизнь вносит в ее реальный опыт приливы и отливы, а не только дневной и ночной ритм, как это происходит у мужчин. И то, и другое вместе образуют ритм, который похож на лунные перемены, чей больший месячный цикл работает одновременно с суточными изменениями, иногда увеличивая приливные волны, а иногда действуя против приливного движения, что создает сложный ритм, трудный для понимания. В течение одного полного цикла, который на удивление точно соответствует лунным переменам, женская энергия прибывает, сияет во всем великолепии и снова убывает. Эти смены энергии влияют на нее, и не только на не физическую или сексуальную жизнь, но на психическую жизнь, так что она сильно зависит от внутреннего ритма.³

² Анима — это термин, который Юнг использует, чтобы обозначить фемининную часть мужчины, бессознательную для него и поэтому особенно проецируемую. Понятие анимус похожим образом обозначает маскулинную часть женщины. См. Юнг «Два Эссе по Аналитической Психологии» (New York and London, 1953) и см. М. Е. Harding, *The Way of All Women* (New York, 1933).

³ Я не пытаюсь сказать этим, что во время отлива ее энергетического цикла женщина серьезно недееспособна. Я хочу только отметить факт, что ее энергия не постоянна, а движется рывками. Можно наглядно убедиться, что женщина полностью способна адекватно жить во время всех периодов своего месячного цикла, выполняя свою работу, как в доме, так и в офисе, несмотря на фазу, в которой находится. Менструальный цикл женщин приводился в качестве абсурдного аргумента про ее неспособность справляться с работой. За исключением некоторых случаев, когда цикл сопровождается заболеванием, он не должен влиять и не влияет на обычные обязанности, выполняемые женщиной.

Мужчине эти циклические изменения в большинстве своем непонятны, и пытается избежать доминирования мужчин, принятого в нашей патриархальной цивилизации, женщины сами стали не обращать внимания на эффекты, оказываемые их собственным ритмом и стараются как можно больше походить на мужчин. Так они еще раз попали под господство мужчин. Они потеряли контакт со своим фемининным инстинктом и начали функционировать сознательно, через маскулинные качества анимуса. В обществах, где простые природные факторы менее контролируемы и не подвержены желаниям эго, жизнь женщины течет в форме, диктуемой их лунным циклом. Социальные традиции, преобладающие во многих частях мира по отношению к женскому циклу, появились вследствие неосознаваемого мужского страха по отношению к женщинам. Несомненно его страх внес свой вклад в развитие табу, контролирующего этот аспект фемининной натуры. Ведь ее сексуальный цикл обладает сверхъестественной властью над мужчиной, возбуждая его собственные инстинкты и угрожая его власти. Страх естественным образом спроецировался на женщину, чье состояние доказывало его беспомощность перед лицом своих инстинктивных желаний. Связь между менструацией и деторождением внесла свою лепту в этот страх, так как рождение ребенка мужчине кажется вечным чудом. «Откуда мне знать», сказал один из примитивных людей, «что моя жена родит человеческое дитя? Откуда мне знать, что это будет не теленок или волк?» То, чего он не понимает, порождает страх, и он пытается контролировать его, применяя табу, ограничения, запреты.

Самих женщин невозможно полностью принудить в этом вопросе, однако, они должны сотрудничать для развития социальных традиций, которые в большой степени зависят от соблюдения женщиной законов своей собственной природы. И на самом деле, как показывает миф о Бандикутах, в некоторых случаях традиции были внедрены самими женщинами, как способ защиты от сексуальных притязаний мужчин и сохранения своей собственной женской ценности.

В примитивных сообществах вся жизнь женщины сфокусирована вокруг регулярных изменений ее физиологического цикла. Периоды работы дома и в обществе, социальной жизни с соседями и семейных отношений с мужем сменяются временем уединения. Регулярно она должна была оставаться одна: она не могла жить в собственном доме с мужем и детьми, не могла готовить, работать в саду, гулять; она

вообще не могла выполнять свою обычную работу; была вынуждена оставаться одна, погружаться в глубины себя, интровертироваться. Антропологи, как правило более заинтересованные в обычаях племени, а не в психологии индивидов, не интересовались, как эти обычаи отражались на самих женщинах. И однако же это периодическое уединение неизбежно оказывало глубокий эффект на отношение женщины к жизни.

Дни, проводимые в одиночестве, в менструальном укрытии, когда женщина постилась и совершала очистительные ритуалы, возможно эквивалентны церемониям инициаций, проводимых для юношей пубертатного возраста. Соответствующие ритуалы в некоторых сообществах существуют и для девочек, но они не так распространены. Церемонии инициации обычно включают изоляцию, пост и очищение. Обрезание или телесные испытания также являются необходимыми частями инициаций, и во время недель или месяцев приготовлений мальчики тоже подвергаются определенным табу. Эти обряды имеют поразительное сходство с ритуалами, совершаемыми женщинами во время месячных периодов, сюда входит изоляция, пост и очищение. Схожесть так очевидна, что не может быть случайной.

Например, перед инициацией в племенах американских индейцев мальчики проводили долгое время в одиночестве в лесах и постились. Это совершалось для того, чтобы они могли получить видение или иницирующее сновидение. Испытания были необходимы, чтобы привести человека в соприкосновение с глубинными слоями бессознательного. Благодаря им он испытывал власть этого божественного «нечто», являющегося голосом его собственной натуры, таким образом освобождаясь от детской зависимости от власти родителей.

Сновидение, которое юноше снилось в это время, становилось путеводной звездой всей его жизни; он выбирал своего проводника и духа-хранителя из указаний сна; во время всех критических периодов своей дальнейшей жизни он следовал указаниям этого иницирующего сновидения. Женщины не получали подобного опыта единственной инициации, но каждый месяц должны были на несколько дней уходить и уединяться, тесно соприкасаясь с инстинктивными силами, управляющими ими изнутри, из глубин их собственной психической природы. Конечно контакт с глубинными слоями бессознательного, в который женщины вступают во время этого ежемесячного уединения, менее оформлен, сформулирован, чем у мужчин. Мужчина ищет сна или

видения, чтобы затем подвергнуть их сознательным размышлениям и проработке; они интерпретируются знахарями или старцами. Таким образом каждый юноша переводит свой кусочек мудрости или вдохновения в интеллектуальную форму, в некую картину. То, как инициаторный сон влияет на всю жизнь американских индейцев наиболее ясно представлено в биографиях Plenty-Coups, Индейского Ворона⁴, и Черного Лося, Sioux.⁵

Но женщины, насколько это известно, не оформляют в виде картинки или идеи то послание, которое они получают из бессознательного во время своего уединения. Это и понятно, ведь женщины в определенном смысле ближе к природе, чем мужчины. Голос природы говорит с ними так явно в их собственной личности, что для того, чтобы женщина хотя бы спросила себя, что она узнала, ей необходимо более высокое состояние осознанности.

В наше время мы уже освободились от предрассудка, что женщина в период менструации нечиста или особенно опасна. Мы также поняли, что менструация — это не болезнь. Но большинство женщин признают, что в этот период они испытывают определенные трудности как физического, так и психологического порядка. Они становятся раздражительными, выходят из себя; труднее переносят нагрузку, физическую или умственную; нарушается равновесие нормального отношения к жизни.

Сегодняшняя тенденция заключается в том, что женщины занимаются собственным бизнесом, полностью игнорируя эти смены настроения и сознательно подавляя волевым усилием циклические изменения в себе, те, что зависят от скрытых луноподобных аспектов их собственной природы. Однако некоторые женщины, которые не могут полностью подавить очевидное, осознают собственный ритм, хоть и не в форме психологических изменений, но как физические трудности, настолько серьезные, что им приходится уходить с работы пораньше, чтобы восстановиться.

В примитивных сообществах уединение было предписано всем женщинам, и никто не должен был казаться больным, чтобы каждый месяц использовать преимущества периода одиночества. В нынешние времена осознали, что табу являлись предрассудками,

⁴ B. Linderman, American (New York, 1930).

⁵ J. G. Neidhardt, Black Elk Speaks (New York, 1932).

и практики, основанные на них, были отброшены, но это не значит, что нужно отбросить целые традиции и обряды только потому, что мы считаем табу суевериями. Суеверия основаны на психическом содержании, спроецированном на объект. Если мы хотим освободиться от их господства, то должны понять категорический императив бессознательного, которое они представляют. В западной цивилизации, когда без такого осознания были отброшены практики, основанные на менструальных табу, бессознательное стало мстить. Физические боли, ассоциирующиеся с этим периодом, стали характерной чертой всех женщин из «праздных» классов. Уединение и изоляция женщины, в недавнем прошлом неизбежно необходимые по причине табу, теперь достигаются путем физической немогущности в этот период. Как будто бессознательное сказала: «Если вы не делаете этого для богов, вы будете делать это для тела».

Сегодня известно, что нормальная менструация не должна быть болезненной. И хоть в наши дни есть общее понимание, что табу и ограничения, которые древние люди накладывали на менструирующих женщин, являлись суевериями и что физические недомогания викторианской эпохи часто были невротическими, мы все-таки не заглядываем дальше в поисках причины этих общераспространенных иллюзий. Вместо этого мы смотрим свысока на оба этих мнения, основываясь на рациональном подходе к физическим явлениям, говоря, что обряды наших предков были *ничем иным*, как суеверием, или *ничем иным*, как невроз, то есть в обоих случаях не имели объективных причин. Мы не берем в расчет, что психологическое содержание всегда воспринимается спроецированным на внешний мир. Древние табу являлись реакцией на всеохватывающий собственный инстинкт мужчины, пробуждающийся при появлении женщины и воспринимаемый им как опасное свойство женщины. И нужно признать, что самая очевидная и мистическая перемена, происходящая с ней, оправдывала его ошибку. Поэтому он окружил женщину запретами. Похожим образом женщина воспринимала свою собственную потребность побыть вдали от мужчины как опасное качество, присущее своему состоянию. Ее потребность в уединении, либо из-за озабоченности темной силой своего фемининного инстинкта или как реакция на подавляющие отношения, была спроецирована. Ей казалось, что ее присутствие или прикосновение обратили бы на мужчину проклятие, ведь она нечиста, поэтому следует избегать его общества.

Если существует потребность в уединении, которая остается бессознательной и не признается как психологическая необходимость, она спроецируется на внешний мир как что-то нечистое, недопустимое, опасное для других.

Непризнанная или бессознательная психологическая потребность продуцирует симптомы вины или нечистоты, или даже преследования. Менструальные табу и представляют такое положение дел, но в общей форме. Табу — это общий симптом, произошедший из психологического отношения к уединению женщины в то время.

Сегодня симптомы, физического ли заболевания или эмоциональной нестабильности относят к невротическим или воображаемым, а смысл их упускают из виду. Более разумным было бы воспринимать эти указания из бессознательного как символы, проявляющие себя в виде табу или физических симптомов заболевания, и интерпретировать их в психологических терминах, как некую реальность. Только тогда попытки преодолеть природу путем понимания самой основы суеверия или симптома будут верными. Ведь трудности могут быть индикаторами некоторого эмоционального или морального беспокойства в бессознательном, о чем сам страдающий ничего не подозревает. Рассматривать менструации только как «проклятие» (я позаимствовала школьный сленг), как то, что нужно переносить только потому, что это неизбежно — означает потерять глубинный опыт существенной части женской природы, потерять, по словам Кейсерлинга, «один аспект сознания». Ведь если женщина сопротивляется любой части собственной натуры, она не имеет доступа к их ценности, но переживает только негативный аспект, и тогда физическая и психологическая неспособность во время менструации лишь усиливается благодаря этому отрицанию. Понимание того, что ее симптомы указывают на отсутствие гармонии сознательного отношения с глубинными нуждами ее собственной природы, поможет ей подойти к проблеме более умным и конструктивным образом. Смысл древних табу можно понять, применяя два подхода. Первый — в чем значение уединения для самой женщины, и второй — в чем значение ее изоляции от группы.

Мы уже предположили, что на женщину ее ежемесячная изоляция оказывала эффект, схожий с ритуалами взросления, проводимыми для мальчиков и юношей. Во время этого вынужденного уединения женщина, возможно, вступала в тесный контакт со своими

инстинктами. Современная женщина потеряла связь с этой ценностью, что вполне может быть причиной болезненных менструаций. Во время цикла инстинктивная женская природа пробуждается в ней, и как приливная волна затапливает по крайней мере часть ее сознания. Это необязательно только негативный опыт, он может быть и позитивным, так же, как сон нельзя рассматривать только как неизбежную трату времени. Ведь во время сна пополняются физические ресурсы, и возникает контакт с глубинными слоями психики, в обычном состоянии остающимися в бессознательном. Уже признается, что, например, во сне может прийти решение сложной проблемы. Великая мудрость, приходящая к нам во время темного и слепого периода ночи, свидетельствует о том, что дух мужских инициационных путешествий в сферы, где обитает более глубокое понимание, может принести в этот мир ценность, которую он не мог ясно видеть или сформулировать в слове или картинке. Так и у женщины есть возможность в темноте луны вступить в контакт с глубинным и более фундаментальным слоем собственной психической жизни. Симптомы физического или эмоционального раздражения в это время показывают, что существует конфликт между ее сознательными взглядами и требованиями собственной природы, и что если она признает их как индикатор ее потребности побыть самой с собой, потому что ее внутренняя сущность призывает ее интровертироваться, психологически отойти от требований внешней и жизни и немного пожить в тайниках собственной души, она сможет заново установить связь с глубинными частями своей натуры.

Таким образом уединение и обращение внимания на ту, другую сторону, которой часто жертвуют в борьбе за достижение адекватной и удобной адаптации, производит целительный эффект. Конфликт между сознательной жизнью, которую она вынуждена вести в мире, и частной жизнью, с желаниями и нуждами сердца и инстинктов, затихает, и раскол между внутренним и внешним находит по крайней мере временное решение. Вот ценность, которую можно обнаружить в добровольном возвращении к обычаям примитивных женщин. Естественно, мы не предлагаем вернуться к первобытным обрядам как таковым, это действительно было бы регрессией к суевериям. Здесь имеется в виду именно сознательное понимание того, что у примитивных людей являлось бессознательным проецированием психологических желаний, признание их психологическими и следование их смыслу и целям.

Когда женщина в «лунной темноте» охвачена ощущением дисгармонии в себе, беспокойством, инертностью или раздражением, она может, добровольно уединившись, возродить в себе психологическую целостность — то, что примитивные (первобытные) женщины достигали посредством подчинения табу. Период интроверсии и уединения такого рода часто очень ценен, но это действительно должна быть интроверсия, уход в себя, более активная, чем предполагает просто физическая необходимость.

Практикуя такое добровольное самоуединение, многие женщины обнаруживают, что раздражение или беспокойство, преследовавшее их, пропадает, и вместо того, чтобы быть угнетенными своими месячными периодами, они устанавливают контакт с глубинными источниками их собственной фемининной природы. Другие, однако, находят, что лежащее под поверхностью противоречит их сознательным идеям о самих себе. Во время этого одиночества может подняться голову темная сторона инстинктов, с которыми придется встретиться лицом к лицу. Такое переживание может быть очень беспокоящим, но видеть противника гораздо менее тревожно, чем сражаться с чем-то неизвестным. Женщина, столкнувшаяся с подобным во тьме своего собственного сердца, может в будущем встретить свой конфликт осознанно вместо того, чтобы оставаться бессознательной жертвой несогласованных и противоположных взглядов внутри себя. В любом случае результатом является то, что инстинктивная энергия, ранее проявлявшая себя как что-то, мешающее сознательным взглядам, станет доступной. Иногда эта новая энергия натуральным образом втекает в ее отношения, углубляет их, иногда она находит выход в творческой работе, иногда открывает мотивацию, делающую возможной построение более завершенной личности, основанной как на темных, так и на светлых аспектах психики.

Второй аспект старых обрядов-табу, а именно — отделение женщины от группы, также имеет свое психологическое значение. Ее изоляция являлась попыткой справиться с демоническим эффектом, который оказывало состояние женщины на мужчину. Следует напомнить, что древние табу утверждали — в этот период присутствие женщины делает из мужчины зверя, разрушает его воинскую доблесть, посылает его стрелы мимо цели, а оружие делает безвредным для врагов. В менее конкретизированной форме это означает, что первобытный человек под соблазняющим воздействием

возбужденного инстинкта не мог удержать своего намерения идти на охоту или сражаться. Его решимость утекала, ведь лишь небольшое количество его энергии находилось под контролем его воли, что делало его рабом инстинкта. Этот аспект женской ритмической природы сегодня завуалирован. Цивилизованные люди в гораздо большей степени сознательно контролируют свои действия и свою энергию, чем их первобытные предки. Но старая проблема все же осталась, хотя больше не проецируется на физическое состояние женщины. Сейчас она является психологической. Потому что до сих пор время от времени некоторые женщины действуют не более как существа женской природы, в которых инстинкт, секс, жизнь не опосредованы человеческими качествами: любовью, состраданием, щепетильностью. Такие женщины безжалостны и бессовестны, не потому, что порочны или деградировали, но потому, что не достигли еще человеческого осознания. Эта фаза фемининного инстинкта прорабатывается чуть позже. Это фаза, которую в циклическом ритме своей инстинктивной жизни в большей или меньшей степени испытывают все женщины.

Сознательную жизнь женщины, с повседневной рутинной и значимыми событиями, определяют лежащие под поверхностью ритмические луноподобные изменения; но не многие женщины знают о степени их влияния на то, как она реагирует на происходящие в ней проблемы и события. В западных странах современная женщина по большей части не обращает внимания на изменения своего настроения и пытается жить так, как будто она не подвержена этим состояниям. В ее власти либо игнорировать этот внутренний ритм либо, если она более внимательна, она может сознательно и добровольно следовать ему, чтобы гармонизировать свою жизнь и активность. Это означает не просто воздержание от чрезмерной активности во время менструаций, не только устройство жизни таким образом, чтобы не разбираться со сложными эмоциональными проблемами, когда ей психологически и физиологически сложно уладить их. Существует еще одна проблема, касающаяся ее судьбы и самоопределения.

Вряд ли стоит указывать на то, что под лунными фазами имеются в виду не только изменения лунной планеты — ритм не относится лишь к физиологическим изменениям в женском сексуальном цикле, хотя этот биологический ритм странным образом связан с психологическим ритмом, который и является действительным смыслом лунного цикла женщины. Взаимодействия между событиями в этих двух сферах

так близки, так интимны, что при современном состоянии нашего научного знания почти невозможно в разном эмоциональном опыте определить, какая часть биологическая, а какая психологическая, и, следовательно, что является причиной и что следствием. В этом случае мы должны постараться наблюдать вещи «как они есть» и оставить объяснение будущему. Таким образом, известно, что лунные фазы женщины связаны с определенными психологическими состояниями и событиями, происходящими в ее жизни и влияют на ее физиологическое самочувствие. Она подчиняется ритмическому закону, но мы не можем сказать, что два этих момента обязательно связаны, у нас есть слишком мало доказательств за или против данного утверждения. Поэтому следующие примеры даются лишь как ориентиры.

Кажется, что в эмоциональной жизни женщины ее способность отвечать на жизненные возможности глубоко зависит от лунных фаз, и то же можно сказать о других сферах ее жизни. Если фаза луны благоприятна, ее любовь может расцвести и излиться на мужчину, который ее привлекает, но если это случается в неблагоприятный момент, она остается холодной и безответной, даже если и хочет противоположного.

Я помню историю несчастливого романа, причиной неудачи которого являлся этот неконтролируемый фактор. Мужчина и женщина встретились и почувствовали сильное влечение. Обстоятельства свели их вместе на пару недель. Затем каждый из них вернулся к себе домой, в свой город, но они договорились, что встретятся снова, так как по бизнесу ему приходилось время от времени бывать в ее городе. Но с тех пор судьба оказалась против них. Каждый раз, когда он приезжал, она была в «выключенной» фазе, и зарождающиеся отношения постепенно стали затухать. Такой исход можно было бы назвать жестокой судьбой, или воспринять более серьезно. Если бы ее ритмические циклы были приняты женщиной как сущность, живущая внутри, она могла бы сказать, что богиня Иштар, Луна, ушла в страну Откуда-Нет-Возврата, поэтому женщина и мужчина не могут любить, они могут только ждать ее возвращения.

Этот ритмический приход и уход энергии может работать подобным образом и в других ситуациях. Например, жизнь наконец-то может предоставить женщине возможность работы или духовного приключения, которого она так долго ждала. Если луна благоприятна, женщина может совершить шаг, ведущий ее к использованию этой

возможности, но если луна неблагоприятна, женщина может увидеть, как ее долгожданный шанс ускользает от нее и не сможет ничего сделать, чтобы удержать его.

В таких случаях кажется, что ее собственная природа восстает против нее, фрустрируя ее глубинные надежды. Удивительно, что и древние говорили о луне как о богине судьбы. Кажется, что лунный цикл и в самом деле определяет судьбу женщины, а также, в случае любовного романа, и мужчины. Реализация этого аспекта ее судьбы делает более сложным ее подчинение лунным циклам. Оно требует акта преданности, более глубинного, чем на поверхности, если женщина хочет прожить свою жизнь в гармонии со своим природным ритмом.

И все же, когда женщина поймет, что эта всемогущая судьба не исходит от какой-то внешней силы, недостижимого лунного божества, но является выражением ее собственной природы, она почувствует себя по-другому по отношению к ней. Ведь ее внутренняя ритмическая жизнь определяет ее внешнюю жизнь, и сознательные желания и импульсы не обязательно совпадают с ее глубинными потребностями. Ни одно человеческое существо не является мудрым настолько, чтобы точно знать, опираясь на прошлый опыт, какой курс примет его дальнейшая жизнь. Он более мудр, чем другие, если может посмотреть назад и справедливо оценить прошлое. Он более мудр, чем большинство других, если может высказать сбалансированное суждение о настоящем, но как может он надеяться, что охватит и будущее? Часть не может познать целое. Сознательно он может только ожидать чего-либо в совершенной темноте будущего. Но его будущее безусловно определяется его собственной истинной природой. Если бы он знал эту природу, он мог бы доверять ей и она бы вела его. Единственная проблема — мы не знаем этой природы и стараемся заполнить дефицит такого знания своими сознательными целями и желаниями. Но у женщины, «лунной богини», с ее фемининными принципом внутри нее, есть козыри.

Лучше, чем мой рассказ, это может проиллюстрировать сон современной женщины. Ей снилось, что на заднем дворе должен быть разыгран спектакль, изображающий «Фазы Луны», или «Фазы Богини»; оба определения использовались во сне. Она нарисовала картинку (рисунок 18), чтобы показать то, что она увидела на сцене в своем сне. Эту пьесу она соотнесла с драмой жизни, представляющей собой внешние события — рождение, женитьбу, работу и социальные

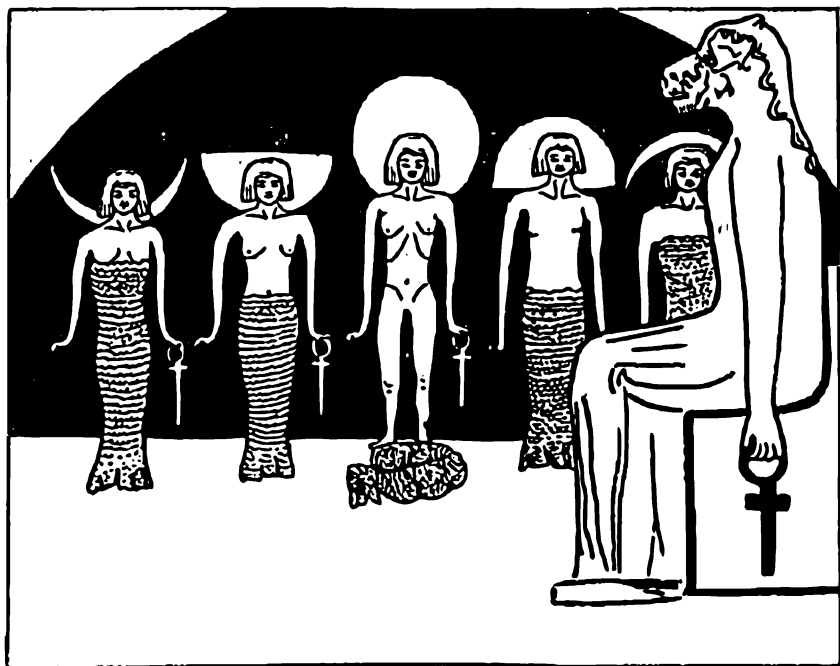

Рис. 18. Фазы Луны

отношения. Все эти события должны были быть сыграны на видимой сцене. Позади нее, то есть на более глубоком психологическом уровне, разыгрывалась драма богов. Поскольку сон видела женщина, эта драма была представлена фазами луны. На рисунке мы видим богинь, или разные фазы одной богини, каждая из которых связана с четвертью луны. Все они держат сгук ansata, ключ жизни, символ внешней жизни. Каждая фигура одета в чешуеобразное одеяние, то есть одеяние своих инстинктов, превращающее ее в русалку или рыбу, жителя моря, бессознательное. Рыба была посвящена Атаргис, лунной богине Аскалона, а также Деркету, форме Иштар, которые иногда были представлены с рыбьими хвостами. Возможно этот образ богини означает бессознательность фемининного инстинкта. Ведь рыба хладнокровна и очень далека от человеческого. Она абсолютно без стеснения действует в соответствии с законами своей собственной природы. Единственное, что признается ею — это следование своим инстинктам, последствия же этих действий не признаются. Поэтому,

когда поклоняются богине в образе полу-рыбы, то это именно почитание слепого естественного порядка — не закона, признаваемого интеллектуально и уважаемого сознательным волевым усилием, а закона, движущего незримое в глубинах бессознательного, следовать которому можно только со слепой преданностью. Для нас, с нашей западной точкой зрения, такое следование неизвестным законам кажется полным греха, но древние считали очень достойным служение такого типа. Конечно, они не принимали такое слепое поклонение как путеводную звезду в своей обыденной жизни, но считали это только религиозным актом самопожертвования, который, возможно, можно совершить лишь раз в жизни, или, в некоторых случаях, как ритуал, совершаемый время от времени.

На этом рисунке рыбе одевание покрывает тело женщины, половину или три четверти, в зависимости от лунной фазы, к которой он относится. В полнолуние она полностью освобождается от рыбьей чешуи, она ярка или светла как женщина, полностью освобождена, совершенно очеловечена. Предполагалось, что во время новолуния она полностью рыба, полностью во власти инстинктов. На рисунке темная луна, темная женщина, стоит за Богиней Солнца, Секхет, Богиней Жизни. Но эта фаза не изображается, так как эта фаза женщины — табу; она нечеловеческая, демоничная; о ней нельзя говорить, она не может находиться при свете дня. Она относится к сфере женских мистерий. Для мужчины посмотреть на женщину в это время означает заболеть и умереть.

Демонический, нечеловеческий аспект женщины можно обнаружить в повседневном опыте в следующем моменте: когда женщина действует в любых ситуациях только как женщина, инь, отказываясь выражать человеческие соображения, которые уравновесят ее инь-эффект, она поймает мужчину за его инстинкт. Он весьма склонен ступить на путь, который может его уничтожить. Такая ситуация часто была описана в романах и пьесах, где женщина использует свою власть над мужчиной, основанную на сексуальной привлекательности, чтобы он остался с ней, в то время как его обязанности или честь зовут его в другую сторону. Типичная история — когда он должен присоединиться к своему полку. Он приходит попрощаться, она уговаривает его остаться или так соблазняет, что он забывает о своем долге. Все истинные женщины обвиняют не мужчин, а женщин, поступающих подобным образом. Они знают, что совершение таких

действий — это нечестное использование своей власти над мужской уязвимостью. Женщина, по-настоящему любящая мужа, чувствует себя обязанной не околдовывать его своим женским шармом, но охранять его честь. В обстоятельствах, упомянутых выше, она даже спрячет свои предпочтения, скроется, так что ее само-дисциплина поможет ему остаться на пути своей дисциплины. Иногда женщина не осознает силу своей фемининности, этого инь качества в себе. Тогда это может привести к катастрофическим последствиям, в то время как она совершенно не будет считать, что это она сыграла роль в неудачах своего любовника.

Другие женщины прекрасно осознают свою власть над мужчинами и бессовестно используют ее для достижения личных выгод. Кажется, что такие женщины предлагают мужчине любовь и понимание, в действительности же они лишь дают волю своему стремлению к власти. Если такая женщина попытается понять мотивы своих поступков, она увидит, что наслаждается удовлетворением своего тщеславия, полученной лестью и чувством собственной важности.

Более осознанная, развитая женщина знает о такой опасности и тщательно защищается от этого разрушительного эффекта. Ведь любовь и психологические отношения между мужчиной и женщиной могут быть в безопасности только благодаря дисциплине желаний. Такая женщина осознанно и добровольно совершает то, что примитивные люди достигали путем менструальных табу. Ведь можно сказать, что женщина, позволяющая действовать своей инь-природе неудержимым образом — опасна, и должна быть отделена от других. Она — угроза для общества. Индусы, чьи аллегорические высказывания стоят между конкретизацией примитивных народов и нашими западными психологическими абстракциями, осознавали опасность темного аспекта женской натуры. В «Satapatha Brahmana» говорится, что когда луна темна, она приходит к земле и ждет в месте жертвоприношения. Во время этого периода мужчина должен поститься. Ведь страдать от появления этой лунной власти и все же не давать ей захватить себя, требует самодисциплины, принесения в жертву своих эгоистичных желаний, своего аутоэротизма. Мужчина приносит в жертву желание, требующее физического удовлетворения, когда бы ни возникло сексуальное возбуждение, а женщина — эгоистичную любовь, которая всегда хочет захватить мужчину. Эго воспринимает власть луны как то, что происходит в нем самом. Однако притяжение

между мужчиной и женщиной — это нечеловеческий эффект. Если он принимается за человеческую любовь, то принесет только катастрофы и несчастья. Древние говорили, что мужчина должен поститься, когда луна подходит к земле, что они должны избегать снисхождения к себе, а женщинам предписывались более разработанные ритуалы, с помощью которых то, что принадлежало богам, должно было быть отдано им и таким образом отделено от того, что принадлежит людям.

Женщина, которой приснился этот сон, не знала этого. Смысл сна может быть понят только во времени, но потихоньку жизнь открывает его значимость. Эта значимость не является фантазией и нереальными мечтаниями, они интуитивно воспринимаются как *реальность*, которая обуславливает бессознательное функционирование женщины. Но мы можем пойти немного дальше, так как эта картинка принимает форму имперсонального мифа, она соотносится с мифами о Лунной Богине, которые можно было обнаружить в древние времена среди первобытных народов. Можно сказать, что это современный миф, описывающий современной женщиной психологические факты, действующие в глубинах всех женщин, выражение фемининного принципа, Эроса. На этот принципе основывается весь женский род, а также отдельно взятая женщина, и весь ее жизненный опыт окрашен этими луноподобными переменами.

ЛУННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Разговор о месячном цикле женщины ведет нас дальше — за пределы того аспекта, где луну определяют как оказывающую смутное, трудно уловимое влияние плодородия, особенно действующее на женщин. Теперь нужно рассмотреть более организованные верования о луне, в которых сила ее персонифицируется разными формами бога или богинь.

Представления наиболее первобытных людей заключались в том, что луна — это плодородная сила. Когда религиозные формы стали более организованными, луна стала восприниматься как *личность*, сперва мужчина, позже — бог, плодородное мужское божество. Поэтому луна так почитается в некоторых наиболее древних культурах. Например, у иранцев, которые предшествовали персам и процветали на берегах персидского залива тысячи лет назад, луна считалась Великим Человеком, и ей поклонялись определенным образом. Сперва предполагали, что этот лунный человек живет на луне точно так же, как мы живем на земле. Наш Человек на Луне, несомненно, является его потомком. Иногда верилось, что этот лунный человек воплощался на земле в образе могущественного царя. Позже цари определенных династий стали считаться инкарнациями лунного человека. Множество древних царей носили рогатый головной убор, обозначающий «рогатый месяц». Естественным образом царь, украшенный таким образом, стал считаться не только луной, но и быком. Ведь среди всех животных рогатые, особенно бык и корова, более всего ассоциировались с луной. Бычьи рога носили как церемониальное одеяние кельты, египтяне и ассирийские цари, и это указывает на то, что для этих людей их царь являлся воплощением рогатого божества.

Позже считалось, что правящий царь — это не луна, но представитель луны, возможно сошедший с луны. Например, верили, хотя и признавали, что подобное больше не случается, будто Чингисхан, монгольский император, правящий в тринадцатом веке, произошел от древнего царя, чья мать забеременела от лунного света.

Вождь Эйну на островах Полинезии звался Властелином Луны, а когда на Самоа умирал вождь, говорили: «Луна закатилась», в других же племенах наблюдали за первым появлением растущей луны, и как только видели ее, кричали правителю «Твоя жизнь обновилась!» Звучало так, как если бы они боялись, что если луна не вернется вновь, то и царь перестанет жить.

Так постепенно кристаллизировались мифы, связанные с лунной. Изменения реальной луны, наблюдаемые месяц за месяцем, были восприняты так, словно луна — это живое существо. Они стали «одеты в человеческий облик», поскольку ощущались в какой-то степени связанными с событиями, которые случаются с людьми на земле. Теперь мы понимаем, что это чувство соответствия относится к психологической сфере, а не к полузабытым историческим событиям той героической эпохи. Миф, растущий вокруг естественных феноменов, представляет из себя восприятие внутренней субъективной правды, спроецированной на внешний мир. Но примитивные люди не знали этого. В историях они просто сообщали правду, о происхождении которой не подозревали. Так убывание и рост луны сделалось антропоморфным, создало лунного человека, представленного в виде фигуры героя, живущего на луне, и в то же время представляющего из себя саму луну.

Типичная история звучит так: лунный человек начинает свою деятельность, когда растет полумесяц, он борется со злыми силами, которые пожрали его отца, старую луну. Эта злая темная сила на старинных рисунках изображена как дракон. Герой побеждает злые силы и во время полнолуния он торжествует и правит на земле. Он мудрый и великий царь. Он создает в племени порядок и обучает сельскому хозяйству своих людей. Он также устанавливает законы и судит людей, на скрытые мотивы которых он может пролить свет.

Эти качества великого героического лунного царя вписываются в более ранние неоформленные мифы и суеверия, о которых мы уже говорили. В них благотворная сила луны символизирует порядок, так как изменения луны формировали первый календарь первобытных

людей и их сельскохозяйственные действия. В поздних мифах говорилось, что лунный герой обучил людей культивировать поля. До его прихода, то есть до организованного культа луны, должно быть человек жил только как кочевник, не имея сельского хозяйства.

Эта фаза героической жизни продолжается в течение светлого периода луны. Однако как только герой достигает зенита своей силы, старый враг, который победил его отца, начинает атаковать и преследовать его. Он побежден, и зло съедает его. Луна убывает и царь убит, что удивительно, путем расчленения. Мы встретим эту тему вновь, когда будем рассматривать историю Осириса, чье тело было разорвано на куски и разбросано.

После смерти лунный человек уходит в подземный мир, так как его проглатывает дракон, живот которого находится под землей. Его пребывание продолжается там в течение всего новолуния. Пока он остается в подземном мире, он ни мертв, ни пассивен, а осуществляет свою старую функцию судьбы. Теперь, однако, он судит души мертвых, тех, кто населяет подземный мир, ведь, как во всех мифах о драконе, мертвые съедены этим монстром. В конце этого периода все повторяется вновь. Его сын борется со злом и побеждает его на короткий период, в свою очередь становясь царем при помощи лунной силы.

Этот миф явно представляет лунные изменения разных фаз — так, как их наблюдал примитивный человек. Но есть нечто большее, чем миф, представляющий астрономические события, поскольку изменения луны напрямую связаны с самим человеком. Факты «засорены» психологическим, или субъективным, материалом. Собственная внутренняя незримая жизнь человека, не признаваемая им, спроецировалась вовне его психики и стала приписываться луне.

Этот лунный человек, представляющий из себя непознанную (непризнанную) часть человеческой психики, совершает для примитивных народов то, что сам человек племени не может выполнить с помощью своего интеллекта. Он устанавливает порядок, учит искусству сельского хозяйства, судит и дает законы. Это — первые продукты мысли, но мысли не как функции человеческого сознания, а того, что зовется функцией луны, чье влияние на примитивную жизнь темных деревень более существенно и более впечатляюще, чем мы осознаем. У примитивных людей нет ни часов, ни календаря. Они не знают, сколько дней в году, или это знает только очень мудрый знахарь или вождь. Но обычный человек не знает про это

и не смог бы сосчитать дни, даже если бы знал их порядковый номер. Ведь множество примитивных людей даже сегодня не могут сосчитать дальше, чем число пальцев на обеих руках, а у многих есть слова, обозначающие один, два, три, четыре и много. Однако, ритмические перемены луны давали им средство отсчета времени. Таким образом, время для посева и жатвы считалось в лунах, поэтому естественным образом было решено, что это лунный человек обучил искусству сельского хозяйства. Совет старейшин встречался при свете луны, после завершения всех дневных дел. Любое преступление, совершенное в племени, расследовали при свете луны, и таким образом луна ощущалась как судья. В светлые ночи старейшины сидели вокруг костра, их не беспокоили страхи джунглей, которые настигали их в темные ночи, так и возникали эти ранние предположения и размышления, из которых вырастала организованная мысль. Ведь и в наши дни многие слова, относящиеся к мыслительной деятельности, в большинстве языков родственны именам луны.

Позже луна стала восприниматься как бог. Это изменение в ее описании означает шаг вперед в развитии человеческого сознания. Ведь боги — это не просто высшие правители людей, супермены, они явно принадлежат к духовному миру, или, как мы должны были бы сказать, к психологической сфере. Древние люди «на ощупь» старались различить объективное и субъективное в своих наблюдениях. Когда они соотносили миф о богах с естественными феноменами, они смутно понимали, что эта история — духовная драма, которая, как мы знаем сейчас, разыгрывается в бессознательном, но они ее видели только как отражение во внешнем мире, как в случае с луной. Психологи бы сказали, что они видели ее только спроецированной на объект.

Лунные боги очень древни, так что у нас нет последовательного их описания. Ур была лунной богиней халдеев, чья столица называлась Ур или Хур. Считалось, что оттуда происходил Авраам. Различные объекты искусства, недавно обнаруженные в Ур, дают нам представление об этой очень древней цивилизации. В диалекте бурбур Халди являлся точным эквивалентом Хур. Так что халдеи поклонялись луне, или, возможно, просто являлись жителями города, посвященного Лунной Богине или названного по ее имени.

Синн был лунным богом Вавилона. Поклонение ему процветало много столетий. Возможно, оно началось во времена, когда вавилоняне абсорбировали культуру Ур и Эриду, центров, где поклонялись луне,

и произошло это около 1800 г. до н.э. Оно продолжалось до 13 века до нашей эры, есть записи о том, что Царь Кури-Галзу в Ур возвел храм лунному богу Синну. Во время всего этого долгого периода луна являлась верховным божеством Вавилона, хотя в это время появился Шамаш, солнечный бог, но он никогда не считался таким же могущественным, как лунный бог. Во время этой фазы произошла и другая перемена — расцвела мощь и поклонение лунной богине Иштар, считающейся дочерью Синна. С течением времени поклонение ей вылилось в осознание, что старый лунный бог ушел, о чем мы поговорим позже, и луна потеряла свой мужской пол.

Синн обладает гораздо более понятным характером для нас, чем Ур, так как его история ясно видна на многих изображениях на монетах и дощечках, а также рассказана в клинописи, недавно найденной и расшифрованной. Кое что о его силе и свойствах известно из надписей и адресованных ему молитв. Он зовется Отцом богов, Главой Небес, тем, чей серп светит среди богов. Ему адресован древний гимн «Синн, ты единственный светишь с высоты; ты свет этого мира». На рисунках мы видим его сидящим на троне-полумесяце или на священном дереве, или плывущим на лунной лодке, в которой он путешествует по ночному небу, или борющимся с пожирающим его злом (Рисунки 19, 20).

Как и лунный человек, у него есть два аспекта или фазы, один — живущий в верхнем мире и другой — во время новолуния, в подземном мире.

Но в истории о Синне появляется дальнейшая дифференциация. Светлое время теперь разделено на три периода, каждым из которых управляет определенный аспект бога. Так Синн становится троичным богом, состоящим из трех персон (рис.21). В текстах утверждается, что Синн является каждым из этих трех персонажей, управляющих фазами светлого периода луны. Возможно, это начало деления лунного месяца на четыре недельных периода, где четвертая неделя — время темноты. Эти три личности, или бога, — Ану, Энлил или Бел и Эа. В древних текстах написано: «Во время первых пяти дней видимости луны — это бог Ану; с 6 по 10 день — бог Эа, с 11 до 15 дня — бог Энлил».¹

Имя лунного бога Синн знакомо нам по горе Синай, что означает Гора Луны. Этот факт проливает интересный свет на еврейскую

¹ I H. C. Rawlinson, The Cuneiform Inscriptions of Western Asia (London, 1861)

Рис. 19

Рис. 20

Рис. 21

Рис. 22

Рис. 19 Рис. 20 Рис. 21 Рис. 22 Вавилонский Лунный Бог Синн

Рис. 19. Синн, сидящий на месяце и окруженный кругом полных лун.

Рис 20. Синн, сидящий на троне-полумесяце. Перед ним утренняя звезда.

Иштар, которая позже заменила его как глава лунных божеств.

Трон-полумесяц находится на священном

Лунном дереве.

Рис. 21. Синн, сидящий на троне, держащий луну как эмблему.

Два пса, один приходящий, другой уходящий, представляют растущую и убывающую луну.

Рис. 22. Синн получает поклонение от Иштар. Бог здесь представлен черным, что возможно означает темноту или подземную фазу.

(Рисунки 19, 20, и 21 из *Sur le Culte de Mithra*, Felix Lajard, 1847; рис. 22 из «*Ancient Pagan and Modern Christian Symbolism*», Thomas Inman, 1876.)

историю, ведь именно на Горе Синай Моисей получил свои Скрижали Закона. Синн, как Лунный бог, был древним законодателем задолго до Моисея. Поэтому тот получил божественные скрижали в очень подходящем месте.

Мен или Мене был фригийским лунным богом. Его имя представляет для нас особый интерес потому, что по удивительному совпадению латинское слово *mens* означает *месяц*. Эти два слова, однако, кажется не имеют общих корней.

Осирис — это египетский лунный бог. История его жизни и смерти известна нам в гораздо больших деталях, нежели истории других лунных богов. Обсуждение этого отложим до главы об Исиде и Осирисе.

История жизни лунного бога похожа на историю лунного человека. Однако между ними есть одно важное отличие. Лунный человек проживает только один цикл лунных перемен, а затем поглощается темной силой, умирает. Его сменяет его сын, молодой месяц, который тоже живет лишь короткий период светлой луны. Лунный бог, по контрасту, бессмертный. Он живет, и страдает, и умирает, но приходит вновь, рождаясь с новой луной. Он — паттерн умирающих и возрождающихся богов. Его жизнь проявляется в виде фаз. Когда луна ярка, бог в своей небесной фазе. Во время новолуния бог идет в подземный мир, но он совершенно точно вернется. Его отношение к людям меняется в зависимости от меняющихся фаз. В своей верхней фазе он бесконечно благотворен, обладая качествами правдивости, справедливости, конструктивности, плодородия. В подземной фазе, однако, он совершенно деструктивен по отношению к земным жителям. Он насыляет ураганы, наводнения, смерть и катастрофы. Несмотря на это, в своей подземной фазе он приносит свет в подземный мир, он судит мертвых и является посредником между человеком и богами и в своей лунной лодке везет из подземного мира к солнцу души тех, кто должен быть искуплен. Таким образом он несет надежду на бессмертие.

Бог, спускающийся в подземный мир и проповедующий душам в аду — знакомая нам по христианским историям фигура. Интересно отметить, что эта функция, как характерная для всех умирающих и воскресающих богов, вероятно восходит в своей ранней форме к старым лунным богам.

Сохранилось много рисунков, на которых изображены разные эпизоды историй древних лунных богов. Как мы видели, Синн часто

изображался как «человек на луне», сидящий на троне-полумесяце. Иногда на рисунках он сражается с драконоподобным монстром, который собирается пожрать его. На некоторых монетах этот дракон пожирает растущую луну. На других изображениях Синн виден в человеческой форме, ему поклоняются, или он судит души мертвых в подземном мире. В последней своей фазе он часто изображался черным, что означало, что в этой подземной фазе он является темной луной (См.рис. 22).

Лунный человек, или лунный бог, постепенно эволюционировавший от предыдущих идей о луне, как о плодородном влиянии, сохранил функции и силу, ранее приписываемые луне. На самом деле он появился как сущность путем концентрации власти, которой обладала луна. Этот лунный человек, или лунный бог, стал одним из дарителей плодородия и роста. Например, царь, представитель луны, обычно являлся проводником дождя, и если урожай погибал из-за засухи, то его обвиняли в этом, и ему приходилось даже расплачиваться своей жизнью. Лунный бог также стал обладателем плодородной силы луны, относящейся к животным и людям, поэтому ему поклонялись женщины, принося подарки и молитвы, чтобы снять с себя проклятие бездетности.

Следует напомнить, что среди наиболее примитивных племен считалось, что женщины и животные могут давать рождение детям только благодаря силе луны, эта идея выкристаллизовалась в некоторых племенах в верование, что луна является истинным мужем всех женщин, которые беременеют не от человеческого семени, а от лунных лучей. Поэтому неудивительно, что в религиях, где поклоняются лунному богу, мы находим описание брачных церемоний между женщинами-преданными и богом, или его человеческим представителем. Сперва этот обряд проводился при заключении любого обычного брака как чисто светская мера, необходимая для обеспечения плодотворного замужества. Царь, или правитель, как представитель луны, проводил с невестой первую брачную ночь. Этот обычай сохранялся во Франции в средние века. Похожая брачная церемония сформировала основной обряд женских мистерий в древних религиях. Это иерогамия, священный брак, абсолютно необходимый не только для плодovitости женщины, но также для предков и потомков общества.

Во многих религиях эти «мистерии» проводились ежегодно и являлись основой религиозных празднеств, базой ритуалов плодородия,

которые так часто описываются в античных религиях и сохранились в форме весенних карнавалов, все еще проходящих перед Постом, ведь Пост и Пасха — это праздники, связанные с луной. Эти обряды были связаны с умирающим и возрождающимися богами, то есть лунными богами, или сыновьями Лунной Матери.

Во время этих празднеств женщина не должна была отказываться от своей, может быть обычно ей и не свойственной, чувственности. В обычной жизни участники были уважаемыми гражданами, но во время этих обрядов их обязанностью становилось подчинение грубейшей чувственности, чтобы стимулировать плодородную силу бога. Непристойные шутки и действия являлись частью попыток возбудить бога, и непотребство было необходимо для возбуждения Небесного Жениха, который внесет свою плодотворную силу в племя.

Бриффо говорит о причинах таких обрядов в следующем отрывке: «Объяснение чувственного и сексуального характера этих религиозных обрядов лежит в идее, что каждая функция женщины, будь она мать, жена, кормилица, колдунья, ведьма, провидица, или жрица, постулирует ее союз с богом, подателем всех этих сил. Непристойность, являющаяся особенностью всех языческих религий, относится к этому союзу женщины и бога. Союз мужчины с богиней не играет никакой роли в этих концепциях и практиках. Именно женщина вступает в священный брак с Небесным Женихом, и это является функциональной необходимостью; мужчинам же для выполнения своих функций не требуется соединяться с божественной невестой. Но каждая религия, от наиболее примитивной до высшей, проникнута идеей о союзе с богом, *hieros gamos*, или „Священный брак“, является необходимостью для каждой женщины.»²

Как мы говорили ранее, майори верят, что луна является единственным истинным мужем каждой женщины. Так что в религиях, развившихся дальше, этот бог также считался истинным мужем любой женщины, и как мы только что увидели, ежегодно проводились женские мистерии, во время которых каждая женщина общины либо сама, либо в виде выбранной для этого персоны, соединялась или стремилась соединиться с богом.

² Robert Briffault, «The Mothers» (New York and London, 1927), III, 207–208. 93

Этот лунный бог, однако, не только оплодотворяет женщину, но также является ее охранником и защитником. Цикл его ежемесячных изменений соотносится с ее циклом. Его активность — это ее активность. Мы обнаруживаем, что лунный бог заботится о сельском хозяйстве, фемининном деле, о ткачестве, гончарном деле, разведении огня, приготвлении пищи, и даже действует как повитуха. Сейчас все это считается женскими занятиями. Таким образом получается, что лунный бог, покровитель женщин, является замаскированной женщиной. И правда, лунный бог обычно довольно фемининен. Некоторые из лунных богов андрогинны, являясь одновременно и мужчинами, и женщинами. К Синну, лунному богу Вавилона, обращаются так: «Мать Матка, убежище всех вещей, о Милосердный Отец, кто заботится обо всем в целом мире.»

Поэтому неудивительно, что во многих традициях существует тенденция считать лунное божество женщиной. Она становится богиней, но все еще содержит некоторые мужские черты. В Вавилоне лунный бог Синн постепенно был заменен богиней Иштар, которую описывали как Мать Луны и также Дочь Луны. Она, как и Синн, ее предшественник, также андрогинна, и призывается как «О, мой Бог и моя Богиня.» В Египте одной из наиболее ранних форм лунной богини Исис была Исис-Нет, являвшаяся одновременно и женщиной, и мужчиной. Греческая лунная богиня Артемида также считалась андрогинной. Плутарх говорил: «Они зовут луну Матерью Космической Вселенной, имеющей как мужскую, так и женскую природу.»

Переход от лунного бога к лунной богине, произошедший во множестве древних религий, возможно был связан с ростом поклонения солнцу. Солнечный бог взял от раннего лунного бога некоторые качества, связанные с плодородием. Естественно, так произошло в Вавилоне, где поклонение солнечному богу, Шамашу, стало наполняться все большей и большей значимостью. Шамаш, Солнце, изначально являлся сыном Луны, и поклонение и почитание его определенно уступило всемогуществу Синна, Главы всех Богов. Но когда богиня Иштар стала луной и божеством женщин, Шамаш был освобожден от этого трудного соперничества, так как Иштар могла быть Матерью Богов, не ущемляя его достоинство. Похожий переход произошел в Египте, где солнечный бог Ра оспорил эксклюзивные претензии Осириса на роль Высшего Властителя Небес. Поклонение Ра было связано с политическими причинами, поэтому оно получило официальное признание. Но духовная религия страны осталась

центрированной на поклонении Осирису и Исиде, его жене и сестре, являющейся Матерью Всей Природы и Лунной Богиней.

Таким образом в поздних религиях мы обнаруживаем луну, представленную как богиня, и ее сына, который умирает и снова возрождается. Эта богиня-мать — небесное отображение женской половины человечества. Она — Мать, или Женщина. Она бессмертна. Она не умирает, как ее предшественник — Лунный Бог, но живет вечно, она — прототип женщины, вечной фемининности. С ней тесно связан юноша, ее сын, умирающий и возрождающийся, как это происходило с прежним лунным богом. По факту он прямой наследник лунного бога и несет ценности, которые в противном случае были бы утеряны.

Богиня — это Небесная Мать, Мать Лунного Бога. Она живет вечно, и ее наиболее значимой характеристикой является ее неизменный характер. Она — сила, стоящая за Богом, или, если цитировать Бриффо, «Она — богиня Судьбы и значит неумолимая богиня смерти, которая не снисходит даже мольб сына.»

Это отправляет нас к последней фазе лунного почитания, где Луна — это Мать. Как мы увидели, такое верование выросло из более примитивных концепций, где луна — это оплодотворяющий мужчина. Это очень естественный переход. Сперва есть оплодотворяющее влияние, дарующее воспроизводящую силу женщине. Затем это влияние концентрируется в персонифицированном существе, лунном боге, который напрямую оплодотворяет своих последователей, и затем концепция расширяется, и луна становится Творцом, Великой Матерью Всего. Она — Мать Лунного Бога, но он также является ее супругом. Его сила проникает в нее. Она сама оплодотворена им. Это представляет из себя идею вечного поколения. Мать дает рождение сыну, и в свою очередь оплодотворяется им, то есть лунный бог или богиня — андрогинны, одновременно являются и мужчиной, и женщиной, и могут воспроизводить себя самостоятельно.

Эта Мать, являющаяся матерью богов, и людей, и всех созданий, снова и снова появляется в первобытной и примитивной мифологии. Иногда она Лунная Мать, иногда Земная Мать или Мать-Природа. Во многих системах эти две концепции тесно переплетены, поэтому о некоторых древних материнских божествах трудно сказать, являются ли они изначально лунными или земными. Они обладают той же воспроизводящей силой. Халдеи, греки, скандинавы, индусы, китайцы говорят о своих матерях-богинях иногда как о лунных, а иногда как

о земных божествах. Сегодня нам это кажется немного нелепым, но для более примитивных людей объяснение не составляло никаких трудностей, а если бы они и были, то существовал миф о происхождении луны, объясняющий схожесть земных и лунных качеств. Согласно этому мифу, который можно обнаружить как в старом, так и в новом мирах, источником и земли, и луны было Мировое Яйцо, то есть луна, разделившаяся на две части, одна осталась в небе как луна и другая стала землей. Первое Мировое Яйцо было матерью, из которой произошло все. Обе части Яйца звались Женщина, или Мать. Бахофен в своей «Das Mutterrecht» указывает на то, все матери ведут жизнь как Земля и как Луна. Тем не менее все они происходят от Великой Матери, Луны. Земля лишь часть великого Мирового Яйца. По факту она дочь Луны. Плутарх в своей «Исида и Осирис» говорит: «Египетские жрецы считали Луну матерью Вселенной», а это включает в себя землю и иногда солнце, так как сын лунной матери иногда лунный бог, а иногда — солнечный бог.

Во все века и во всех местах человек знал о Великой Матери, Великой Женщине, которая присматривает за человечеством с небес или из места, где обитают боги. Эта идея существует практически в каждой религии и мифологии, чье содержание дошло до наших дней. Эти Великие Матери, поклонение которым доминировало в религиозной мысли людей, далеки друг от друга во времени, пространстве и культуре, но имеют существенное сходство, которое не может не поражать. Великой Матери поклонялись в древнем Вавилоне, на Ближнем Востоке, в Египте, в Риме, в Средневековой Европе (даже в наши дни среди европейских крестьян), в кельтских странах, в древней Мексике, среди индейцев Северной и Южной Америки, в Африке, в Австралии, в Полинезии, в Индии и в древнем Китае. Во всех этих местах, и это далеко не полный список, Мать обладала определенными качествами. Она — богиня Луна и частично обладала качествами луны, и, в особом смысле, она — женское божество. Действительно странно, что легенды, идущие из столь разных источников, так похожи. Единственным возможным объяснением является факт, что мифы представляют собой психологическую реальность, которая воспринимается этими широко разделенными народами не в форме абстрактной мысли, но в виде образа, поднимающегося из бессознательного и проецируемого на внешний мир как божественное существо, в данном случае — лунное божество.

Ведь как ясно продемонстрировал Юнг, боги — это принципы или силы, действующие отдельно от сознательного волеизъявления человека и чьим указам он должен подчиняться.

Мифы о Лунной Богине и ее черты освещают истину, которая не может быть непосредственно воспринята людьми, а именно: внутреннюю субъективную реальность фемининной психологии. В прошлом Луна представляла, и в человеческом бессознательном все еще представляет сегодня, картину или образ фемининного принципа, действующего как в мужчинах, так и в женщинах. Но в то время как в психологии женщины это доминирующий принцип, у мужчин он управляет ночной жизнью и под его эгидой находятся бессознательные функции.

МАТЬ ЛУНА

Лунных богинь множество; и все же как только мы начинаем изучать их характер, особенности и истории их жизней, мы не можем не признать, что в действительности они — одно и то же. Во всей Западной и Малой Азии в течение многих столетий верховным божеством являлась Великая Мать. Ее звали Матерь Магна (Великая Мать), или Богиня Сирия. Она была известна под разными именами в разных странах и в разные времена, но ее жизненная история, ее свойства и качества не сильно отличались в различных религиях. Поклонение Магна Матери чрезвычайно древне. Его корни затеряны в далеком прошлом, но с тех пор, как можно проследить историю, мы обнаруживаем следы доказательства верховного правления Великой Матери и ее сына, обычно являвшегося ее любовником.

Вавилонская Иштар — одна из древнейших. Перед тем, как шумеры мигрировали в Ассирию, до третьего тысячелетия до нашей эры, там уже поклонялись ей и ее сыну Таммузу. Астарта, или Аштар, была одной из форм Лунной Богини, которой поклонялись хананиты, евреи, финикийцы. Ее имя, так схожее с Иштар, впервые было упомянуто в 1478 до н.э., но уже и тогда ее культ был древним, идущим из глубин первобытных семитских времен. Египетской Исиде, с Осирисом и Гором, сыновьями и любовниками, поклонялись начиная с 1700 года до н.э. Ее звали Матерью Вселенной и Дарительницей жизни на земле. Кибелле, Богине Земли и Луны, поклонялись во Фригии до 900 года до н.э. Она была матерью Аттиса, другого типичного умирающего и воскресающего бога. Анахите и ее сыну Митре поклонялись в Персии, начиная с 400 года до н.э. Кельтская богиня-мать Ану, или Аннис, происходит из доисторических времен Западной Европы. Она также являлась Богиней Земли и Богиней

Рис. 23. Селена, греческая богиня, из «*A New System or Analysis of Ancient Mythology*», Jacob Bryant, 1774.

Луны. Все эти божества — эквивалентны, как Афродита с Адонисом, своим сыном и любовником; египетская Анатис; Вавилонская Нана. Кибелла, древняя фригийская богиня, затем идентифицировалась с греческой богиней Реей, Геей и Деметрой, земными и лунными матерями, и с римскими Теллус, Цереей и Майей. В средневековой Европе Дева Мария и ее сын обладали похожей значимостью, и происходит это по сей день. Возможно важно и то, что поклонение Деве как Божьей матери впервые возникло в церкви во времена крестоносцев, когда церковная мысль находилась под влиянием Восточной Азии и Сирии, где в то время глубоко почитались Мать и ее Умиравший Сын.

Обычно мы не думаем о Деве Марии, как связанной с великой матерью-богиней Сирии, являвшейся Богиней Луны и Божьей Матерью, но говоря психологически, возможно она была ее прямым потомком. В средневековом искусстве Дева часто была представлена сидящей на лунном троне, как до нее это было с Селеной, греческой Лунной Богиней, и в писаниях католических отцов ясно прослеживалась связь Девы с луной. Мы можем считать, что это являлось символом или поэтической метафорой, но обряды крестьян в некоторых частях Европы показывают, что для необразованных людей связь эта являлась большим, чем просто фигурой речи.

Бриффо собрал много интересного материала, отображающего связь Девы Марии с луной и древними лунными богинями.¹ Ортодоксальные католические отцы зовут ее Луна Церкви, Наша Луна, Духовная Луна, Совершенная и Вечная Луна. Говорилось, что она управляет луной, и через нее — всеми звездами и планетами; и она зовется Звездой Морей и Правительницей Океана. Великие Светила, которые создал Бог — Солнце, управляющее днем, и Луну, управляющую ночью, Хуго

¹ Robert Briffault, «The Mothers» (New York and London, 1927), III, 184. 99

объясняет таким образом: «Первое — это фигура Иисуса Христа, чьи великолепные лучи освещают тех, кто живет в благодати; вторая — это типичная Мария, чей мягкий свет озаряет грешников в середине тоскливого вечера греха.» А Иннокентий III еще больше усложняет эту идентификацию: «На Луну должен смотреть тот, кто похоронен в тени греха и нечестивости. Потеряв божью благодать, уходит день, и нет больше солнца; но Луна есть на горизонте. Пусть он обратится к Марии, под ее сенью тысячи людей найдут свой путь к Богу.» В католических странах фермеры принимают это. Во Франции луну зовут Нотр Дам; в Португалии — Божья Мать.

В протестантских странах эти идеи были забыты, и в Новом Завете Мария не обожествлена. Но, в конце концов, христианство возникло в Сирии, и в одиннадцатом и двенадцатом столетиях, когда устанавливались и долгие годы поддерживались религиозные порядки в Палестине, при помощи крестоносцев произошло тесное взаимодействие с восточными идеями. Поэтому неудивительно, что фигуры новой религии несли, особенно для простого народа, да и все еще несут, значимость прошлых фигур. Ведь эти формы и символы спонтанно возникли из бессознательного и представляют психологическую реальность, которая каждым человеком смутно ощущается как истинная. Мы знаем, например, что когда иезуитские миссионеры впервые прибыли в Китай и в Мексику, то обнаружили в обоих местах лунных богинь, чья иератическая форма и история так явно совпадали с Девой Марией, что обращение в христианство стало неизбежным.

Отец Клавигеро в своей «*Storia Del Messico*» рассказывает о женщинах древней Мексики, протягивающих своих детей Матери Луне, молившихся о том, чтобы та даровала им бессмертие, которым обладает сама, а также говорит о том, как по мере обращения людей в истинную веру в сети храмов, посвященных Великой Богине, Матери-Луне (ее звали Тетевинан, Божья Матерь) появилась другая церковь, посвященная Деве Марии, тоже называемой Божья Матерь, которую они идентифицировали с Луной и обращались к ней с похожими мольбами.

Сэр Джон Барров в своей «*Travels in China*» говорит, что «наиболее популярными женскими божествами (в Китае) являются Шин-Моо, или Святая Мать, или Совершенный Разум.»² Он расска-

² Barrow, «*Travels in China*» (London, 1806), p. 473.

зывает об изумлении ранних иезуитов, обнаруживших в этом потрясающую схожесть с Девой Марией. Они выяснили, что та находится позади алтаря, как и в христианской часовне; обычно она покрыта вуалью и держит ребенка, иногда на руках, иногда на коленях, а вокруг ее головы — сияние. Ее история схожа с Марией, так как она забеременела и родила ребенка, будучи девственницей.

Такая схожесть Лунных Матерей потрясает. Например, непорочное зачатие является характерной чертой Лунных Богинь и так универсально и непонятно в нашей современности, что нужно рассмотреть это событие детально. Великая Мать всегда представлена как Дева, несмотря на факт, что у нее множество любовников и она является матерью множества сыновей, или одного сына, который умирает только для того, чтобы снова и снова возродиться, год за годом. Само слово «дева» требует большего исследования, ибо очевидно, что в современном понимании невинности, целомудрия, оно не может быть применимо к Великой Матери, если только мы не согласимся с тем, что она чудесным образом остается девственницей несмотря на весь опыт, делающий это невозможным. Однако, у Фрейзера есть замечательное утверждение по этому поводу. «Греческое слово *parthenos*, — говорит он, применяемое к Артемиде и переводящееся как Дева, означает ничто большее, чем незамужняя женщина, а раньше эти два понятия обозначали одно и то же... не было публичного поклонения Целомудренной Артемиде; напротив, она была как Диана в Италии, особенно заинтересована (обеспокоена) потерей девственности и рождением детей... Ничто, однако, так не проливает свет на истинный характер Артемиды как богини плодородия, но не брака, как ее постоянная идентификация с незамужними, но не целомудренными азиатскими богинями любви и плодородия, которым совершали пышные обряды поклонения в святилищах.»³ В примечании Фрейзер комментирует слова Исайи «и дева понесет ребенка», и говорит, что еврейское слово «дева» означает здесь лишь «молодая женщина», и что «правильный перевод отменит необходимость чуда». Это замечание не полностью решает возникшую трудность, но что-бы пророк Исайя не имел в виду в своем высказывании, нет сомнений, что Деву

³ G. Frazer, «The Magic Art and the Evolution of Kings», «The Golden Bough», Part I (New York, 1917), I, 36, 37.

Марию почитали в средневековой церкви, и все еще почитают в католической в наши дни, именно как деву в современном смысле этого слова, хотя и признают, что она родила Иосифу плотского ребенка после божественного рождения своего Старшего Сына, а также почитают ее в гимнах не только как Мать, но и как супругу. Все это формирует вопиющее противоречие, или требование невозможного чуда, если рассматривать это как истину на объективном плане. Однако если мы признаем религиозные концепции символическими и интерпретируем эти противоречия психологически, мы поймем, что термин «*девственность*» должен относиться к качеству, к субъективному состоянию, психологическому отношению, а не к физиологическим или внешним фактам. Ни Дева Мария, ни девственные богини других религий не отражают фактическую ситуацию, ведь качество девственности сохраняется каким-то необъяснимым образом, независимо от сексуального опыта, деторождения и возраста.

Бриффо дает ключ к этой загадке. «Слово «дева», говорит он, «конечно же используется в своем примитивном смысле, означая «незамужняя» и обозначает противоположное тому, как оно стало использоваться позднее. К деве Иштар часто обращаются «Проститутка», и сама оно говорит «Я — сострадательная Проститутка». Она носит вуаль, что среди евреев отмечает как девственниц, так и проституток. Священные храмовые проститутки также звались «святые девы». Дети, рожденные вне брака, звались *parthenioi*, «рожденные девой». Слово «дева» само по себе, строго говоря, не имеет того значения, к которому мы привыкли, правильное латинское выражение для обозначения целомудренной девственницы звучит не как «*virgo*», а «*virgo intacta*.»

Афродита сама по себе тоже была Девой. Мать-Богиня эскимосов обладает теми же характеристиками девственности. Эскимосы зовут ее «Та, у которой нет мужа». Говорилось, что и Деметра ненавидела брак. Она скорее ратовала не за брак, а за развод. Китайская дева, Шинь-Моо, Великая Мать, понесла и родила сына, будучи девственницей. Она почитается как образ чистоты; ее зачатие Святого Дитя было безупречным, но ее древний характер выражен в том факте, что она является покровительницей проституток.

Термин «дева», когда идет речь о древних богинях, несет иное значение, нежели сегодня. Он применялся к женщине, которая имела большой сексуальный опыт; даже к проститутке. Его истинное

значение можно описать, как противоположность слову «замужняя».

В древние времена замужняя женщина являлась собственностью своего мужа, приобретенной за приемлемую цену у ее отца. Базовая идея, лежащая за этой традицией, все еще царит и среди нас. В период «брачных договоренностей» мысль, что женщина приобреталась во владение, ясно прослеживалась за переговорами, и обряд передачи невесты напоминает ту же лежащую под поверхностью психологическую идею, что женщина — не хозяйка самой себе, а собственность отца, передающего ее затем ее мужу.

В нашей западной патриархальной системе незамужняя девушка принадлежит своему отцу, но в ранние времена, и до сих пор в некоторых примитивных сообществах, она до замужества была сама себе хозяйка. Право распоряжаться собой до замужества — это часть древней концепции свободы. Есть множество свидетельств общей опеки над юной девушкой в примитивных обществах, как внутри, так и вовне племен; например, девушек защищали от насилия, и особенно от инцеста с «братьями по клану», но с мужчинами клана, в который они хотели войти, девушки могли следовать своим собственным желаниям. Эта свобода действий включает в себя право отказаться от интимных отношений, либо принять их. Девушка принадлежит себе, пока она девственна — незамужняя — и не может быть принуждаема ни сохранять целомудрие, ни вступать в нежелаемые ею отношения.

Как дева она принадлежит только себе, она — «вещь в себе». Гоген упоминает эту характеристику женщин Таити в своей книге «Ноа Ноа». Ему это казалось странным. Он рассказывает, что любая женщина с готовностью отдавалась незнакомцу, если он покажется ей привлекательным, но она отдавалась не мужчине, а своему собственному инстинкту, так что даже при наличии отношений она оставалась вещью-в-себе. Она не зависела от мужчины, не требовала, чтобы эти отношения стали постоянными и стабильными. Она все еще оставалась хозяйкой самой себе, девственницей в древнем, изначальном смысле этого слова.

Именно в таком смысле лунные богини могут быть названы девственными. Им присущи качества девственности. Другие богини древних и примитивных религий не являются таковыми; они не являются вещью-в-себе. Они не существуют сами по себе, а только как жены или спутники богов, от которых они получают силу и престиж. В таком случае их зовут так же, как богов, они обладают теми же

атрибутами и силами, или, возможно, они являются фемининной, женской версией его маскулинных, мужских качеств. Они формируют пару, в которой отличен только пол. Богиня просто образует пару с богом, как женщина с мужчиной.

Даже ее имя не важно. Оно просто является женской формой имени мужчины-божества. Например, жена Фаунуса — Фауна; Диос — от имени Зевс, Агнази — от Агни; Нут соответствует Ну, а Хехут — Хеху. Даже древние боги земли и неба формировали пару, объединенную в браке — Мистер Небеса и Миссис Земля.

Богини, являющие собой противоположности богам, — это другой тип. Они представляют идеал замужних женщин и олицетворяют зависимый, цепляющийся аспект женской природы. Они обожают достоинства жены, занятой лишь интересами мужа и детей.

Это идеально описано в выражении «двое станут одной плотью». Это также архетипическая подоплека истории о создании Евы из ребра Адама. Здесь единый организм — союз, пара, женатые люди, семья. Члены, создающие этот союз, не существуют раздельно, у них нет отдельной личности. В таком браке мужчина представляет мужскую часть существа, а женщина — женскую. Сама же по себе психика, однако, является как мужской, так и женской. Каждое человеческое существо содержит в себе потенциал обоих направлений. Если человек не принимает оба этих аспекта и развивается лишь в одном из направлений, то он лишь наполовину человек, он не может быть завершенной личностью. Когда два человека вступают в брак, где все мужское сосредоточено в мужчине, а все женское — в женщине, получается, что каждый остается односторонним, так как непроживаемая сторона психики, будучи бессознательной, проецируется на партнера. Такое условие может работать хорошо, пока оба живут и остаются в хороших отношениях. Но когда один партнер умирает, другой переживает серьезную потерю, и, возможно, только когда уже слишком поздно, осознает, какой ограниченной и односторонней была его жизнь.

В западном патриархальном обществе в течение веков мужчина считался доминирующим и превосходящим, а женщина занимала позицию подчиненности и более низкого положения. Поэтому фемининный принцип не признавался и не ценился в нашей культуре. И даже сегодня, когда внешние проявления этой односторонности претерпели значительные изменения, психологические эффекты сохраняются, и как мужчина, так и женщина страдают от инвалидности психики,

желающей быть целостной. Такое состояние представлено богинями, явленными лишь как партнер бога-мужчины и ни как никто больший.

Отношение Матери Луны к богу, связанному с ней — совершенно другое. Она богиня сексуальной любви, но не брака. Нет бога-мужчины, который как муж, управляет ее поведением или определяет ее качества. Вместо этого она является матерью сына, которого контролирует. Когда он вырастает, он становится ее любовником и затем умирает, только для того, чтобы снова родиться в качестве сына. Лунная Богиня принадлежит к матриархальной, а не патриархальной системе. Она не связана ни с одним из богов в качестве жены или спутницы. Она — хозяйка самой себе, дева, сама по себе.

Качества этих великих и мощных богинь не отражают аналогичные качества богов-мужчин и не представляют женского дополнения изначальных мужских характеристик. Их истории — независимы, а их функции, их знаки различия, их обряды принадлежат только им, поскольку эти богини представляют собой саму суть женского, по контрасту с сутью мужского. В китайской философии женский принцип, Инь, находится в прямой оппозиции к мужскому, Ян. Ян — светлый, горячий, мощный, творческая энергия, а инь — темный, влажный, теневой, воспринимающая сила, тоже являющаяся творческой, потому что несет рождение и позволяет проявиться креативным побуждениям энергии ян. Говорится, что инь обладает равной силой с ян, потому что проявляет все его побуждения. В индуистской системе Шакти, женский творческий принцип, или богиня, стоит напротив Шивы, творческого духа. Эти двое — партнеры, не равные и одинаковые, а равные и противоположные.

Однако свойство быть в-себе, девственной, и родить сына, будучи непорочной, — это не единственное, что объединяет лунных богинь Азии, Европы и Нового Мира. Их мифы и истории необыкновенным образом совпадают; их сыновья умирают и возрождаются; они являются матерями всей жизни на земле; дарительницами плодородия; но также они разрушают мир, особенно с помощью наводнений.

В китайском мифе о великом потопе Лунная Богиня послала своего представителя на землю, когда спали воды, для того, чтобы заново населить мир. В вавилонской традиции Иштар, Лунная Богиня, одновременно и причина великого наводнения, и спасительница людей. Здесь ясно показан ее дуальный характер, ведь она сперва наслала потоп, а затем сама сетовала на хаос, причиной которого явилась. На «Одиннадцатой Дощечке Творения» рассказывается

история о потопе. Она называется «Как Иштар оплакивала Великий Потоп». Согласно этой древней записи, богиня Иштар напороочила зло, которое немедленно сбылось. Если личность, наделенная магической силой, пророчествует, то согласно «магическому» мышлению, она пробуждает к жизни то, что напороочила, неважно, добро это или зло. Мы по-прежнему находимся под влиянием того старого отношения, когда мы чувствуем, что опасно представлять как что-то пойдет неправильно, произойдет несчастье или катастрофа, мы до сих пор «чувствуем» намек на ужас, причиняемый проклятием ведьмы.

Иштар, которая считалась пророчицей, как и все лунные богини, в коих представлена темная сторона луны, предсказала зло, таким образом наслав потоп на землю. А затем, когда все человечество и животные оказались под угрозой уничтожения, она пожалела и спасла их.

Иштар говорила как дитя, произнося свою речь великой богини:

«Все пришло к разложению, и я пророчествовала пред богами
И перед богами напороочила я зло,
И когда я напороочила зло всем своим людям,
Оно пришло к ним.
Я, мать, родившая своих детей, которые как мальки наполнили море.
И боги, и духи рыдали вместе со мной.
Боги скорбели, глядя на творящееся зло.
Шесть дней и ночей прошло.
Ветер, потоп, буря бушевали.
На седьмой день буря успокоилась, и воды,
Разрушившие землю, как землетрясение,
Ушли.»

В продолжении поэмы Иштар изображается в лодке, которую она соорудила и из которой, как Ной из своего Ковчега:

«На седьмой день Я послала голубя, и он не вернулся,
Я послала животных на все четыре стороны.»⁴

⁴ George Smith, «Eleventh Tablet of Izdubar Legend», Records of the Past (London, 1873–81), V II, 159.

Скорее всего существовала более ранняя версия этого мифа, где центральной фигурой является Лунный Бог. Ветхозаветный Ной, возможно, является формой Нуа, вавилонской лунной богини, и, подобно Иштар, в построенном ковчеге спасает население мира от гибели. Затем, когда воды спадают, Ной следует на землю за голубем — птицей, несомненно связанной с лунными божествами. Он и его семья населяет опустошенную землю. Так он становится отцом всех, кто вскоре родился. Так как он взял с собой в ковчег по паре животных каждого вида, он стал создателем, творцом животной жизни на обновленной земле.

Слово *ковчег* (*ark*) соотносится со словом на хинди *argha*, обозначающим полумесяц, а также дугу в окружности. Таким образом ковчег, в котором Отец Ной спасал животных от потопа, был Лунной лодкой. Эта история помещена в Ветхий Завет в виде легенды, как во многих религиозных мифах. Даже сегодня возникают споры, касающиеся проблемы фактического восприятия этой повсеместно распространенной легенды о великом потопе. Каковой бы ни была правда, ясно, что история о лунной ладье относится к психологическим событиям. В халдейской истории она конкретизируется. Это живые люди и животные перевозятся в «Новый мир». В египетской истории Осирис, Лунный Бог, переправлял на Остров Блаженных через воды мертвых, посвященных в его обряды, таким образом давая им бессмертие. Это также было конкретизацией. Как будто это является действительным физическим событием. Но индусы, психологически более образованные, чем халдеи или египтяне, говорят о луне, как о несущей души мертвых сквозь воды к солнцу, где они живут искупленной жизнью. Этот переход отображен в диаграммах Семи Стадий Сознания. Там полумесяц находится в воде, выше которой — область Солнца. Но это уже осознается как символ. Физическое больше не проецируется на конкретные полуисторические события, а миф рассматривается как представляющий стадии сознания или психологического развития.

Лунная ладья индусов перевозит души в новый мир, новое воплощение, это лодка бессмертия. Китайская лунная богиня после потопа дает рождение всем живым существам. Это обновленный мир и новое творение. Мужчины, женщины и все животные появляются из разных частей ее личности. Лунная богиня Западной Азии и Европы похожим образом рождает все живые существа. Статуи Дианы

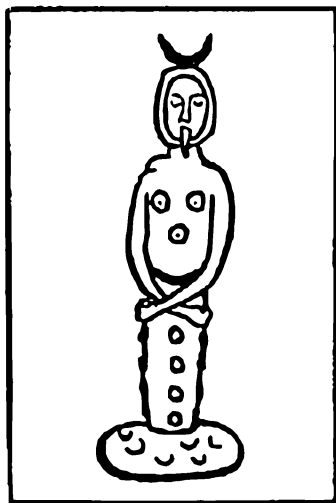

Рис. 24

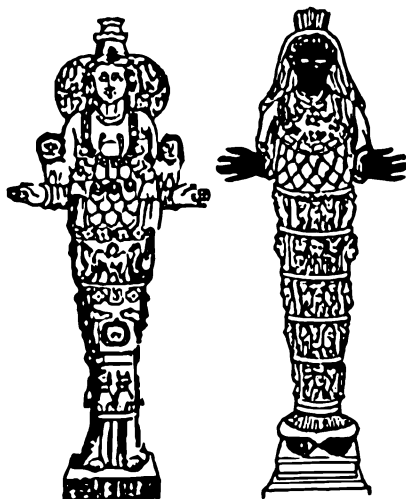

Рис. 25

Рис. 24. Архаичная статуэтка Астарты, или Иштар. (Из «Religions de l'antiquite», Georg Frederic Creuzer, 1825.)

Рис. 25. Диана, или Артемида, «Многогрудая», в своем дуальном аспекте, темная и светлая (Из «Ancient Pagan and Modern Christian Symbolism», Thomas Inman, 1876.)

и иератические скульптуры азиатских лунных богинь изображают растения и животных, растущие из их голов, конечностей и грудей. Ведь Лунная Богиня — это Многогрудая Мать Всего, создательница жизни на земле.

Лунная Богиня, в буквальном смысле, — мать всех живых существ, и, хотя это звучит странно, она не только дарит жизни, но и забирает их. Она создает всю жизнь на земле, и затем насылает потоп, который все уничтожает. Этот потоп — ее рук дело, ведь это она — причина дождей и ураганов, приливов и наводнений. Но как вавилонская Иштар, она оплакивает его последствия и делает все, чтобы спасти своих детей, ставших «как рыбы в море». Похожим образом хоть и наблюдая пассивно за тем, как убивают ее сына, Лунная Богиня скорбит как Афродита над Адонисом во время события, совершающегося ежегодно во время фестиваля.

В роли подательницы дождя на лунную богиню тоже трудно рассчитывать, ведь она не только посылает дожди весной, когда это необходимо, чтобы семя взошло, но и насылает бури в августе, и тогда они уничтожают весь урожай. По этой причине предписано было совершать специальные обряды. 13 августа в Греции проводился великий праздник, посвященный лунной богине Гекате, а в Риме — Диане, ее прямому потомку, ведь урожай в этих южных регионах созревает раньше, чем на севере. В этот день призывалась помощь богинь для предотвращения бурь, могущих навредить созревающему урожаю. Эти праздники подхватила Католическая церковь. 15 августа было выбрано для Праздника Успения Святой Богородицы. Связь между языческой и христианской церемониями весьма интересна. В христианском обряде молитвы обращены к Деве Марии, так же как в прошлом обращались к лунной богине, чтобы она предотвратила бури, пока поля и сады не наполнятся урожаем. В сирийском тексте «Уход моей Марии из этого Мира» есть такой пассаж: «И апостолы также повелели, что должно быть празднование Пресвятой 13 августа, ради виноградной лозы и фруктовых деревьев, чтобы не появлялись тучи, несущие град, и ураганы, и чтобы не ломались деревья и виноградная лоза.»⁵

Большинство примитивных народов считает луну великой дарительницей дождя, и это верование определенно связано с реальными наблюдениями за погодой. Крестьяне и моряки говорят, что погода меняется во время новолуния и полнолуния. В примитивных племенах «вызывание» дождя, наиболее важная функция, обычно находится в руках женщин, так как они в особых отношениях с луной и имеют больше возможностей повлиять на это непостоянное божество. Даже когда мужчина, лекарь или вождь, как инкарнация луны, выполняет эту функцию, он делает это с помощью силы своей жены или жен. Бриффо собрал описание множества интересных церемоний, связанных с вызыванием дождя, где удивляет то, насколько важную и заметную роль играли в них женщины.⁶

⁵ «The (Departure of My Lady Mary from this World», *Journal of Sacred Literature and Biblical Record*, New Series, VII, 153.

⁶ Briffault, *op. cit.*, III, 9—21. 10 Jane Harrison, «Themis» (Cambridge University Press, 1912), p. 191.

Увлажняющая сила богини зависела не только от ее контроля над небесными водами, верили также, что она творит росу. В Греции Лунная Богиня звалась *Дающая Росу*, и для нее совершалась служба росы в Афинах, когда Девы росы танцевали вокруг статуи богини. Роса — это символ плодородия, и в средние века купание в росе предписывали для обретения любовного шарма. Как говорил Плутарх: «Луна, с ее влажным и отражающим светом, благотворна для размножения животных и роста растений.»

Иштар, вавилонская лунная богиня, была связана с ручьями и росой и также носила титул Царица Вод. Этот эпитет имеет особое значение, когда мы вспоминаем, как сухо и жарко в Месопотамии. На холодном севере для плодородия был необходим солнечный бог, но в странах тропиков солнце — враг роста растений, а дождь и роса помогают земле производить плоды. Поэтому храмы лунных богинь часто находились в естественных гротах, где ручьи представляли из себя источник жизни, и вечная зелень оазисов в пустыне свидетельствовала о присутствии лунной богини. Иштар также называли Королевой Пыли и Хозяйкой Полей, и она, и ее сын Таммуз, были известны под именем Урикитту, что означает *Зеленый*. Плутарх, в своей «Изида и Осирис», говорит: «Луна, освещающая светом, увлажняющим и оплодотворяющим, порождает все живые существа и плодородность растений.» И Макробий в своих «Сатурналиях» говорит о различии между теплом двух великих небесных тел следующим образом: «Тепло солнца иссушает; а луны — увлажняет.»

Подобно Иштар, лунные богини любых регионов почитались как хранительницы вод, рек, ручьев, ключей, бьющих из земли, вероятно потому, что ярко символизируют скрытые невидимые силы, идущие изнутри, а это и является особой характеристикой женского.

Лунная Богиня являлась дарительницей жизни и плодородия, и в то же время она опаснее всех деструктивных сил природы. Для древних ее противоречивый характер был существенным фактором, явно распознаваемым и признаваемым. Но если рассматривать с нашей рациональной и привычной точки зрения божество, то оно может быть либо дружественным либо злым, но не может быть тем и другим одновременно. С точки зрения христианства совершенно невозможно представить себе бога, одновременно доброго и злого, созидającego и уничтожающего. Бог считается добрым; зло — это всегда работа дьявола. Но для поклонников Лунной Богини здесь не было

противоречия. Их верховное божество было как луна, а не как солнце. По своей природе она была дуальна. Она проживала жизнь в разных фазах, по очереди проявляя качества каждой из них. В верхней фазе, во время полнолуния, она хорошая, добрая и благотворная. В другой фазе, относящейся ко времени темной луны, она жестока, деструктивна и зла. Начиная с первого дня, когда молодой месяц появляется в небе, он постоянно растет, меняя размер и яркость, ночь за ночью, до полнолуния, а затем уменьшается, до тех пор, пока яркость луны не оказывается «съеденной темной луной», так что богиня сперва показывает людям свое благотворное лицо, а затем злобное.

Иногда дуальный характер Матери в религиозном искусстве представлен как изображение ее лица частично темным и частично светлым. Отец Клавигеро описывает статую мексиканской лунной богини в древнем храме, как похожую на черно-белую греческую Эринию; верхняя часть лица вся белая, а нижняя, начиная от рта, черная. У эйнусов Японии Луна одета в черно-белое одеяние. Древние египтяне часто представляли свою Изиду как черную женщину, держащую дитя — Гора на руках, а в верхней фазе она была похожа на фею. Есть статуи Артемиды, которые являются точными аналогами друг друга, за исключением того, что одна светлая, а другая — черная (рисунок 25), так же как мы видели, что Синн, лунный бог Вавилона, во время своей подземной фазы — черный (рисунок 22).

В Европе и в наши дни есть некоторые храмы Марии, Божьей Матери, Луны Церкви, где Мария изображается черной. Эти храмы Черной Девы очень высоко ценят паломники всего мира. В соборе Нотр-Дам в Орлеане находится статуя Черной Девы, чудотворная и считающаяся особо святой. Во времена опасности и бедствий ее проносят по улицам. Статуя Черной Девы в Нотр-Дам в Монсеррат представляет из себя черных Мадонну и Младенца. На северной розе окна собора Нотр-Дам в Шартре Дева черная, а Младенец — белый, а в склепе, рядом с глубоким и темным колодцем находится самая древняя статуя Черной Богородицы.

Генри Адамс в своей «Mont Saint Michel and Chartres», отмечает, что в этой конкретной церкви Дева Мария не стесняется признать Марию Магдалену и Марию-цыганку своими. У распутницы Марии были смуглые черты; Цыганская Мария, или Египетская, была чернолица. В католической книге Святых записана легенда о Марии Египетской, которая, чтобы попасть на Святую землю в качестве

паломницы, могла это сделать единственным способом — предложив себя в качестве проститутки морякам на весельной лодке, плывущим на тот берег. Так она оплатила свой путь к Святой Земле, где прожила долгие годы как отшельница в пустыне.

Есть другой очень древний храм, посвященный Черной Богородице, в Айнзильден, в Швейцарии, происхождение затеряно в тумане античности, хотя есть местная легенда о том, что статуя почернела от огня. Эта Черная Богородица выглядит египетской, или мавританской. Она стоит на луне. Она чудотворна, к ней приходят калеки и инвалиды, совершившие длительное паломничество, чтобы пасть ниц перед ней и умолять о помощи. Недалеко расположен большой монастырь, где монахи ежедневно поклоняются и служат Черной Богородице. У нее есть своя небольшая часовня в западной части церкви, там она стоит на луне, неизменная и вечная. А вне этого места, в лучах дневного света, находится статуя Белой Богородицы на драконе.

В следующих примерах луна описывается как одно божество, меняющее свой облик на черный и светлый, как и светило, которое она представляет. Эти два аспекта луны в различных религиях представлены разными богинями. История греческой религии показывает пример смены одной формы на другую. В ранние дни луна представлялась только Селеной. Она была довольно нейтральной, неопределенной фигурой, и позже была заменена двумя более определенными характерами, Афродитой — Светлой Луной, и Гекатой — Темной Луной. В поздние времена, однако, Лунную богиню иногда звали Трехглавой Гекатой. (Рисунок 39). Это комбинированный образ — из Артемиды, Селены и Гекаты. Он представляет луну в ее трех фазах: Артемиды — это растущая или убывающая луна, Селена — полная луна, и Геката — темная луна. Нам может показаться странным, что луна в своей тотальности представлена Гекатой, темной луной. Можно было бы ожидать, что луна будет представлена Артемидой или Селеной. Ведь на наш современный взгляд позитивный или светлый аспект вещей всегда считается более мощным и доминирующим, и ему мы придаем больший вес и направляем на него наше постоянное внимание, отодвигая темную и тeneвую сторону так далеко, насколько это возможно. Но для греков сила луны была представлена Гекатой, Черной Луной.

Обряды в честь этих богинь совершались ночью, и были особо связаны с умилением, задабриванием, чтобы отвести от себя ее гнев и зло, ею причиняемое. Она — богиня перекрестков, приводящих

путешественников в заблуждение, и, как Королева Призраков, она бродит по ночам, сопровождаемая страшными духами (в средневековые времена «наблюдали» летающих по небу ведьм, под руководством самой Гекаты). Она — богиня ураганов, разрушений, ужасов ночи. Плутарх говорил: «Растущая луна — благотворна, а убывающая — приносит болезни и смерть.»

Лунная Богиня, однако, это не только Богиня Ветров и Плодородия, связанных с внешним миром, она также богиня изменений и творческой активности во внутреннем мире. Она отвечает за невменяемость, а с позитивной стороны — она дает Видение. Как Кибеллу, так и Гекату звали Антеа, что означает Даритель Ночных Видений, а Музеус, Человек-Муза — это одно из имен сына Гекаты, или Сына Луны. Магия, вдохновение и понимание — ее дары.

Древние не знали внутренней или психологической реальности, для них внутренний мир являлся преисподней, царством духа, где обитают духовные вещи. Мы по-прежнему, хотя и в меньшей степени, воспринимаем внутреннюю творческую деятельность как нечто сверхъестественное или таинственное, даже пахивающее чем-то преступным. Но для древних вся субъективная жизнь таилась в бессознательном, в спрятанных, ужасающих глубинах подземной темноты. Поэтому Королева Преисподней — хозяйка всего, что спрятано в нашей психике, как мы бы сказали — бессознательного. Она богиня магии и магов. Контакт с темной стороной лунной богини считался единственным надежным инструментом работающей магии. Например, Пиндар рассказывает, что Афродита, светлая Луна, учила сына своего Ясона, когда ему была необходима помощь магических сил — «как нарисовать темную луну», показывая этим, что хотя она сама не обладает силами черной магии, она может призвать Гекату (древняя идея о призывании кого-то для помощи), чья магия универсально применима. Магия связана с любовью, метаморфозами и *pharmaka*, медициной в примитивном смысле «магии», мощным исцелением или разрушающими веществами. Интересно отметить, что храмы Черной Богородицы в Европе сегодня считаются особо чудотворными и обладающими целительными силами, более мощными, чем храмы Богородицы в ее светлом аспекте.

Во многих примитивных племенах благотворный аспект луны полностью упускают из виду и рассматривают ее только как зло. Однако ее злое воздействие обычно испытывают на себе мужчины.

К женщинам луна обычно благосклонна. По факту луна — это Первая Женщина, чье влияние на мужчину неизбежно негативно. Не только в Книге Бытия мужчина все свои неприятности сваливает на женщину и обвиняет его. Когда мы рассматриваем «женщину», луну, как представляющую фемининный принцип, и видим, что он совершенно чужд мужчинам с их маскулинной природой, но управляет их бессознательной жизнью, мы понимаем, почему во всех своих ошибках он винит «женщину». Только вина не должна падать на фактическую женщину во плоти, его партнера, но на Старую Женщину в нем самом, его аниму, которая действительно причиняет наиболее неожиданные проблемы, расстраивающие его планы и расчеты, ведь когда она захватит его психику, он потеряет свою мужественность, как в это верили древние. Им будет управлять бессознательная фемининная душа, его анима, что придаст ему женские черты характера.

W. H. Keating в своей «Экспедиция к озеру Виннипег» утверждает, что виннебаги считали солнце благоприятным для мужчин, но «луна, наоборот, считалась населенной неблагоприятными женскими боже-ствами, ее задачей было вредить мужчинам в их начинаниях. Если ночью они видели лунное божество во сне, то считали, что теперь их долг — стать Cinaedi и носить женскую одежду.»⁷ Cinaedi — гомосексуалисты; они носили женскую одежду, занимались женскими делами, и часто даже выходили замуж. Как мы увидим позже, это не единственный пример про мужчин, вынужденных пожертвовать своей мужественностью, чтобы служить Лунной Богине.

И хотя для мужчин Луна в основе своей вредоносна, являясь поистине «Ужасающей Богиней», она обычно приносит пользу женщинам (возможно потому, что обладает похожей с ними природой). Она не требует от женщин жертвовать своей силой, чтобы рожать детей, а вместо этого дает им в дар плодородие и является их главным прибежищем в опасности и деторождении. Лунную богиню призывают бездетные женщины, которые жаждут иметь ребенка, и беременные женщины, просящие легких родов, точно так, как к ней обращаются с просьбой о помощи в росте и изобилии урожая.

⁷ W. H. Keating, «Narrative of an Expedition to the Source of St. Peters River, Lake Winnipeg», 2 vols. (London, 1825). See E. Carpenter, «Intermediate Types Among Primitive Folk» (London, 1914), p. 44.

Диана, например, славилась тем, что приносила благословение женщинам с детьми. Она руководила деторождением и звалась Открывательницей Матки. Еврипид говорит нам, что в своем качестве акушерки Артемиды, греческий прототип Дианы, не будет даже разговаривать с бездетными женщинами. Кумант сообщает об Анахите, лунной богине, что она «очищает семя мужчин, а также молоко и матку женщин» и что она призывалась для удачного замужества и рождения детей. Афродита также являлась богиней сексуальной любви. Представления о ее любовной силе сохраняется в термине «афродизиак». Артемиды, Анаитис, Афродиты и Иштар — все богини сексуальной любви, а не целомудрия, и о каждой из них говорится, что они поощряют женщин плодиться и размножаться.

Так проявляется противоречивый характер Лунной Богини. Для нее добрые и злые аспекты жизни — не абсолютны, а относительны. Ее силы злоторны в определенных обстоятельствах, а в других — благотворны. Мужчинам, чья природа находится в оппозиции к ее циклическому характеру, она кажется особенно опасной. Для женщин, обладающих внутри теми же качествами, что и Лунная Богиня, ее сила не является деструктивной, и если женщина находится в хороших отношениях со своей собственной природой, то богиня благословляет ее своей фертильностью и магической силой.

Как женщина двадцатого века может быть в правильных отношениях с лунным принципом — это довольно трудный вопрос. Тщательное изучение древних лунных обрядов, возможно, может дать подсказку к решению проблемы, жизненно важной в наши дни.

БОГИНЯ-ДЕВСТВЕННИЦА

На протяжении долгих веков человеческой истории женщина постепенно выростала из чисто инстинктивной стадии, все еще представленной темной луной. Тенденция действовать без разбора, как животное, поверялась традиционными законами, которые мало-помалу стали регулировать поведение, особенно между полами. Демоническое, нечеловеческое проявление инстинкта — как прилив, который легко может затопить все человеческие ценности. Для предотвращения этого устанавливались традиционные стандарты и ценности. Но когда происходит прилив бессознательного инстинкта, он может смыть все предохранители и разрушить те ценности, что были выстроены веками цивилизации.

Однако сегодня жизнь в рамках традиционных законов стала настолько механической и стерильной, что множество людей снова ищут прямой контакт с источником жизни, а он может родиться лишь из более свободного отношения к инстинкту. Женщины особенно протестуют против ограничений, наложенных на них викторианской эпохой, считая их несправедливыми, предлагающими разные стандарты женщинам и мужчинам. Но как только женщина освобождает себя от чисто условных путей мышления и действия, в ней начинает бурлить нечеловеческий аспект инстинкта. Возможно впервые в жизни она обнаруживает, что привлекательна для мужчин, что способна их привлечь и удержать их внимание без особых усилий. Позволяя себе действовать в соответствии с инстинктом, без сознательной критики того, что она делает, и не обращая внимания на подтекст своих слов и нужд, она становится проводником бесконечной женственности, перед которой не могут устоять мужчины. Захваченность фемининным инстинктом у такой женщины может

выглядеть как затопление бессознательным содержанием, угрожающее поглотить все человеческие качества, которыми она обладала когда жила жизнью, подчиненной обычным стандартам.

Если подъем инстинктивной фемининности, несущийся через женщину как часть ее луноподобного опыта, предоставить самому себе, то он опустит ее с человеческого уровня до инстинктивного животного. Лунные мифы и изображения из Главы 6 указывают на то, что она может стать рыбой. В своих проявлениях она скорее станет похожа на русалку, или одну из сирен, известных как губители мужчин. Эти мифологические создания, полу-рыбы, полу-женщины обычно заняты только собой, они аутоэротичны. Они завоевывают мужчин не ради их любви, а ради обретения власти над ними. Они не могут любить, они могут лишь желать. Их кровь холодна, в них нет человеческих чувств. В них живет инстинкт в его демонической форме, полностью вне-человеческий. Такая инстинктивная жизнь обладает странной притягательностью для мужчин, она захватывает увлекает их внимание. Эти женщины крадут душу мужчины, но сами не испытывают ни страсти, ни желаний, ни скорби. Нижняя часть тела — рыба, а не женская.

Возможно этот аспект фемининной природы соотносится с холодностью луны. Солнце светит собственным светом, а лунный свет — отраженный. Солнце яркое и горячее само по себе; луна сама по себе холодна и темна. Солнце повсюду представляет маскулинную силу, или силу ян, луна — фемининную, или инь. Тем не менее мы не думаем о женщинах как о холодных, а о мужчинах как о горячих. В целом мужчины считаются более бесчувственными, холодными; а женщины, так часто подверженные чувствам, воспринимаются как теплые или жаркие. Но в то время как мужчины могут быть холодны и материалистичны по отношению к деловой части жизни, неплохо бы помнить, что есть тип женщин, ужасно холодных во всем, что касается чувств.

Эти женщины играют роль анимы для мужчины, играют технически, подавляя свои собственные реакции, чтобы получить то, что они хотят. Эта тема обсуждалась в главе «Все для Мужчин» в «Путь Всех Женщин».¹

¹ М. Е. Harding, *The Way of All Women* (New York, 1933).

Сравнительно редко можно найти мужчину, которого не трогает эротическая ситуация, но есть целый класс женщин, даже в эротике холодных как айсберги и расчетливых как биржевые брокеры. Этот аспект женской природы символизируют холод луны и бессердечность лунной богини. Несмотря на нехватку тепла и черствость, а иногда и из-за их равнодушия, этот безликий эротизм женщины привлекает мужчину; ведь ее истинное безразличие к нему и его благополучию может быть скрыто под видимой заинтересованностью. Если мужчина сам незрел в своем собственном эмоциональном развитии, его чувства остаются сентиментальны, и он будет тронут этим внешним интересом к его личной жизни. Он почувствует, что у этой женщины с ним особая связь, особенно в моментах, которыми интересуется и о которых заботится только мама. Это дает ему удивительное ощущение тепла и близости, почти телесного контакта, которому невозможно противиться. Так женщина находит щель в его личном достоинстве и сдержанности, и проникает через нее. Она проникает туда, где он мягок и уступчив, где его защиты больше не срабатывают. Его сознательное суждение о ситуации и об ее характере обнуляется, убаюканное наркотиком этого животно-подобного инстинктивного контакта. Он с готовностью заблуждается легкостью этой интимности и верит, что у женщины есть недоступное ему знание о нем самом, ведь кажется, что она знает о нем все, хотя он ей ничего не рассказывал. Это знание их глубоко связывает и часто воспринимается как доказательство сходства их природы. Мужчина чувствует, что она — его другое Я, его неизбежная спутница. И ему не приходит в голову, что он может быть жертвой обмана. Его чувства предают его. Он уязвим из-за недостаточного развития своего отношения к безличному Эросу. Только создав отношения с фемининным принципом, он сможет отличать фальшь и правду в женском отношении к нему.

Станным образом женщина может производить этот почти магический эффект на мужчин лишь тогда, когда сама не вовлечена в это, либо вовлечена из-за соревновательности, а не любви. Когда сама женщина застрахована от любви и воспринимает ее только как игру, технично, она играет роль Сирены, чтобы получить свои бонусы. Чем более искусна и невовлечена она, тем более вероятно, что мужчина безнадежно запутается.

По этой причине женщина, находящая удовлетворение в том внимании, которое она привлекает, и вознаграждении от своих

поклонников, не должна влюбляться. Она может контролировать ситуацию лишь до тех пор, пока не вовлечена эмоционально. Если она влюбится, то через надежды и страхи, радости и горести своей любви, станет частью пластичного материала жизни. Она больше не будет безличным актером в человеческой драме, но сама станет тем, с кем играют.

В пьесе Майя показан именно этот исход ситуации. Героиня — проститутка, вступающая в отношения с множеством мужчин. Она может играть роль матери, жены, возлюбленной, встречаясь с разными мужчинами и давая им, то что им нужно. Но когда появляется мужчина, любивший ее в девичестве, и требует, чтобы она предстала такой, какая она есть на самом деле, пропадает вся ее способность управлять ситуацией. Ее переполняют истерические эмоции, и она яростно выгоняет его. Перед ним она не может дольше играть роль и понимает, насколько она жалка, обнаруживает, что она абсолютно жалка, некомпетентна в роли реального человека. Ведь она растратила себя в пустой игре, и теперь нет «ее», той, которой она может быть.

Женщина этого сорта никогда не осознает себя и свои собственные инстинкты спонтанно и глубоко. Фемининность проявляется в ней только в присутствии мужчин, либо как ответ на мужское желание, либо, весьма часто, как проявление ее собственного желания завоевать мужчину. Ее сексуальность была подавлена, чтобы служить ее эго, и функционирует как часть ее стремления к власти. У такой женщины нет глубокого инстинкта или своей собственной страсти. Ее настроение и ее действия просто отражают мужские желания. У нее нет личного контакта с принципом Эроса, и если у мужчины нет желания, то сама она не может ему дать ничего. У нее есть технология, чтобы соблюсти свои интересы; ее собственная вовлеченность не эротична, но основана на желании удовлетворения эго и своей силы. Женщина этого сорта либо слегка осознает свою природу, либо вообще этого не осознает. Она может быть даже уверена, что влюбляется в тех мужчин, которых встречает и подчиняет себе. Но если ситуация приходит к точке, где от нее требуется что-то еще, кроме притворства, истинный характер ее чувств легко выходит на поверхность. Когда жизнь преподносит испытания, немедленно проявляется ее реальный эгоизм и холодность натуры. Если, например, она вышла замуж за того, кого «завоевала», он очень скоро обнаружит, что ее идея любви заключается в ожидании, что ее будут обхаживать и лелеять, а от него требуется

бесконечная преданность, которая не должна пошатнуться даже когда она будет пробовать свои силы на других мужчинах — то есть покорять сердца всех, встреченных ею на пути. И ее хладнокровная эксплуатация его любви не останавливается на этом, ведь когда расчетливая любовь должна уступить место страсти, она как правило оказывается холодной или совершенно фригидной. Женщину этого сорта символизирует русалка, чей холодный рыбий хвост находится в темноте, и зловещая реальность, лежащая в основе ее очаровательной наивности, представлена ее вечной озабоченностью гребнем и зеркалом.

Этот аспект женской природы представлен темной луной, или самой ранней фазой растущей луны. Когда женщина живет только в этой фазе, она не человек, не индивид. Она в этом случае является олицетворением силы природы, или, вернее сказать, эффект, который она оказывает на мужчин, таков, как будто она является природной силой.

Когда месяц растёт, оставшаяся часть лунного диска темна и не видна. Мы не видим черное тело в небе. Мы знаем, что луна все еще есть, но мы ее не можем разглядеть. В наилучшем варианте может быть виден слегка подсвеченный контур, но темная сторона луны не видна. Это может быть истолковано и так, что темная сторона женской луноподобной природы должна оставаться неясной. Это не просто чернота в ее природе, но то, что должно быть спрятано. Это что-то — в ночи, и не должно быть на свету. На изображении Фаз Луны (рисунок 18), женщина, представляющая новую луну — не видна. Кажется, что интуиция современных женщин научила ее, что темные аспекты женского цикла должны оставаться тайной. На самом деле, если делаются попытки вывести эти смутные движения фемининного духа на свет сознания, они либо исчезнут из поля зрения, либо станут враждебными и приобретут злую силу.

Новая, темная луна считалась, как мы ранее увидели, негативной, даже враждебной по отношению к мужчине. Например, во время службы Ужин Гекаты, пища оставлялась на перекрестках, на земле. Молящийся затем покидал это место и не смотрел назад, потому что не должен видеть богиню в ее темной фазе. Таким же образом нельзя смотреть и на лунный аспект женщины.

У современных людей Запада больше не стоит вопрос о необходимости удаления женщин во время менструации, они не боятся физического загрязнения, а также вообще не желают отделить женщин, как это принято у мусульман, но проблема, относящаяся к демонической

притягательности женщин, психологическое состояние которых мы обсуждали, все еще остается нерешенной. В прошлом эта ситуация контролировалась тем, что у молодых и привлекательных женщин были наставницы и дуэньи, тщательно защищавшие своих подопечных от серьезных проступков, к которым тех мог привести недисциплинированный женский инстинкт. Сегодня наставниц нет, и молодежи дана полная свобода экспериментировать с жизнью, покоряясь диктату импульсов, та же свобода, которую принимают и более старшие, хотя от них ожидается более глубокое понимание жизни. Понимание жизни, однако, достигается только через познание себя и своих мотивов, и когда женское развитие все еще такое незрелое, что она подчинена импульсам, поднимающимся из бессознательного, направленным на привлечение мужчин и доминирование над ними, благодаря силе своей фемининной инстинктивности, она действует не согласно человеческим ценностям, но чисто эгоистическим и деструктивным образом.

Фемининная инстинктивность, однако, не обязательно деструктивна. Если она служит любви и культурному развитию, то она обладает великой силой и ценностью. Она не зла сама по себе; но и не добра. Это — энергия, которую можно использовать как для добрых, так и для злых целей. Однако, если энергию пустить на самотек, она произведет лишь нечеловеческий эффект. Она всегда будет течь с горы, разрушать, а не строить. Чтобы обратить ее на дело, с помощью которого можно достичь чего-то, необходимо человеческое вмешательство. Поэтому когда женщина отдается потоку этой инстинктивной энергии, ни любовь, ни психологические отношения не получатся. Она становится социально опасной. Но у нас нет никакой системы защиты мужчин от ее губительного влияния, и она, как правило, — последний человек, признающий, что оказывает разрушающие эффекты на своем пути, поэтому добровольно не собирается принимать регулирующие «табу». Более того, мужчины тоже не осознают опасности, поэтому они не хотят, чтобы женщина была отделена от них, до тех пор, пока несколько раз серьезно обжегшись, не станут настроены против всего женского рода. Но женщины обычно быстро распознают, когда одна из их представительниц находится на этой стадии развития и совершают бессознательные попытки выстроить вокруг нее психологическую стену. Старшие и более опытные женщины говорят, что она, возможно, сама получит по заслугам, а молодые, страдающие от уязвимости своих мужчин, испытывают к ней враждебность.

Иногда женщина сама может понять, что происходит, либо потому, что осознает барьеры, растущие между ней и другими женщинами, или, что более часто, из-за бедствий, преследующих ее увлечения. Тогда она может начать испытывать к себе отвращение и страстно желать измениться. Герберт Уэллс однажды написал рассказ о русалке, влюбившейся в человека, пришедшего искупаться к скалам, где она расчесывала свои волосы. В первый раз в своей жизни она действительно влюбилась. Но она была русалкой и не могла любить как простая женщина. Несмотря на все свое желание, она не могла стать человеком. Все, что она могла сделать — это заманить своего любовника в водную могилу.

«Русалочья» фаза современной женщины может означать полное отсутствие психологического развития, женщина остается на животном уровне единения с природой, который никогда не затрагивает человеческое осознание, или, более часто, в наши дни женщина приходит к такому состоянию, потому что обнаружила подходящий способ сделать себя полностью стерильной, сухой, бесплодной, как Пустоши в легенде о Граале. Близящийся поток инстинкта напоминает потоп, с помощью которого Иштар увлажнила пустыню. Но в мифе все ее дети стали как рыбы в море, что стало причиной ее стелания. Однако ни одна женщина, пережившая это плодотворение, не желала бы вернуться обратно, к обычной позиции, которая означает контроль над темной фемининной силой, стремящейся выразиться через нее. Благодаря своему опыту переживания силы богини она знает, что обычная женщина — не настоящая женщина, а просто чуть больше, чем автомат. Но когда современная женщина освобождается от «да и нет Миссис Грюнди», она обнаруживает себя погруженной в инстинктивные желания и способы действия, которые угрожают затопить в ней все человеческое. Она не может вернуться назад, но должна спрашивать себя, есть ли путь вперед. Может ли она спастись от потопа и при этом не потерять качества жизнотворного увлажнения? В лунных мифах есть ответ на этот вопрос. Там неоднократно описывается, что когда луна посылает потоп на землю, она также обеспечивает средства спасения, лодку, которая перевозит избранных детей в новый мир, где они могут жить обновленной жизнью. Лодка, которую она предоставляет — это ковчег, лодка растущей луны, и в нем ее народ доставляется на солнце, к месту тепла и света.

Нужно спросить, каково психологическое значение этого ковчега, этой лодки-полумесяца. Вероятно освобождение от хладнокровного отношения бессознательных вод инстинкта, представленных темной луной, можно получить, выстроив другие отношения с лунной богиней. Вместо того, чтобы быть затопленным водами луны, посвященный может ступить на борт ее лодки и так стать одним из ее спутников. Это религиозный символ, очень нам знакомый. Решение возникает в принятии нового отношения к силам инстинкта, включая признание того, что они не человеческие, а принадлежат над-человеческому, или божественному, миру. Чтобы войти в лодку богини, необходимо признать инстинкт как религиозный дух, как проявление креативной жизненной силы. Когда достигнуто такое отношение, инстинкт не может более рассматриваться как средство для достижения выгод в личной жизни; вместо этого признается, что персональное Я, Эго, должно подчиниться требованиям жизненной силы, как божественному существу.

Главная характеристика богини в фазе роста — она девственница. Она не использует инстинкт для захвата мужчины. Она не хранит себя для выбранного мужчины, который должен отплатить ей своей преданностью, не применяет свой инстинкт для достижения безопасности, получаемой от мужа, дома и семьи. Она остается девственницей, даже будучи богиней любви. Она — вещь-в-себе. Она не просто фемининный партнер бога-мужчины, обладающая похожими чертами и функциями, но принявшая женскую форму. Наоборот, у нее своя роль, и ее качества не являются дубликатами качеств других богов, она Древняя и Вечная, Мать Богов. Ее божественная сила не зависит от ее отношений с богом-мужем, поэтому ее действия не зависят от необходимости примирения с ним или соответствия его качествам и отношениям. Ибо она божественна сама по себе, имея на это полное право.

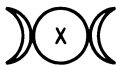
Похожим образом действует и женщина-девственница — не потому, что следует желанию получить над кем-то власть, нравится, быть одобряемой, даже самой собой; не потому что хочет получить чей-то интерес или любовь, но потому, что она следует своей истинной природе. Ее действия могут быть неудобными. Она может быть вынуждена сказать «нет», когда было бы удобнее и более общепринято сказать «да». Но как девственница она не подвержена заключениям, которые делают женщины-недевственницы, неважно, замужние или нет. Я говорю, замужние или нет, потому что использую определение

девственница в его психологическом смысле, что означает не внешние обстоятельства, но внутреннее отношение. Женщина с психологическим отношением к жизни, которое делает ее зависимым от мыслей других людей, которое заставляет ее делать и говорить вещи, на самом деле не одобряемые ею, — это не девственница в данном смысле слова. Она не вещь-в-себе, а всегда действует как женский аналог, либо дополняющий мужчину элемент. Этот «мужчина» может быть реальным — ее отцом, мужем, или тем, чье мнение она очень ценит, или это может быть довольно абстрактная идея о том, что думают люди, или даже более далекие мнения, сформулированные как «надо делать так, чтобы нравится» или «девушка должна так поступать, если хочет выйти замуж». Эти идеи и мнения — проявления мужского в ней, ее собственного анимуса, и она привязана к этому психологическому мужчине так же, как замужние женщины связаны со своими мужьями.² Женщина с таким отношением — не вещь-в-себе, она зависима от кого-то или от чего-то внутри ее собственной психики. Ее качества определены другими, как качества египетской богини Нут соотносились с Ну, или как это происходило с римскими Фауной и Фаунусом. Женщина, психологически девственная, является такой зависимой. Она — это она, просто потому что это она.

Возможно это звучит непривлекательно. Шаг, направленный на освобождение от оков общества, может показаться агрессивным, уводящим от дисциплинированного и цивилизованного состояния. Но когда мотив не личен, а соотнесен с безличностной целью, а именно — посвящен установлению отношений с «богиней», с принципом Эроса, то и результат свободен от эгоцентризма и самолюбования.

Как может обычная женщина освободиться от ориентации на эго? Это сложная проблема, но возможно древние знания о луне прольют на это некоторый свет. Примитивное понимание луны, одновременно и жизнетворной, и уничтожающей жизнь, постепенно заменилось более развитым, мифом, относящимся к женскому принципу, как связанному с Лунной Богиней, девственницей, вещью-в-себе.

² Harding, op. cit., «The Ghostly Lover».

ЛУННЫЕ ЖРЕЦЫ И ЖРИЦЫ

Религиозные практики, посвященные лунной богине, варьируются от магических обрядов примитивных и диких людей до детально разработанных ритуалов, совершаемых с достоинством и торжественностью, присущими античной культуре. Естественно, здесь мы не сможем рассмотреть все практики. Мы должны ограничиться несколькими обрядами, имеющими особенное значение для этого исследования.

Мы уже говорили о ритуалах некоторых племен, совершаемых при первом появлении молодой луны, когда все люди или, в некоторых случаях, кто-то специально избранный, кричали вождю, лунному человеку на земле: «Твоя жизнь обновлена». Другие, например готтентоты, на новолуние и полнолуние бросали глиняные шары в воздух.

Людей, которым доверялось такое служение, едва ли можно было назвать жрицами или жрецами, но в других племенах, более развитых, некоторые женщины безусловно были рукоположены в качестве лунных жриц. Значимым фактом является то, что повсюду луне служили женщины, хотя, как мы увидим позже, мужчины тоже играли роль в служении ей, но в совершенно ином качестве. Эти женщины совершали магические практики, нацеленные на плодородную силу луны. Наиболее важными их функциями было слежение за подачей воды и поддержание священного огня, представляющего свет луны, огня, которому нельзя было позволить умереть.

Вызывание дождя и магический контроль за погодой, возможно, являлись наиболее важными функциями магов примитивных времен. Эта функция тесно связана с луной и почти неизменно находилась в руках женщин. Даже когда мужчина — вождь, или главный маг, официально являлся заклинателем дождя, позже выяснилось, что он

обладал этими способностями только будучи связан с женщиной, являвшейся медиумом — проводником магических сил. Например, в Африке вызывание дождя обычно является функцией царя, лунного человека, но его сила зависит от помощи определенных женщин, собирающих необходимые растения или наливающих воду, используемую как амулет, или в качестве ритуала очищающихся в ручьях и колодцах. Во многих племенах, однако, вызывание дождя было предоставлено женщинам, и мужчинам нельзя было даже смотреть на эту церемонию. Женщины, принимающие участие в этих обрядах, обычно обнажены. Они идут к ручьям и очищаются, затем наливают свежую воду и обливаются. Иногда эти церемонии совершала одиночная женщина или девушка, и со временем ее начинали считать жрицей лунного божества.

Когда весталки поддерживали священный лунный огонь, они также отвечали и за ритуалы дождя. Так было как в Перу, где жрицы Мамы-Квилла являлись весталками и вызывательницами дождя, так и в древнем Риме, где девы-весталки, хранительницы священного огня Веста, проводили церемонию на майские Иды, полнолуние, чтобы отрегулировать водный баланс. Надо было бросить в Тибр 24 манекена, заменяющих человеческое жертвоприношение, делавшееся раньше.

Храмы Лунной Матери обычно находились в рощах, рядом с ручьем, часто в гротах, где вода сочилась напрямую из скалы и церемонии рисования водой и наполнения ею являлись непременной частью служения богине. В Египте во время ежегодной процессии Фаллефория проносили емкость с водой перед изображением фаллоса, представляющего Осириса, и схожим образом водные обливания играли свою роль в служении другим лунным божествам, дарительницам дождя и росы, чьи подарки являлись такими ценными.

Таким образом Богиня почиталась как присылательница дождя и росы, и в то же самое время церемония способствовала усилению ее дающих влагу качеств. Древние и примитивные религиозные обряды обычно имели это двойное значение. Вода выливалась, чтобы стимулировать богиню послать дождь; это как напоминание, мощное внушение, имеющее в своей основе миметическую магию. Но благодаря получаемому служению возрастают и ее силы. Обряд считается особенно эффективным, когда воды не хватает, тогда это дорогостоящая жертва. Иногда и вправду при сильной засухе самая ценная

жидкость предлагалась богине. Корову ведут в поля и там доят, молоко выливают на сухую землю. Это жертвоприношение особым образом задабривает Лунную Богиню, зовущуюся также — Небесная Корова.

Эти обряды, которые нам могут показаться глупыми и суеверными, если рассматривать их с точки зрения влияния на погоду, имеют серьезный смысл, если подумать о проецировании частей человеческой психики. Религия примитивных народов и древних людей имела дело не только с объективными феноменами, но также с их собственным бессознательным психологическим содержанием, спроецированным на объект. Практики, которые не могут изменить погоду или заставить Лунную Богиню изменить свою точку зрения, все же могут быть эффективны в зачаровывании бессознательного человека, который в это верит. Могут ли эти магические практики дать нам намек на то, как можно изменить нашу психологическую погоду, наши настроения?

Оплодотворяющая сила луны символизировалась ее светом. Но это «символизирование» не было абстрактной интеллектуализированной идеей. Для людей античности, так же как и для примитивных людей, свет луны и был ее оплодотворяющей силой. Лунный свет, падающий на женщину во время сна, может явиться причиной возникновения в ней новой жизни, ребенка во плоти и крови. Поэтому свет луны как правило поддерживался и поощрялся разжиганием огня на земле. Факелы, свечи и костры разжигались в честь луны и использовались как оплодотворяющие магические элементы, когда их несли, например, вокруг только что засеянных полей, чтобы помочь прорастанию зерна, так же как долгое время назад вокруг полей проносили факелы Гекаты.

Эта идея об оплодотворяющей силе луны, скрытой в огне, — весьма распространена. Думали, что такая сила может быть спрятана в древесине или дереве, где она спит и может быть пробуждена, когда дерево трут (примитивная форма добывания огня). Например, Хуитото говорит, что впервые огонь был получен от луны женщиной. И существует другой примитивный миф, который утверждает, что старая женщина, возможно, сама луна, ведь ее часто называют Старуха, разожгла свой первый костер, растирая свои гениталии, а в ведических гимнах более высокоразвитой культуры Агни, дух огня, также считается спрятанным в священную древесину, из которой он рождается вновь, через трение палкой.

Лунную Богиню считали огнем или светом луны, латентно находящимся в древесине. Об этом свидетельствуют легенда, что Орест принес поклонение великой богине в Италию, после убийства короля Фоас, скрывая ее образ в связке хвороста, который он взял с собой. Таким образом богиня — это пламя, скрытое в хворосте, и оно может проявиться после совершения определенных ритуалов. В Италии ее звали Дивиана, что означает Богиня, имя, более знакомое нам в сокращении — Диана. Диана, Охотница, — это ничто иное, как Лунная Богиня, Мать всех животных. В виде статуй она коронована растущим месяцем и несет поднятый факел. Латинское слово, обозначающее факел или свечу — это *vesta*, и Диана также звалась Вестой. Таким образом вязанка хвороста, в которой она пришла из Греции — это на самом деле незажженный факел. В ее храме горел вечный огонь, и ее основной праздник назывался Фестиваль Свечей или Факелов. Он праздновался в пятнадцатых числах августа, когда ее рощи освещались множеством факелов. Этот день все еще считается Праздником Свечей, но теперь факелы в Риме зажигаются не в честь Дианы, а в честь Девы Марии. Это день Успения. В этот день прежнего праздника Дианы на небо провожают Марию, чтобы она правила там как Царица Небесная.

Другой древний фестиваль свечей, праздновавшийся раньше в честь лунной богини, сейчас происходит в тот же день, второго февраля, в честь Девы Марии, Луны Церкви, как ее зовут Отцы. Это праздник Сретения. Он соотносится с датой и обрядами кельтского священного дня Святой Невесты или Святой Бригиты. Святая Бригита — это христианизированная форма древней кельтской богини Бригит или Бригентис, богиня триединой луны, поклонение которой было чрезвычайно широко распространено. Первого февраля, как и в наши дни в католической церкви во время празднования Сретения, зажигался и благословлялся новый огонь.

В Саисе в Египте также отмечался праздник огней в честь Исис-Нет. Церемония происходила в часовне под храмом. Процессия проносила огни вокруг гроба Осириса, так как он был силой света, символизирующей живительную силу луны, которую Исида может разжечь в мертвом Осирисе.

Есть еще интересный обряд, относящийся к огню. Вечный огонь горел в Тара, месте древних Ирландский королей. В канун летнего солнцестояния огонь тушили, и разжигали на следующий день,

в праздник Костров, и изначально он являлся лунным, а не солнечным праздником. В дни табу священный огонь обычно гасили, и это означало, что божество ушло в подземный мир, в преисподнюю. Например, в католической церкви огонь, горящий перед алтарем, гасят в Страстную Пятницу, когда Христос оставил землю и спустился в Ад, и снова возжигают на Пасху в Субботу. В восточной, или греческой церкви, появление нового огня является одной из наиважнейших церемоний года. В Иерусалим прибывают паломники, чтобы присутствовать на появлении нового огня и взять домой частицу священного огня. На специальной утренней службе архимандрит удаляется и общается с Богом до тех пор, пока чудесным образом не возгорается огонь. Это возрождение света, символизирующее возвращение Христа из преисподней, в котором мы видим поразительное сходство с лунным божеством ранних времен, когда он молился за души в Аду после своей смерти.

В вавилонянских и еврейских законах предписывалось, что в Шабат, Нефаст нельзя было зажигать свечей. Это постановление, как мы увидели, связано с верой в то, что Лунная Богиня находилась под менструальным табу в это время. Похожим образом племена в Ориноко гасили свои костры во время лунного затмения, неблагоприятный день.

Священный огонь совершенно определенно означал искру или силу плодородия. В Северной Англии, например, Сретение называли Праздник Жен, потому что оно воспринималось как фестиваль плодородия. Интересный обычай, доживший в Шотландии до конца семнадцатого века, подтверждает этот факт. В канун Сретения копну овса одевали в женскую одежду. Эта «женщина» лежала в том, что называлось «Постель Бригиты», и с нею рядом находился деревянный кружок. Женщины деревни садились туда и сидели с зажженным факелом всю ночь.¹ Это действие явно являлось обрядом плодородия. Ведь «Бригит» соотносится с кельтской богиней, а Три Бригиты соответствуют трем фазам луны. Поэтому в праздничную ночь плодородная сила луны, ее свет, символизировался и призывался с помощью факелов, горящих рядом с «кукурузной» женщиной, соединенной

¹ T. Banes, «Candlemas», Hastings Encyclopaedia of Religion and Ethics (New York and Edinburgh, 1909), III, 192.

с деревянным столбом, фаллическим символом. Обряд говорит о том, что кукурузная женщина не может дать рождение новому урожаю до тех пор, пока не будет наполнена энергией через священный брак, благословенный силой луны.

Во многих местах в храмах лунной богини горел вечный священный огонь, охраняемый и поддерживаемый группой жриц, совершающих это служение. Обычно их звал Жрицы-Весталки, по имени Девственниц Весты, кто охранял и поддерживал вечный огонь в храме богини Веста в Риме. Они не выходили замуж, за исключением требований некоторых ритуалов, но в некоторых случаях они считались «женами» царя, хотя по-прежнему звались девственницами. Так было в Риме, и многие из ранних царей являлись сыновьями Дев-Весталок. Фрейзер упоминает, что при посвящении каждая девушка получала имя Амата, или Возлюбленная, что являлось титулом жены легендарного Царя Латинуса.² Во многих местах эти жрицы были священными блудницами, отдающими себя чужестранцам и мужчинам, поклоняющимся богине. Слово «девственница» таким образом означает «незамужняя». Эти женщины были полностью отданы на службу Богине, их любовь, притяжение, секс не могли использоваться для собственного удовольствия или обыденных целей человеческой жизни. Они не могли связывать себя с мужем, так как их женская природа была посвящена высшей цели — принесению оплодотворяющей силы богини в жизнь человеческих существ.

Бок о бок с символом огня, поддерживаемом в храмах Лунной Богини, выражающий ее силу вечного плодородия, можно обнаружить определенные фаллические символы. Например, в Риме, в храме Богини Весты, почитался также Бог — Пал или Паллас. Он был идентичен Приапу и представлен в виде фаллического изображения. Двое вместе они формировали божество Пабулум, что значит Пища.³ Союз лунной богини и фаллического изображения напоминает шотландский обряд Сретения, упомянутый выше, целью которого было безопасное получение питания.

Фаллический бог Фаллас являлся не конкурирующим божеством, но скорее связанным с богиней. Каждый нес символ фертильности,

² J. G. Frazer, «The Magic Art and the Evolution of Kings», «The Golden Bough», Part I (New York, 1917), II, 197.

³ Briffault, «The Mothers» (New York, 1927), III, 18.

но только когда они объединялись в своих функциях, совершалась «мистерия». Похожая связь видна и в случае с другими лунными богинями. Например, любовником Селены был Пан, и недавно в Акрополе был обнаружен туннель, ведущий из храма Афродиты вниз, к храму Эроса. Было поверие, что ночью девы спускаются в этот туннель, принося туда священные объекты. Без сомнения это представляет из себя святой союз или брак между Эросом и Афродитой.

Сейчас эти три бога — Приап, Пан и Эрос — все являются фаллическими, или эротическими богами. Они не имеют того же значения, как боги Таммуз, Адонис и Аттис, являющиеся богами растительности. Когда им поклоняются одновременно с лунными богинями, то этот обряд не означает удобряющую силу луны в браке с плодородной землей, а скорее союз маскулинной сущности с фемининной силой.

Та же идея, что божественная сила проявляется через объединение мужчины и женщины, выражалась в символе, который часто мы находим в образе богини Кибеллы, одной из форм Магна Деа. Она представлена как растущая луна в вечном соединении с солнцем. Похожий символ в наше время можно найти на Целебес. Это итифаллический бог⁴, которому поклоняются как верховному божеству. Ему, как Фалласу в храме Весты, служат жрицы. Его верховная форма — соединение лингама и йони (мужские и женские гениталии). Его главный праздник приходится на первое полнолуние после Рамадана. В этот день отмечается его соединение с луной, ведь Рамадан — это пост в честь оплакивания Таммуза, сына Иштар, который умер и попал в подземный мир. Праздник фаллического бога на Целебес означает, что Бог воскресает в первое полнолуние, в момент соединения мужской и женской силы. Бог представлен не как уже существующий, будь то эрегированный фаллос или все-охватывающая женщина, но начинающий сиять лишь в момент соединения, в акте, через который высвобождается напряжение и протекает энергия.

Для символизации этой божественной истины, этого соединения мужского и женского, союза маскулинного и фемининного аспектов, женщины во время посвящения в мистерии Великой Богини приносили в жертву свою девственность, вступая в иерогамос, священный

⁴ Итифаллический — это греческое слово, означающее «с эрегированным пенисом».

брак, иногда совершаемый со жрецом, как представителем фаллической силы бога, иногда с самим фаллическим образом и иногда с любым незнакомцем, который проводил ночь в храме.

В этом выборе партнера в священном браке мы явно видим попытку совершить имперсональный ритуал. Сперва это был жрец, считавшийся не человеком, как обычные мужчины, но инкарнацией бога, в других случаях использовалось изображение фаллоса бога. В этом обряде совершенно не было личного подтекста. Когда «незнакомец» играл роль жреца или бога, имперсональность ситуации также являлась очевидной. Обряд совершался между двумя людьми, никогда не встречавшимися раньше, и которые больше никогда не увидятся. Незнакомец должен был уйти до наступления рассвета. Так соблюдался безличностный, или божественный аспект обряда.

Так что девственницы-жрицы, служащие лунной богине и одновременно являющиеся культовыми проститутками, иеродулами — это очень распространенное явление. В храмах Иштар их звали Девы-Радость, и слово Иштариту, применявшееся к ним, эквивалентно греческому *hierodule*, означавшему «культовая проститутка». В некоторых местах такие жрицы вступали в связь только с мужчинами, представляющими лунного бога, например, Весталки считались женами царей. Но более часто священный брак совершался с любым мужчиной, стремившимся соединиться с богиней. Священный брак такого рода возможно составлял часть посвящения мужчины в мистерии богини.

Жрицы обычно служили Богине всю жизнь. Они оставались в святилищах и совершали сексуальные обряды, как это было предписано, в дополнении к своей основной функции поддержания священного огня и исполнения водных ритуалов. Они не вступали в светские браки. Они были девственницами. Однако были и другие женщины, не посвящающие себя религиозной жизни, но вынужденные отдаться в храме хотя бы раз в своей жизни.

В своей «Истории» Геродот пишет: «Самый позорный вавилонский обряд — совершаемый каждой женщиной на земле раз в ее жизни — это оказаться в храме любви и вступить в связь с незнакомцем... мужчины проходят мимо и совершают свой выбор. Здесь не важны деньги; женщина никогда не откажет, это будет грехом, ведь такие деньги являются священными. После соития, исполнив священный долг богине, она уходит домой и затем уже ни за какие

деньги не овладеешь ею вторично. Красавицы и статные девушки скоро уходят домой, а безобразным приходится долго ждать, пока они смогут выполнить обычай. И действительно, иные должны оставаться в святилище даже по три-четыре года. Подобный этому обычай существует также в некоторых местах на Кипре.»

Обряд храмовой проституции особенно практиковался среди женщин царского рода Греции и Малой Азии. Царь считался воплощением бога, и его сестры и дочери, становясь жрицами и обручаясь с ним, проживали так миф о союзе Афродиты с Адонисом. Ведь отношения бога и богини были «ключевыми для распространения животных и растений; и, более того, сказочный союз божественной пары моделировался на земле реальным, хотя и временным союзом людей в святилище богини для того, чтобы утвердить плодородие земли и размножение людей и животных.»⁵ Также и в Вавилоне девушки из благородных семей занимались проституцией в храмах Анахита, Маздийской лунной богини, отдавая ей первые плоды своей женственности.

Когда в поздние времена в Греции стали негативно относиться к такого рода сексуальной активности (по крайней мере по отношению к женскому полу), женщинам, идущим в храм богини, чтобы исполнить древний обряд, позволялось вместо девственности пожертвовать своими волосами, что означало символическую замену своей женственности. Но они все же проводили ночь в храме, так как это являлось данью изначальному обряду.

В поклонении Кибелле этот символ растущей луны часто идет в вечном союзе с солнцем, там посвященный произносит следующее признание, записанное Клементом Александрийским:

Я вкушаю из тимпана,
Я пью из цимбалы,
Я рождаю священный сосуд,
Я вхожу в брачный чертог.

Первые две строки несомненно относятся к совместной трапезе. То, что ели — это, по всей видимости, пирог из ячменного или другого

⁵ Frazer, op. cit., Part IV, I, 39.

зерна. Он символизирует тело бога, сына матери; напиток возможно был вином или кровью, или вином как символом крови. Верилось, что Лунный Бог обучил науке виноделия, а также тому, как выращивать зерно. Он сам и был плодом кукурузы, а в некоторых случаях считалось, что и виноградной лозы. Его кровь — вино. Возможно этот напиток был Сомой, вином богов, добытым из лунного дерева и чьим земным аналогом был интоксигирующий напиток «сома», «хоама» или «моли». Третья строка «Я рождаю священный сосуд» относится к *ketnos*, вазе или котлу, разделенным на множество различных отделений, наполненных фруктами и зернами. В центре стояла свеча или факел, представляющий свет плодородия, чья сила побуждала расти все живое на земле.

Посвященный нес священный сосуд, таким образом принимая участие в службе священника или жрицы. Ваза или сосуд представляли собой матку Великой Матери, дарительницы всей жизни и роста, и часто использовались как символ или эмблема самой богини. Например, Деву Марию звали Священный Сосуд, Вместилище плодородной силы Святого Духа, от которого был рожден Христос. Исида символизировалась вазой с водой, где вода являлась плодородной силой Осириса, находящейся в Вазе Исиды, с помощью которой она проявлялась в материальной форме.

В этом обращении молящийся декларирует: «Я рождаю священный сосуд, я становлюсь вместилищем созидательной силы бога.» И исповедь заканчивается утверждением: «Я вхожу в брачный чертог»

Это несомненно глубокий значимый опыт. Его конкретность может оттолкнуть нас с нашей сознательной моралью и рациональным отношением, но мы не можем не оценить искренность тех, кто принимал участие в церемонии. Для них это была истинная иерогамия, священный брак. В нем они посвящали богине свою самую ценную функцию — репродуктивную силу, и признавали, что духовная реализация, достигаемая через соединение с божеством, была более важной, чем биологическое удовлетворение или обычная человеческая любовь.

С первого взгляда может показаться странным, что женщинам приходилось жертвовать своей невинностью ради богини любви. Можно было бы ожидать, что вместо требования этой жертвы богиня будет приносить своим преданным дары, усиливающие их привлекательность для мужчин. Фрейзер поднимает эту проблему и в ответ говорит: «Боги так же нуждаются в молящихся, как и молящиеся

в них». Богиня, всемогущее божество плодородия, представляет творческий принцип, который находится во всем женском, и сила которого возобновляется благодаря служению, оказываемому ей в иерогамии, потому что когда женщины жертвуют свою феминную силу или отказываются использовать ее для личного блага, ее божественная сила усиливается. Это нелегко выразить в словах, это больше чувства, чем концепции, их нельзя ухватить рационально, но возможно интуитивно ощутить это как сущность или значение опыта, лежащего за исповедью: «Я рождаю священный сосуд. Я вхожу в брачный чертог». Тем не менее *отношения* между человеком и богами, которое искали древние, они звали Мистерии. Опыт — это мистерия, которая может быть понята только когда признается, что «боги» — это не существа, живущие вне человека, но они скорее являются психологическими силами или принципами, спроецированными на богов и персонифицированные «богами». Они заслоняют человека, но их корни находятся в скрытых глубинах человеческой психики.

В мистериях верховная жрица, представляющая Лунную Богиню, сама «вступала в брак» с мужчиной, представляющим мужской принцип, Приапического Бога. Пока в святом месте совершалась мистерия, в храме дежурили верующие. В завершении обряда жрица выходила из святилища, неся новый Священный Огонь, который только что родился благодаря обновляющей силе божества, и от этого нового огня зажигался огонь во всех домашних хозяйствах. Этот обряд напоминает похожую церемонию, совершаемую в пасхальную субботу в Иерусалиме.

Жрица Лунной Богини в дополнении к своему служению, где она представляла богиню в аспекте плодородия, должна также представлять ее в темных и деструктивных аспектах. Каждый год весталки бросали в Тибр двадцать четыре манекена, а в честь некоторых форм божества регулярно совершались жертвоприношения детей. Например, записано, что вокруг священного камня, представляющего богиню Астарту, были найдены сотни детских скелетов. Она была богиней свободной сексуальной любви и первенцы людей и животных приносились ей в жертву.

Верховная жрица кельтской лунной богини была обязана выступать в качестве палача, когда приносились человеческие жертвы. Она убивала жертву собственными руками. После битвы, например, приносились в жертву все пленные, их головы отрезали, а кровь собирали

в серебряный котел. Один из таких котлов обнаружили в Ютландии и сейчас он находится в музее в Копенгагене. На нем видны оттиски фигур, изображающие не только сцены боя, но и Лунную Богиню, и жертвенные церемонии.

Серебряный сосуд назывался Котлом Регенерации. Это котел Лунной Богини — дарительницы фертильности и любви. Кровь, собранная туда, превращалась в регенерационный напиток, или ванну. Также описывалось, что котел должны были кипятить до тех пор, пока он приносил «три капли благодати вдохновения», так что это также сосуд вдохновения, дающий напиток типа сомы, упомянутой ранее. *MacCulloch* рассказал нам, что этот кельтский котел возможно является предшественником Святого Грааля из легенд о короле Артуре. Он говорит: «Так в Граале произошло смешение магического котла кельтского язычества и священной чаши Христианства, и получился совершенно уникальный и мистический символ».⁶

О Граале иногда говорят как о Чаше, в которой находится копье и постоянно капающая кровь; и иногда как о камне, или вновь как о посуде для хранения пищи. Он всегда ассоциируется с королем, который либо мертв, либо смертельно болен. Этот король зовется Рыбак. Его страна, как и он сам, больна, суха, бесплодна. Она называется Пустошь. В этой старинной кельтской легенде есть элементы, соответствующие важным деталям мифов о других лунных божествах.⁷ Земли пусты, потому что Лунный Бог ушел в подземный мир и забрал с собой жидкость. Чаша, содержащая в себе кровь — это священный котел кельтской лунной богини. Выпить из этого сосуда — значит возродиться, возможно даже стать бессмертным. Как камень, Грааль несомненно является символом самой Лунной Матери, которой во многих древних религиях, как мы видели раньше, поклонялись в ее

⁶ J.A. MacCulloch, «The Religion of the Ancient Celts» (Edinburgh, 1911) См. также J. A. MacCulloch, «The Abode of the Blest,» Hastings' Encyclopaedia of Religion and Ethics (New York and Edinburgh, 1909), II, 694.

⁷ В цикле о короле Артуре, записанном Chretien de Troyes, старинная кельтская легенда была «христианизирована». Там Грааль представляет собой чашу во время Тайной Вечери, и копье, с которого капает кровь — это то, которым Лонгин пронзил Христа. Верят, что эти священные объекты были привезены в Британию Joseph of Arimathea и хранятся в Гластонбери.

форме камня или конуса. Как посуда для хранения пищи, Грааль является символом Богини Сельского Хозяйства и Изобилия. В кельтской версии Король-Рыбак, хранитель Грааля, страдает от вечного недуга, будучи ни жив, ни мертв, но находящийся где-то посередине между жизнью и смертью до тех пор, пока мистерия Грааля не будет открыта смертным человеком, который добьется этого благодаря своему мужеству и бесстрашию. Тогда Король-Рыбак возродится к жизни и Пустошь снова станет плодородной.

Такова легенда о Граале, и, как указывает Джесси Уэстон, это история инициации.⁸ Во время испытания от героя требуется, чтобы он задал определенный вопрос, а именно «Что значат эти вещи и для чего они служат?». Невозможность сделать это означает, что мистерия продолжается в ее внешнем круге, но ничего не происходит, и земли остаются бесплодными. Но если вопрос задан и его значение осознано, тогда заклятие снимается, король исцелен, и мир и изобилие возвращаются на эти земли.

Есть очень интересный вариант этого архетипического события, записанный в истории об Исиде, где Манерос, Рыбак, падает в море и тонет. В этой легенде есть причина, по которой Рыбак мертв или смертельно болен. В легенде о Граале этот момент остается неясным, хотя в Вагнеровском «Парсифале» его состояние описывается как следствие отказа ради сохранения обета целомудрия. Манерос упал за борт из-за своей неспособности выдержать вид горя Исиды по мертвому Осирису; он не смог выдержать «трепета Богини».

Другой пример Котла Регенерации можно обнаружить у алхимиков, а также в китайских и индусских философиях. Верилось, что котел обладает силой превращать материальное в духовное, смертное в бессмертное. В нем варится напиток бессмертия и духовного возрождения, а также напиток вдохновения. Однако, его можно использовать и для изготовления зелий — магических, мощных веществ, не благоприятных, а вредоносных, так же, как ведьмы Средневековья варили любовное зелье, или лекарства для бесплодных женщин; или вместо этого могли произвести зловещие эффекты, такие как бури, болезни и даже смерть. Одна из причин необыкновенной выживаемости культа ведьм в Средние века, несмотря на резню,

⁸ Jessie L. Weston, «The Quest of the Holy Grail» (London, 1913).

сжигание на кострах и мучения — это без сомнения вера женщин в то, что плодородие земель зависит от их действий. Их религия имела необычайную власть над ними. Ее символы возникли на очень глубинном уровне бессознательного, ибо, как свидетельствовали отчеты о ведьмах, они вдохновили сотни простых сельских женщин столкнуться с ужасной смертью, даже не дрогнув.⁹

Сексуальные обряды ведьм несли смысл соединения с божественной силой, а также являлись магическим ритуалом обеспечения плодородия. Но так как религия была уже заменена христианством, ее символика ушла в бессознательное и стала появляться оттуда в своей негативной форме. Фаллический бог в культе ведьм был не Светлым Сыном Лунной Матери, но был Сыном Тьмы, Дьяволом. Несмотря на это, обряды в его честь проводились на новолуние и полнолуние. В эти обряды также входила иерогамия, сексуальное единение с мужчиной, представляющим дьявола, или, чаще, с символом фаллоса. Эти ритуалы можно соотнести с древними мистериями Лунной Богини.

Лунной Богине служили в основном жрицы; но и жрецы тоже находились при ней. Как и жрицы, они принимали обеты, не являющиеся необходимыми ни для обычного человека, ни даже для посвященного. Обычные мужчины оставались в храме богини для принятия участия в обряде иерогамии, возможно лишь раз в жизни, во время посвящения. Совершалось таинство единения с божественной женской природой и также ритуал для обновления его оплодотворяющей силы. Но жрец, принявший обеты, имел свойство, кажущееся очень странным в служении богине плодородия в храме, где почитаются фаллические символы. Эти жрецы были евнухами, или в некотором роде к ним относились как к женщинам, например, они носили длинные волосы и одевались в женскую одежду.

В некоторых племенах лунные жрецы обычно носили женскую одежду, в других — мужскую во время службы маскулиным природным силам и женскую во время служения фемининным силам; как говорил Adolph Bastian, они переняли «идею смены пола от Луны».

Выдающийся пример того, как древней лунной богине служили евнухи, обнаружен в поклонении фригийской Кибелле. Кастрированные мужчины, посвятившие себя служению ей, считались

⁹ [9] Adolph Bastian, «Der Mensch in der Geschichte» (Berlin, 19—12).

инкарнацией ее сына Аттиса, Лунного бога, который носит полумесяц в качестве короны и является одновременно сыном и любовником своей матери, Лунной Богини Кибеллы.

В мифе об Аттисе говорится, что он собирался жениться на дочери царя, когда его мать, или бабушка, влюбленная в него, наслала на него безумие. Аттис, в своем безумии, или экстазе, кастрировал себя перед Великой Богиней. Ежегодно, начиная с 900 года до рождения Христова, 24 марта, отмечается день скорби Кибеллы по своему сыну. Оплакивание Аттиса напоминает плач Иштар по Таммузу и Афродиты по Адонису.

Но в поклонении Кибелле особо известен специальный элемент. Третий день праздника называется *Dies Sanguinis*. В это время эмоциональное горевание об Аттисе достигает своего апогея. Пение и плач вперемешку, и эмоции достигают оргиастических высот. Затем в религиозном экстазе юноши начинают ранить себя ножами; некоторые даже совершают конечное жертвоприношение, кастрируя себя перед изображением богини и бросая отрезанные части перед статуей. Другие, истекая кровью, бегут по улицам и бросают отрезанные органы в дома, мимо которых пробегают. Эти домашние хозяйства затем должны снабжать женской одеждой юношу, теперь ставшего евнухом-жрецом. Такие кастрированные жрецы звались *Galloi*. После кастрации они носили длинные волосы и женскую одежду.

Похожая церемония кастрации имела место в честь Сирийской Астарты Иераполиса, Эфесийской Артемиды, Атаргатис, Иштар, Гекаты и Дианы, чьи статуи часто представлены с ожерельем из яичек; иногда кровавые органы кастрированных жрецов висели на их шее. Всем этим богиням служили евнухи или кастрированные жрецы.

Другие обряды, совершаемые мужчинами в честь Лунной Богини, включали в себя обрезание — символическую кастрацию, и бичевание. Последний упомянутый ритуал по-видимому никогда не практиковался женщинами, но в некоторых сообществах множество мальчиков предлагались для битвы в честь Богини. Наказание часто было настолько серьезным, что ставило под угрозу их жизнь. Однако, на фресках *Villa des Mysteres* в Помпеях, где изображено посвящение молодой девушки, неофиты показаны сидящими на коленях у пожилой женщины, во время бичевания.

Обрезание и самобичевание являются символами своего рода облегченной кастрации. Возможно они эквивалентны облегченному

жертвоприношению у женщин, потере волос вместо принесения в жертву девственности.

Эти жертвы Лунная богиня требует не от каждого мужчины, но лишь от малого числа избранных. Для них она проявляется в темной и ужасной форме, требуя увечий или даже смерти, ведь мы уже убедились, что в поклонении ей имеют место человеческие жертвоприношения. В этих кровавых обрядах ясно видна темная или оборотная сторона великой Богини. Она — разрушительница. Но странным образом ее деструктивные силы меньше направлены на женщин, чем на мужчин. Избранные мужчины должны пожертвовать своей мужественностью полностью и единожды, в безумном экстазе, где неразрывно смешены боль и эмоции. С другой стороны, женщины должны принести ей первые плоды своей женственности. Природа этих жертв очень отличается. Как говорили первобытные: «Луна разрушает мужчин, но она имеет одну природу с женщинами и является их покровительницей и защитницей».

СВЯЩЕННЫЙ БРАК

Ритуал девственных богинь требует вступления в *иерогамию*, священный брак, в котором женская любовная и сексуальная жизнь посвящались самой богине. Он происходит через акт проституции, совершаемый в храме. В дни, когда процветало поклонение Лунной Богини, существовали не только *светские* блудницы, занимавшиеся «древнейшей профессией в мире» ради своей экономической выгоды, но также были и *священные* блудницы, чьи доходы не являлись их собственностью, но принадлежали богине. Их профессия не порицалась в социуме, а наоборот считалась честью, и в некоторых странах каждая женщина высшего или низшего класса была обязана хоть единожды в жизни совершить акт проституции в храме.

С нашей пуританской точки зрения эти действия кажутся распутством. Тем не менее мы не можем игнорировать тот факт, что они были разработаны как часть религии, ее приспособления ко внутренней, или духовной жизни. Религиозные практики основаны на психологических потребностях. Внутренняя, или духовная необходимость, проецируется во внешний мир конкретным образом, и с нею можно встретиться в символическом акте. Если рассмотреть ритуалы священной проституции в этом свете, то станет очевидным, почему древние считали существенно важным каждой женщине однажды в жизни отдаться мужчине, но не особенному, ради любви к нему, что являлось бы личными причинами, а богине, своему собственному инстинкту, принципу Эроса внутри себя. В этой иерогамии, священном браке, неважно, кем является мужчина, главное — что он не тот, кого сама выбрала женщина. Он должен быть незнакомцем. Ничего не значил даже прежний опыт женщины. Мужчина выбирался не из-за его мужественности, не из-за сходства с Приапом. На самом деле в храм

Иштар, или Афродиты, чаще всего заходили мужчины, желающие увеличить свою мужскую силу — старики и те, чья мужественность угасала, и они искали возрождение своих сил в стенах Богини, дающей фертильность «человеку и зверю». Для женщины же основной смысл этого опыта лежал в ее подчинении инстинкту, и неважно, в какой форме к ней приходил этот опыт.

В мифах о Лунной Богине эти психологические реалии выражены в конкретной форме, и древний человек проживал их как действительный факт. Он проецировал свое психологическое содержание и был вынужден проживать свою символическую драму *как если бы* Иштар и Афродита являлись действительными антропоморфными богинями; *как если бы* требования фемининного принципа можно было достичь через внешние действия. Он был неспособен распознать в них, как мы это делаем сегодня, психологические принципы, вынуждающие нас меняться. Современная женщина, ищущая отношений с «Лунной Богиней» или фемининным принципом внутри себя, должна признавать собственный инстинкт не только как интеллектуальную концепцию, но как оказывающий важное влияние на всю ее жизнь; или ей нужно будет принять *родственность* порядка Эроса и подчинить ему свои собственные желания.

В древнем мире лишь немногие женщины всю жизнь жили как проститутки в храме Лунной Богини; а большинство женщин лишь раз в жизни играли эту роль. Этот акт включал в себя принятие ответственности перед самой собой за свою инстинктивную жизнь. Она исполняла свою роль, потому что сама нуждалась в этом. Ее действия касались отношений с богиней любви, а не отношений с мужем, реальным или потенциальным. Они не имели ничего общего с ее экономической безопасностью, как в случае брака, но касались лишь отношений со своим инстинктом. Для любого в мире, а особенно для женщины, самым трудным является признать и принять любовь к другому человеку, когда тот не отвечает взаимностью. Гораздо легче отвергнуть любовь, сказав «Меня он вообще не волнует» или «Он не стоит того, чтобы переживать», или даже подавить любовь вовсе и держать себя совершенно неприступно. Но женщина-девственница, которая вступает в священный брак в храме богини, так не поступит. Она, понимая, что любовь, поднявшаяся в ней — это проявление богини любви, признает страдание, которое та несет, как часть своего опыта, относящегося к фемининным принципам жизни.

В действительности признание своей собственной любви, не направленной в сторону конкретного человека, по своей природе и является иерогамией, союзом с богом, делающим женщину девственной. Филон Александрийский много лет назад написал: «Связь с мужчиной ради рождения ребенка приводит женщину к потере девственности. Но если ее душа становится связанной с Богом, эта связь позволяет ей, уже ставшей женщиной, вновь превратиться в девственницу.» Похожая идея выражена в сонете Джона Донна (1573—1631):

Люблю Тебя — и Ты меня люби,
Ведь я с врагом насильно обручен.
Порви оковы, узел разрубь,
Возьми меня, да буду заточен.
Лишь в рабстве я свободу обрету,
Насильем — возврати мне чистоту!

Психологическая девственность может быть достигнута через связь с богом, через *иерогамию*, или священный брак. Следующие картины нарисованы современными женщинами, пережившими что-то подобное. Эти женщины не художницы, как видно по грубости их рисунков. Первая картина (рис.26) нарисована женщиной, которая в это время не проходила психологический анализ. Она нарисовала рисунок в попытке понять значение кризиса, через который проходила. Ее эмоции выражены в словах поэмы Донна, с которой она была знакома. Вторая картинка (рис.27) также нарисована женщиной, у которой, однако был значительный опыт связи с бессознательным через анализ. Она также нарисовала свою картинку в попытке прояснить природу испытываемых ею эмоций.

Рисунки, выполненные таким образом, просто для того, чтобы выразить эмоции неизвестной природы и причины — это не искусство, а лишь прояснение и выведение на уровень сознания неизвестных моментов в глубинах психики, наличие которых ощущается лишь по порождаемому ими эмоциональному дисбалансу. Технически такие рисунки называются «бессознательное рисование», хотя делаются не в состоянии бессознательности. Термин просто означает, что они изображают нечто неизвестное, чье значение полностью скрыто. На самом деле люди рисуют образы, поднимающиеся из бессознательного, также как образы сновидений. Такое занятие имеет интересный

Рис.26

Рис.27

эффект. Сперва изображения становятся яснее и определеннее, часто они меняются в процессе самого рисования, так что бывает необходимо нарисовать вторую картинку или даже серию, показывающую эти изменения. В это время проясняется настроение или эмоциональный конфликт. Он также меняется и развивается с изменением бессознательного образа. В результате, когда женщина, проходящая эмоциональный кризис или конфликт, рисует картины, такие как показаны выше, она обычно чувствует сильное облегчение, даже если не понимает, что именно она нарисовала. Если бы она поняла смысл нарисованного, то почувствовала бы еще большее облегчение, потому что живопись как оракул, приходящий из глубин нашего существа и приносящий мудрость, находящуюся вне текущего сознательного понимания.

В обоих упомянутых случаях картины представляют текущие страдания женщин во имя обряда, имеющего религиозный, а значит духовный, или психологический, смысл. Каждая из этих женщин страдает в некотором роде из-за «увлечения» жизнью или из-за обстоятельств, в которых она оказалась; можно сказать, что её любовь, интересы, эмоциональные вложения в жизнь не приносят ей того результата, который принят в этом мире: человеческой любви и понимания, или чего-нибудь другого. Картины этих страданий в каждом случае показывают, что человеческое разочарование похоже на восторг, оно происходит не вследствие действия враждебных или деструктивных сил, но его приносит птица, Райская Божественная Птица, посланник луны, Голубь Афродиты.

В христианском символизме похожая идея нам знакома в виде Святого Духа — того, кто является Священным Голубем. В некоторых средиземноморских росписях Благая Весть Девы Марии изображается, как принесенная Голубем. Этот образ выражает универсальный факт человеческой психики, который можно обнаружить в религии поклонения древним лунным богиням, в средневековом христианстве, в мистических писаниях древних философов, у поэтов викторианской эпохи и в бессознательных рисунках современных женщин. Все это говорит о том, что женщина может только тогда стать самой собой, когда она полностью пробуждена и видит возможности, скрытые в её собственной природе, пережила страсть, плотскую и духовную, и посвятила свои силы служению богу инстинкта. Тогда имперсональная, божественная энергия поднимается в ней, и она приобретает духовное целомудрие, безбрачие или целостность своего бытия,

посвящая свои глубинные эмоции богам инстинктов, как бы она их не называла.

Так она освобождает себя от своего эго-вожделения, от своей идентификации с собственными инстинктами и нуждами. Это смысл Единения с Богом, священный брак в храме лунной богини, которая считается также богиней сексуальной любви; она источник силы любви, как и силы плодородия. Посвященные в её мистерии через мистическое соединение с ней получали часть ее силы. Из христианского учения нам знакома идея соединения с Богом благодаря специальным таинствам. Крещение, погружение в воды; Причастие, разделение освященной пищи, поедание тела Бога — это этапы посвящения, имеющие целью соединение с Богом. В римской и греческой католической церквях брак также считался таинством, сексуальное соединение мужчины и женщины рассматривалось как символическое соединение души с Богом. Идея союза с Богом, или священный брак, *исерогамия*, идет на шаг дальше, когда женщина становится монашкой. Совершается символический брак, и она становится Невестой Христа.

У христианских мистиков таинства жили не только в церковных обрядах, но также во внутреннем или скрытом опыте их личных медитаций. Тема божественного соединения и Христа, как божественного Любовника, Жениха Души, явно выражена в их писаниях. Определения, в которых описывается их мистических опыт, не оставляют сомнений в том, что духовный опыт был тесно связан с реальным эротическим действием, хотя и не с партнером-человеком.

В религиозных практиках Магна Деа похожий эротический опыт, брак в храме, представляет собой часть инициации, а в поздние времена — посвящение Исиде, и как описывал Апулей, центральным учением ее мистерий являлось откровение отличия любви от *желания*.

Лунный Бог Вавилона был известен рядовым почитателям как Синн, но у него было и секретное имя, которое открывали только посвященным. Это имя — Вадд, что значит дружба или любовь. В древних религиях символическая драма богов, то есть наша духовная или психологическая жизнь, полностью проецировалась наружу, поэтому у ритуалов была очень конкретная форма. Потихоньку в течение веков, когда человеческая психическая жизнь стала признаваться более внутренней, эти обряды стали все больше отдаляться от конкретной реальности, стали более символическими. Это огромный шаг, несущий также и опасность, ведь если ритуал полностью потеряет свою связь

с инстинктивными силами, из которых он вырос, то потеряет свою силу обновлять и возрождать, так как станет чистой абстракцией и лишится связи с первичными источниками жизни. В наши дни, когда мы так далеко отошли от своих корней, мы нуждаемся в новом контакте с этими жизнеутверждающими символами.

Полумесяц — символ почти надчеловеческих желаний и инстинктов, появившихся из вод бессознательного, представляет уровень развития обычных мужчины и женщины, но суфии, мистики Ислама, пошли гораздо дальше в своем психологическом развитии и более ясно поняли внутренний смысл своих собственных религиозных учений. Они много говорят о любви Бога, которую они разделяют на три стадии: *Рида*, удовлетворение; *Шав*, жажда; *Унс*, интимность. Они воспринимают это как внешнюю драму, отображающую стадии соединения с Богом. Рави, женщина-мистик, которая жила примерно в восьмом столетии, написала следующее стихотворение о третьей стадии любви, Унс, или интимности:

Я сделала Тебя (Бога) спутником моего сердца,
Хотя мое тело доступно тем, кто хочет стать его спутником,
И мое тело дружелюбно к гостям,
Но Любимый моего сердца — Гость моей души.¹

В этом стихотворении выражается попытка достичь трансформации конкретного, материального, в невидимое, духовное. Ведь духовность женщины должна быть очищена от конкретного опыта; она не может быть приобретена напрямую. Процесс очищения обсуждается в И Цзин, священной китайской книге, в поучении «Котел». У китайцев котел имел то же значение, что и у алхимиков, он, как Грааль — это лодка трансформации, или, как сказали бы алхимики, трансмутации. Мы читаем: «Все, что видимо, должно перерасти себя и достичь состояния невидимости. Таким образом оно получает истинное посвящение и ясность и твердо укореняется в космическом порядке.»² В опыте любви, о котором говорит Рави, описывается

¹ M. Smith, «Rabi'a, the Mystic» (Cambridge University Press, 1928), p. 98. 150

² Richard Wilhelm and C. F. Baynes, trans., «The I Ching» (Bollingen Series XIX, New York, 1950), Hexagram 50.

попытка достичь трансформации путем схождения вниз. Ведь Луна, Богиня Женщин — это Королева ночи, и новая луна ведет в подземный мир. Мистики всех веков признавали, что трансформация происходит через путь, ведущий вниз, хотя мы, с нашей западной философией прогресса, достижений и рационального контроля над жизнью не видим этого. Например, гностики говорили: «Подниматься или опускаться — это одно и то же», и Вильям Блейк писал, что неважно, выбирает человек верный путь или неверный, если он следует ему искренне и преданно до конца, поскольку любая дорога может привести его к цели. Поэтому мы должны признать, что хотя дорога полумесяца ведет вниз, она вполне может привести к трансформации личности, к реальному перерождению. Луна утверждает великий принцип трансформации через «низкие» вещи. Она, темная, холодная и влажная, спрятанная от дневного света и просветленного мышления человека, содержит в себе тайну жизни. Ведь жизнь возрождается вновь и вновь, и наконец после повторяющихся опытов человек понимает внутренний смысл, до этого момента скрытый в текстуре конкретных событий. Ритуал *иерогамии* религиозен. Через принятие силы инстинкта внутри себя, и в то же время отречение от всех притязаний и желаний женщина начинает по новому относиться к самой себе. Сила инстинкта внутри нее теперь признается как принадлежащая не ей, а надчеловеческой сущности, богине, которой нужно служить, для которой ее тело — это ценный сосуд. Через такое отношение происходит трансформция. Обычный контроль ее эгоистических желаний более не нужен, потому что они изменились. То, что раньше было «Я хочу, Мне надо» заменяется способностью любить. И женщина, вместо того, чтобы быть лишь проявлением природы, русалкой, рождается как человеческое существо с человеческим духом.

Теперь понятно значение этого жертвоприношения в храме, этой *иерогамии*. Через нее иницируемая женщина освобождается от доминирования своего бессознательного инстинкта, с его бесконечными желаниями и требованиями власти. Она становится девственницей, подчиняясь своему инстинкту вместо того, чтобы требовать, чтобы ему подчинился мужчина. В этом ритуале женщина самым решительным образом признает и утверждает, что ее сексуальность и вознаграждение, которое она приносит, — это не ее собственность, а выражение требований жизни, которые живут в ней и чьей слугой она является; ее тело, ее психика — это ничто иное, как средство проявления жизни.

Это ее подчинение инстинкту. До тех пор, пока она не подчинится таким образом, она не является девственницей в религиозном смысле и не может быть соединена с Эросом, женским принципом, Магна Деа, который должен управлять ею изнутри. Поскольку, как утверждают некоторые гностические тексты, лишь дух, чистый как дева, может достичь соединения с Богом.

То, зачем было необходимо это храмовое посвящение женской сексуальной энергии, объяснял Фрейзер, используя древнюю концепцию бога, нуждающегося в жертвоприношении верующих, поскольку его сила зависит от совершаемого людьми служения. Эта старая концепция нашла новое и более духовное выражение в писаниях поздних религиозных мистиков. Экхарт многократно утверждал, что Бог нуждается в поклонении людей и рождается заново в душе преданного верующего. Ангелиус Силесиус и другие мистики многих религий произносили похожую истину. До тех пор, пока Бог воспринимается как небесное Существо, полностью находящееся вне человека, Абсолют, не связанный с человеком, доктрина его зависимости от служения верующих является самой настоящей ересью. Но когда Бога признают персонификацией психологического принципа, становится очевидным, что сила Бога множится от жертвоприношений, описанных выше. В каждой женщине, приносящей в жертву свои личные эгоистические порывы и вознаграждение, которое они могут принести ей, сила и значение принципа Эроса, или как можно было бы сказать, сила Лунной Богини, сияет гораздо более ярко. Когда она отрекается от своих личных притязаний, энергия, или либидо, ранее ограниченное желанием идти по собственному пути, вливается в фемининную истину, ради которой и совершалось жертвоприношение. Так, как объясняет Экхарт, «Бог рождается в душе», Эрос расцветает в сердце женщины, занимая место её личных желаний.

Из этого опыта рождается сила любить другого. Перед тем, как совершилась такая инициация, ее любовь была не более чем простым желанием. Она не могла даже увидеть разницу между «Я люблю тебя» и «Я хочу, чтобы ты любил меня»; не могла различить между «Я люблю тебя» и «Я хочу то удовлетворение, что ты приносишь мне.» Но когда она прошла через внутренний опыт, аналогичный древней проституции в храме, желание иметь, обладать, уходят, трансмутируются через ее принятие своей сексуальности, своего инстинкта

в выражение божественной любви, в невероятно ценный опыт, совершенно отличный от обычного человеческого.

Невозможно объяснить трансформацию, которая происходит, когда таким образом принимается и ассимилируется инстинктивная любовь, ведь это одна из мистических и необъяснимых перемен, принадлежащих психологической действительности, той действительности, где встречаются физическое и духовное. Трансформация от физического к духовному — это никогда не заканчивающаяся мистерия, находящаяся вне нашего человеческого понимания. И все-таки можно воочию наблюдать, как через такого рода опыт рождается любовь, настоящая, без эгоистических симпатий и привязанностей. Лунная Богиня в роли проститутки постоянно утверждает этот тип любви. Иштар говорит о себе: «Я сострадательная проститутка». Сострадание — это также одна из главных характеристик Девы Марии, о которой хоть никогда и не говорили как о храмовой проститутке или иеродуле, но она без сомнения испытала соответствующий опыт, благодаря чему получила титул Девственницы.

Любовь, рожденная при посвящении в храм — по своему характеру материнская. В легендах и мифах единодушно утверждается, что богиня как дева задумана для непорочного зачатия. Итогом *иерогамии* является то, что у девы рождается ребенок. Ее ребенок — герой, спаситель, искупитель. Он — Бог-человек, вмещающий в себе природу и человека, и бога. Психологически этот ребенок представляет собой рождение новой индивидуальности, заменяющей женское эго, принесенное в жертву в храмовом обряде. Он зовется Священный Эмбрион, Драгоценность Лотоса, он — новая личность, рожденная от ее жертвоприношения. Он — молодой Месяц, который сражается и побеждает то самое зло, что захватило его отца. Поэтому он — тот, кто «выходит за рамки» и представляет собой возрождение надежды и возможности преодоления прошлого. Через силу *иерогамии*, полное принесение в жертву эгоизма и потребительского отношения к другому, эмоций и инстинктов, рождается этот Ребенок-Герой, способность начать снова, даже пережив крушение и неудачу, начать с другого уровня, с новыми ценностями и новым пониманием жизни.

ИШТАР

Всегда трудно адекватно воспринимать значение, которым бог или религиозный символ обладали для людей прошедших времен. Ведь символ — это конкретизация фактического живого духа, или чувства, пока еще не осознаваемого и не понимаемого в полной мере. Пока дух живет, каждый ощущает его значимость и силу, хотя и не может точно его определить. Сегодня не надо объяснять, например, что для нас «стяг», да мы и не сможем это *объяснить*. Точно таким же образом боги прошлого в то время принимались как «сами собой разумеющиеся». Никто не писал обоснованных заключений по поводу их значения, или духа, или чувства, которое они несли своим людям. Только когда культ бога угасал, некоторые писатели ощущали необходимым сохранить это в текстах, чтобы не потерять полностью.

Следовательно, наши знания о поклонении Великой Матери несколько скудны. Обряды, совершаемые в её храмах были настолько хорошо известны в те дни, что не было необходимости их записывать, либо они являлись мистериями, доступными лишь посвященным, а массовой публике в лучшем случае были известны лишь символы, которые не приносили просветления, поскольку не всегда правильно интерпретировались. Когда люди стали больше озадачиваться записыванием, появились случайные ссылки и аллюзии в литературе периода процветания Лунной Матери. Некоторые пассажи есть в писаниях позднего периода, и они дают философское или метафизическое объяснение древней религии. Особенно это видно в греческих писаниях гностического периода. Плюс к этому они донесли до нас некоторые ритуальные гимны и молитвы, адресованные Матери, Иштар и Исиде, и множество священных объектов и изображений, чье значение лишь смутно понятно нам, если смотреть на них через

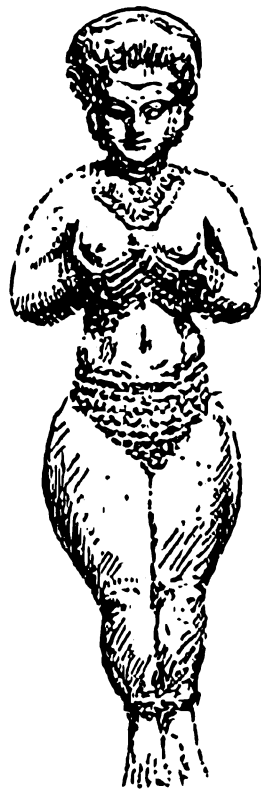
призму рационального интеллекта. Однако если мы воспримем их как символы, относящиеся к психологическим, а не историческим фактам, их внутренний смысл проявится с безошибочной ясностью.

Лунная Богиня, поклонение которой наиболее широко распространилось в дни античности, была вавилонянской Иштар. Ей поклонялись под многими разными именами в разных странах. Она звалась Аштартой в Канаане; Аттар в Месопотамии; Аштар в Моабе; Афтар в Южной Аравии; Астар в Абиссинии; Атаргатис в Сирии; Астарта в Греции, а Артемида была распространенным именем, используемым для любых проявлений этой великой и всемогущей богини — Магна Деа Востока (рис. 28).

Её двойником в Египте была Исида, поклонение которой распространилось на Грецию и Рим и процветало еще в ранние столетия христианской эпохи. История Исиды, и всё, что касается её почитания, настолько важны, что будут рассмотрены в отдельной главе.

Иштар — персонификация силы природы, дающей и забирающей жизнь. Она — Мать Всего, Многогрудая Артемида (рис.25). Ее зовут Сияющая Серебром, Рождающая Зерно и Беременная. Она богиня плодородия, дающая силу воспроизводства, относящуюся ко всем животным, а также людям. Естественным образом она стала богиней сексуальной любви и покровительницей проституток. Она — Открывающая Матку, защитница матерей во время родов.

Так что вся жизнь происходит из нее; растения, животные, люди — её дети. Но как у лунных богов, у Иштар двойной характер. Она не только дает жизнь, но и разрушает. Ведь она — луна, во время роста которой растет все вокруг, а во время убывания — все уменьшается.

*Рис. 28. Иштар как
Богиня плодородия,
3000 до н. э*

Но это не конец, рост начинается вновь. Свет побеждает тьму, даже если тьма побеждает свет. Лунная Богиня появляется вновь в своем творческом и благоприятном аспекте.

Так Иштар успешно управляет всеми лунными циклами, или месяцами года, и плодородностью года, и всё, что рождается в течение двенадцати месяцев — это её потомство. Эта идея прекрасно выражена в веровании, что её сын, Таммуз, был воплощением растительного мира всей земли. Его звали Урикитту, Зеленый. В мифе, достигнув зрелости, он становится любовником богини. Год за годом, однако, она приговаривает его к смерти, и на повороте года, перед днем летнего солнцестояния, он гибнет и отправляется в загробный мир. В Месопотамии зеленая весна длится очень недолго. Всё сжигается летним солнцем, поэтому смерть Таммуза происходит не осенью, а ранним летом. После его смерти богиня и все женщины скорбят, в месяц, названный по его имени, Таммуз, или Дуузу. До наших дней сохранились очень древние гимны оплакивания Таммуза. Один вавилонский текст, датированный 2300 годом до нашей эры, звучит таким образом:

Воскресни, Герой, пройди по пути, откуда нет возврата.
Увы, Герой! Воин Ун-Азу;
Увы, Герой! Герой, мой бог Даму;
Увы, Герой! Сын, мой верный господин;
Увы, Герой! Ясноглазый Гу-Силим¹

Увы, Герой! Ты свет моих небес;

Увы, Герой! Брат, мать, райское вино.
Он уходит, уходит в лоно земли —
Он родит изобилие в краю мертвецов.
Мы оплакиваем его в день его падения,
В самый неблагоприятный месяц года.

¹ Силим — это Луна.

По дороге, предназначенной для последнего на земле человека,
По зову Господа,
Иди, Герой, в далекий край, что не виден нам.²

Ритуал оплакивания Таммуза напоминает ежегодный праздник скорби по Адонису. В греческом мифе Адонис был растерзан медведем, одним из священных животных Афродиты, его матери. Медведя часто связывают с Лунной Богиней, и, например, кельтская богиня сама была практически медведицей. Так что в мифе об Адонисе он был убит одним из проявлений своей собственной матери. В другой версии этой истории Арес, бывший любовник Афродиты, принял форму вепря, чтобы убить Адониса. Фрэзер описывает древний памятник в ливанской роще, отображающий эту историю. Прекрасный юноша с копьем ждет атаки вепря. Афродита сидит на заднем плане, полная скорби. Она, как предполагает Фрэзер, и есть «горюющая ливанская Афродита», описанная Макробиусом.³ Это оплакивание Афродитой Адониса или Иштар Таммуза — основание для поста скорби, сформировавшего известный ритуал религии Великой Богини. В Ветхом Завете постоянно обращаются к посту, Пророки его осуждают. Однако культы Матери и Сына снова и снова проявляются и становятся конкурентами для Яхве. И, как мы видели ранее, Рамадан, один из важнейших религиозных традиций ислама, связан с оплакиванием Таммуза.

Итак, каждый год Таммуз погибает и отправляется в загробный мир. Иштар и все женщины оплакивают его, и в конце концов для того, чтобы спасти его, она совершает опасное путешествие в земли, откуда нет возврата. Там, пока она проходит каждую из шести дверей, охраняющих это место, с нее спадают ее драгоценности. И наконец, когда она практически остается без сил из-за потери своих драгоценностей, она должна сразиться со своей сестрой Аллату за обладание Таммузом. В этой форме мифа Аллату является Царицей Подземного Мира. Обычно Иштар считается царицей

² T. G. Pinches, *Tammuz*/' Hastings' *Encyclopaedia of Religion and Ethics* (New York and Edinburgh, 1909), XII, 189.

³ J. G. Frazer, «Adonis, Attis and Osiris», «The Golden Bough», Part IV (New York, 1917–19), I, 29.

как Подземного мира, так и Небесного и Земного, так же как Луна путешествует между Нижним и Верхним Мирами. Шесть стадий потери ее драгоценностей похожи на расчленение Лунного Бога и представляет собой шесть «ночных укусов», когда луна уменьшается шесть ночей последней четверти.

Когда Иштар уходит в Загробный мир, на Земле наступает время депрессии и отчаяния. Во время ее отсутствия ничего не начинается. Не размножаются ни люди, ни звери, ни деревья, и, что хуже — они даже *не хотят* размножаться. Весь мир описывается как замерший в безнадежности и бездействии, горящий по её возвращению.

В «Схождении Иштар», записанном на дощечке, мы читаем:

С тех пор как Госпожа Иштар спустилась в Землю,
Откуда Нет Возврата,
Бык не оплодотворяет корову, осёл не ищет ослицу.
Мужчина не глядит на женщин, проходящих по улице,
Он спит в своей комнате,
Женщина спит одна.⁴

Лишь после ее возвращения на землю вновь проявляется сексуальное желание и силы плодородия. Для нас это очень странно. Естественные науки предполагают, что инстинкт заложен в структуре жизни; что тычинки и пестики встречаются под воздействием природных явлений, потоков ветра, и как у животных, так и у людей, мужчина ищет женщину под воздействием своих собственных инстинктов, встроенных в него естественным образом. Но для древних воспроизводящая сила и притяжение между мужчиной и женщиной являлись дарами богини, или возможно даже её эманациями. Когда она отсутствовала, уйдя в Земли, Откуда Нет Возврата, с Земли пропадала сила воспроизводства и желание размножаться. Когда она возвращалась, в животных и растениях снова проявлялся дух фертильности. В гимне говорится: «Я обращаю мужчину к женщине; Я делаю так, чтобы он заинтересовался ею, а она — им.» Она — пробудитель сексуального импульса в животных и людях.

⁴ Robert W. Rogers, «Cuneiform Parallels to the Old Testament» (New York, 1926, Abingdon Press), p. 126.

Для западной мысли эта концепция является почти анафемой, и все же возможно, что в некоторых сферах было бы более полезным посмотреть на факты через ее призму, чем с помощью научного или материалистического мышления. Если мы вспомним, что боги — это проекции непризнанных сил бессознательного, мы можем сказать, что *как если бы* сила притяжения между мужчиной и женщиной была даром богини, который проявляется, когда она присутствует на земле, но недостижим, когда она отсутствует. Ведь каждый согласится, что в отношения между мужчиной и женщиной входит больше, чем можно объяснить чисто материалистически. Иначе почему их связь, даже физическая, столь отличается в разных случаях. Некоторые существенные факты включаются без нашего сознательного участия. Как будто и вправду так проявляется богиня фертильности.

Конечно, такое утверждение покажется глупостью, если мы посмотрим на него трезвым объективным взглядом. Луна как небесное тело или мифологическая богиня сильно далека от ежедневных проблем современных мужчины и женщины. Но если мы вспомним, что древние, представляя богиню и ее жизнь, отражали движения психологических сил, действующих в бессознательном человека, то не будет нужды быть такими скептиками. Древние много знали о работе этих бессознательных сил и записывали это в совершенно неподвзятой форме. Однако мы — предвзяты, и пренебрегаем всем, что не вписывается в наши научные, материально наблюдаемые данные. Но действие психологических факторов, особенно бессознательных, не поддается прямому наблюдению и экспериментам. Такие данные мы исключаем, как недостоверные, но древние признавали их и включали в свои религии. Так что стоит и дальше поговорить об Иштар и ее деяниях.

Когда она отсутствовала, люди и животные теряли силу фертильности и свое желание. Когда она возвращалась, то поскольку являлась Богиней Плодородия и Сексуальной Любви, любовь возрождалась во всем мире. Сила любви и размножения являлась следствием живого духа, который она несла и который заражал всех, как инфекция. Она сама была пропитана тем же духом и легко отдавалась своей любви, где бы та ни возникала. Таммуз, растительность всей земли, из года в год возрождался как её сын, и из года в год воссоединялся с ней как её супруг. Но у соблазняющей богини было много других любовников. Она почиталась как «принимающая всех». В маленьких алтарях древних домов Вавилона она была представлена обнаженной,

Рис. 29

Рис. 30

Рис. 29. Иштар Килилу, «Та, что выглядывает». Панель из слоновой кости из дворца Асурнасапал, 9 столетие, Калах

(Из «Мифология всех рас», Stephen Herbert Langdon, 1911.)

Рис. 30. Деркетто и Оуан, Бог Первичных Вод (Из «Sur le Culte de Venus», Felix Lajard, 1837.)

сидящей в оконной раме. В этом образе она зовется Килили Мушриту, что значит «Килили, которая выглядывает наружу», в типичной позе проститутки (рис. 29). В эпосе Гильгамеша рассказывается, как она пыталась соблазнить Гильгамеша, но он был героем, чьей задачей являлось победить богиню.

Тема Гильгамеша — героя, более поздняя. Для наших размышлений однако наиболее важно, что в ней представлено время, когда человечество начало чувствовать, что боги могут быть побеждены людьми, и что человек может получить их силу. Это являлось почти нечеловеческой задачей, и далеко не каждому под силу. Лишь герой мог справиться с этим; он один мог сражаться против богов и обычно был щедро вознагражден за свою нечестивую дерзость. Но мифы о героях — это паттерны для нас сегодняшних, ведь только совершая похожее путешествие, можно надеяться победить «богов», эти силы, спроецированные из бессознательного, и присвоить эти силы себе,

как части человеческой психологии. Гильгамеш отнесся к богине грубо и пренебрежительно из-за ее доступности. И все же именно из-за того, что она богиня, она должна следовать своей собственной природе; а природа ее такова, что если она любит — то должна отдаться. Ведь как луна — она не может быть чьей-то собственностью. Она вечная девственница.

Эта концепция природы богини вступает в значительное противоречие с идеальным браком, представленным такими божествами, как Гера. Здесь поклоняются принципу верности данному слову. В ситуации с Иштар — это принцип лояльности актуальному чувству, реальности, живущей в данный момент. Это принцип, которому поклонялись в великой Магна Деа.

Из надписей, сохранившихся на памятниках, монетах и тому подобном, мы можем составить представление о том, как древние воспринимали ее силу и качества. Она — Богиня Всего, Царица Небес, Почитаемая, Небесная Корова. Она была рождена из пены морской. В одной форме она — полурыба, кто-то типа русалки или левиафана, жителя первичных вод. Здесь она зовется Деркетто, имя, которое относится и к Атаргатис, фригийской лунной богине. Люциан в своей «De Dea Syria» говорит: «Изображение финикийской Деркетто очень странное; наполовину женщина, а от бедер до конечностей рыбий хвост (Рис.30).»

Как и ее сын, Таммуз, Иштар зовется Урикритту или Зеленая, родительница всей растительности. Ее символ — дерево Ашера, к которому относятся, как к самой богине. Ее также зовут Богиня Земли, Леди Гор, Царица Земли и Хозяйка Полей. Как Синн, лунный бог, предшествовавший ей, она троична, так как является луной в ее трех аспектах. Она Царица Небес, Богиня Земли и Богиня Загробного Мира.

В светлой, или верхней фазе, Иштар почитают как Великую Мать, несущую плодородие на землю и заботящуюся о своих детях. Она пробуждает способность размножения в человеке, животных и растениях. Она — богиня материнства. Как Царица Небес она управляет звездами. Однажды она и сама была звездой, утренней или вечерней, в качестве жены сопровождающей Синна, раннего лунного бога. Но позже она заменила его и стала обладать своей собственной силой. Затем она стала Царицей Звезд и Царицей Небес. Ночью она проезжает по небу в колеснице, запряженной львами или козами. Древние

арабы считали зодиакальные созвездия Лунными Домами, а весь зодиакальный круг звался «Пояс Иштар», что относится к лунному календарю древних, для которых месяцами являлись двенадцать лун солнечного года. Поэтому Иштар была Богиней Времени, чье движение управляло посевом и сбором урожая и годичным кругом сельскохозяйственной активности. Она была известна как управитель человеческой морали. Интересный свет можно пролить на концепцию Луны как управителя человека, когда мы вспомним, что последний исход евреев совершался из Синим (то есть Лунных Земель) и что Синай, гора, на которой Моисей получил Скрижали Закона, являлся Лунной Горой.

Как Царица Загробного мира, однако, она стала враждебной человеку и разрушала все, что создала во время своего Высшего состояния. В этой фазе она звалась Разрушительница Жизни. Она — Богиня Ночного Ужаса, Ужасная Мать, богиня ураганов и войн. Она несла сны и предзнаменования, откровения и понимание скрытого. В гимне, записанном на одной из клинописных табличек, говорится:

Иштар сказала: «Я восхожу, чтобы давать знамения, восхожу во всем своем совершенстве.

Для своего отца Синна, я восхожу, чтобы давать знамения, восхожу в совершенстве.»

Именно благодаря ее магии человек мог получить силу и запретные знания скрытых и секретных вещей, знание которых само по себе дает силу.

Древние представляли подземный мир как скрытые и неизвестные глубины, которые мы зовем бессознательным. Но в то время как мы понимаем, что бессознательное находится внутри нас, что это скрытая часть нашей собственной психики, древние проецировали эту незнакомую область вне себя и представляли ее как конкретное географическое место, в которое можно предпринять путешествие на лодке или колеснице.

Утверждение, что Богиня Загробного мира обладает магической силой, равноценно тому, чтобы сказать, что бессознательное работает в тайне, неизвестно нам, то есть магическим образом. И действительно, правда, бессознательное имеет этот волшебный эффект, что может подтвердить каждый, сталкивавшийся с ним. Часто мы страдаем от его мощных и неконтролируемых воздействий, и с удовольствием нашли бы способ, если бы это было возможно, вступить с ним

в хорошие отношения. Для древних Лунная богиня была царицей этой сферы. Она имела здесь такую же силу, как и в верхнем мире. Правильный подход к ней обеспечивал безопасные и полезные отношения с силами подземного мира.

Иштар предпринимала опасное путешествие в загробный мир и, хотя страдала от боли, все же побеждала тьму и снова рождалась как новая луна, сперва небольшая, но обладающая силой роста. Джеримиас обращает внимание, что «Луна, согласно вавилонскому учению, это звезда верхнего мира. Она умирает и рождается из мертвых вновь... («плод, который производит себя вновь и вновь»; она символизирует власть жизни над смертью.»⁵ Так она становится Богиней Бессмертия и надежды, как Синн, предшествовавший ей, и египетский Осирис.

В своих постоянно меняющихся формах она играет все возможные женские роли. Она и дочь, и сестра лунного бога, который одновременно является ее сыном. Она Женщина, как сказали бы китайцы — олицетворение инь, фемининного принципа, Эроса. Для женщин она — сам принцип их естества, для мужчин — посредник между ними и таинственными силами жизни, скрытыми в глубинах бессознательного.

Возможно сила и значимость этой великой лунной Богини, Царицы Небес, упавшей в воды Ефрата и доставленной на берег рыбами или водными богами не может быть выражена лучше, чем в гимне, созданном в ее честь. Гимн найден на одной из «Семи скрижалей Творения», датирован седьмым столетием до нашей эры, хотя возможно сам гимн и много старше. Он был переведен множеством раз. Я привожу версию перевода Кинга:

Я молюсь тебе, о Царица Богов!
О Иштар, тебе, Царица Людей, в чьих руках все судьбы!
Тебе, о Владычица Ниневии, первая среди небожителей;
Ты всемогуща, в твоих руках вся власть, да святится имя
твое!
Ты свет небес и земли,
Доблестная дочь Бога Луны,
Повелительница оружия и битв!
Основа основ, увенчанная короной владычества!

⁵ A. Jerimias, «Ages of the World», Hastings' Encyclopaedia of Religion and Ethics, I, 185.

О Госпожа, чудесная в своих проявлениях, возвышающаяся надо всеми богами!

Ты причина скорби, ты несешь вражду всем, кто в мире;

Ты даруешь силу дружбы!

Ты сильна!

О Госпожа Победы, да не отвергни мои мольбы!

О Гутира, подарок битвы, одетая в ужас,

Ты владеешь скипетром, управляешь и землей, и небом!

Во всех храмах поклоняются тебе!

Где не слышно твое имя?

Где не подчиняются тебе?

При мысли об имени Твоем сотрясаются небеса и земля.

Боги дрожат и спотыкаются духи земли.

Человечество ищет спасения в имени Твоем всемогущем,

Ты велика, ты непревзойденна.

Все человечество, все люди на земле склоняются перед силой Твоей,

Ты судишь всех справедливо и праведно.

Ты прощаешь жестоких, а непокорных подчиняешь себе.

Долго ли будешь ждать,

Госпожа Небес и Земли,

Та, что пасёт тех, кто живет в человеческой обители?

Как долго будешь ждать,

О Госпожа, идущая босой,

Чьи колени крепки?

Как долго будешь ждать,

О, Госпожа всех битв и войн?

О, Ты, Сияющая средь всех небесных духов,

Та, что подчиняет всех злобных богов,

Ты управляешь всеми царями,

Ты освобождаешь всех рабов от оков.

О доблестная Иштар, ты величественна,

Свет всего!

О владычица мужчин, о владычица женщин, та, кого
невозможно познать,

Когда глядишь ты с состраданием, мертвый оживает,
больной исцеляется,

Беда отступает, когда страдающий смотрит в твое лицо!

Я твой жалкий слуга, в слезах молю тебя.

Посмотри на меня, моя Госпожа, и прими мои мольбы,

Сжался надо мной и услышь мои молитвы!

Скажи мне «Довольно!», и дух мой успокоится!

Сколько еще плакать мне, полному беспокойства и тревоги?

Сколько еще страдать моему сердцу, полному печали и тоски?

Тебя молю я, освободи меня!

Освободи меня от греха, нечестивости и моих преступлений!

Прости меня, прими мое раскаяние!

Помоги мне освободиться, позволь мне быть любимым и
ласкаемым тобою!

Веди меня к свету, чтобы среди людей нашел я свой путь!

Скажи слово свое, чтобы сжалились злые боги надо мной
и простили меня,

И богиня моя, самая ценная среди всего, вновь поверну-
лась к мне.

Ты — правительница всего!

Позволь моему факелу возгореться!

Силу свою рассеянную собрать.

Пусть молитва и раскаяние мое дойдет до тебя,

Да простишь ты меня.

Чтобы все, кто ходит по улицам, возвеличивали имя твое,

И чтобы я мог славить богиню свою перед всеми людьми!

Иштар величественна! Иштар Царица! Моя Госпожа
велика! Моя Госпожа — Царица!

Ирини, доблестная дочь лунного бога не соперница тебе.

О Великая Иштар, дающая свет четырем сторонам мира!⁶

Иштар — «*Diva Astarte, Hominum deorumque via, vita, salus: rusus eadam quae est perniciēs, mors, interitus*» — Божественная Астарта, сила, жизнь, здоровье людей и богов, обратной стороной которой является зло, смерть и разрушение.

⁶ L. W. King, *Seven Tablets of Creation* (London, 1902), I, 223.

ИСИДА И ОСИРИС

В Египте, как и Вавилоне, поклонению солнцу предшествовало поклонение луне. Осирис, бог луны, и Исида, богиня луны, сестра и жена Осириса и мать юного месяца, Гора, появилась в религиозных писаниях, относившихся к Пятой Династии (3000 до н. э.), а информации о поклонении Ра, богу солнца, не существовало до Двенадцатой Династии, (предположительно около 1800 до н. э.) И даже тогда поклонение Ра не вытеснило почитание луны. Вместо этого постепенно Осириса стали считать солнечным богом, поэтому в поздних писаниях, хотя к нему и применялись многие эпитеты солнечного бога, он все же сохранил качества и характеристики лунного божества. Он — Луна, но когда после своего воскрешения стал бессмертным, его провозгласили Солнцем.

Эти изменения происходили постепенно, в течение двух с половиной тысяч лет, и даже после этого религия Исиды и Осириса не умерла, позже она возродилась в эллинистический период как один из культов, пришедший с Востока и сильно повлиявший сперва на Грецию и затем на Рим.

Трудно сжато изложить значение поклонения Исиде и Осирису, потому что представление людей о них менялось в течение многих столетий, пока процветала эта религия. В ранних записях мы находим, что Осирис был природным духом Нила или Луны и управлял разливами реки. Это был бог влажности, плодородия и сельского хозяйства. Во время убывающей луны Сет, его брат и враг, желтовато-красный, горящий дьявол, съедает его. Говорилось, что Сет обручился с черной эфиопской царицей, чтобы справиться с Осирисом, вероятно ввиду засухи и жары, что периодически приходила с Судана и уничтожала посевы в районе Нила. Сет был царем Загробного мира, в значении

Тартара, а не Аида, если пользоваться греческими терминами. Аид был местом, где тени мертвых ожидали вознесения, что соответствовало католической идее чистилища. Осирис являлся царем Загробного мира в этом смысле. Тартар же — это ад проклятых, и в этом мире Сет являлся его Властелином.

В ранних формах мифа Осирис был Луной, а Исида — природой, Урикриту, Зеленой в халдейских сюжетах. Но позже она стала лунной — сестрой, матерью и женой лунного бога. Именно этот цикл нас больше всего интересует. Ведь постепенно этот примитивный природный миф стал приобретать глубокое религиозное значение. Человек начал видеть в истории Осириса, умершего и ушедшего в загробный мир, а затем возродившегося к жизни силой Исиды, притчу о внутренней жизни человека, которая, как они смутно чувствовали, должна быть больше, чем простая жизнь тела на земле. Но египтяне были очень конкретно-мыслящими людьми, поэтому они восприняли бессмертие, достигнутое Осирисом, в абсолютно материалистичном ключе. По этой причине они сохраняли тела тех, кого «создал Осирис», посвященных, как описано в Книге Мертвых; ведь они верили, что пока сохраняется физическое тело, у души, или Ка, тоже есть тело, в котором она может жить в Земле Блаженных, с Осирисом, кого в текстах Пятой Династии называют «Глава тех, кто на Западе», то есть в другом мире.

Однако древние египетские тексты — источник информации не только о религии Исиды и Осириса. Во втором столетии нашей эры Плутарх, сам посвященный, написал Клеа, тоже посвященному, трактат о значении мистерий. И хотя тайны мистерий и детали посвящения Плутарх не раскрыл, он адресовал его тем, кто уже знал, о чем он пишет, так что применяя знание универсальных символов, которое дает нам аналитическая психология, мы сможем читать между строк и обрести более глубокое понимание этой темы.

Изучение религии, центрированной вокруг Исиды и Осириса, очень важно для цели этой книги. Помимо мифов о древних богах есть записи, относящиеся к природным феноменам, с которыми ассоциируются эти боги, а также в Книге Мертвых есть инструкция для посвященных в религию Осириса раннего династического периода, есть и философский трактат второго столетия, показывающий скрытое духовное значение мистерий, выживших в раннее время христианской эпохи.

Эти длинные фрагменты текста отображают картину перехода от поклонения природе, через признание внутреннего значения мифов,

к высшей форме духовной религии ранних христианских веков. Они формируют очень интересный мост от древних проекций внутренней реальности к психологическому пониманию символов, которое мы обрели в наши дни.

Символы древних религий должны быть приняты как представляющие драму внутренней жизни человека. Если к ним не относиться с определенной симпатией и не уважать их, они не откроют свои секреты. Взять их и редуктивно объяснить — это как взять духовные достижения Плутарха и понизить их до примитивного поклонения Луне или Нилу. Правда, что Великий Бог, Осирис, был как Луной, так и Нилом, и что Исида являлась как землей, которую он делал плодотворной при помощи своих разливов, так и Богиней Луной. Но это также и аналогии, события внешнего мира, отражающие движения духа, Логоса, которого символизирует Осирис, и вечно возрождающейся, всё-принимающей Матери Природы, чьи пути скрыты в истории Матери Исиды. Как говорил Плутарх:

LXVI. И, напротив, нет ничего страшного, если, во-первых, египтяне свято блюдут общих (для всех людей) богов и не делают их своей собственностью, не распространяют их имена только на Нил и на землю, которую Нил орошает, не называют единственным божественным творением болото или лотос и не отнимают великих богов у остальных народов, у которых нет ни Нила, ни Бута, ни Мемфиса.

Исиду же и связанных с ней богов знают и признают все люди, и если некоторых они научились называть египетскими именами недавно, то власть каждого знают и чтят с самого начала.

Во-вторых, что более важно, они очень заботятся и боятся, как бы незаметно не уничтожить и не распылить божественное начало в ветре, реке, семени, жатве, состоянии земли и смене времен года, как делают те, кто отождествляет Диониса с вином, а Гефеста — с огнем. Также Клеанф где-то говорит, что Персефона — это дуновение, которое поднимается от хлебов и гибнет. А некий поэт написал о жнецах:

Когда сильные рассекают тело Деметры.

Эти люди несколько не отличаются от тех, кто считает парус, якорь и канат — кормчим, нить и челнок — ткачом, а чашу, медвяную смесь или ячменный напиток — врачом.

Так они порождают ужасное и безбожное учение, перенося имена богов на бесчувственную и бездушную природу и вещи, которые неизбежно разрушаются людьми, имеющими в них нужду и пользующимися ими. Но невозможно представить себе, чтобы подобные явления были богами.

Ибо божество не лишено мысли и души и не подчинено людям. Мы же признали богами тех, кто дарует и доставляет нам в пользование все вечное и долговечное, и мы не различаем разных богов у разных народов, ни варварских и эллинских, ни южных и северных. Но как солнце, луна, небо, земля и море являются общими для всех и только называются у разных людей по-разному, так для единого, все созидającego Разума, и для единого, всем распоряжающегося Промысла, и для благотворных, во всем распространенных сил у разных народов в соответствии с их обычаями существуют разные почести и названия.

И небезопасно пользуются священными символами, одни — смутными, другие — более ясными, направляя умозрение к божественному.

Ибо некоторые, сбиваясь с пути, соскальзывают в суеверие, а другие, избегая суеверия как трясины, опять-таки неожиданно скатываются, как в пропасть, в безбожие.¹

Оригинальная история, рассказанная Плутархом, звучит так. Нут (греческий эквивалент — Реа), Мать Богов, которая является внешним потоком хаоса, секретно соединилась с Себом (греческий Кронос), Временем, и забеременела от него. Когда Ра (греческий Гелиос), Солнце, ее супруг, узнал об этом, он проклял её, сказав, что она не родит ни в какой месяц и ни в какой год. Это означало, что она могла родить только в тот день, которого нет в календаре. Богиня пошла к Тоту (греческий Гермес), тому кто держит весы правосудия.² Тот был влюблен в нее, поэтому он согласился помочь ей. Он пришел к Селене, луне, и играя с ней в шашки, отыграл у нее одну

¹ G. R. S. Mead, «Thrice-Greatest Hermes» (London, 1906), I, 346—48.

² Тот — это предшественник Осириса, который позже получил некоторые из его атрибутов и стал Мерой, Причиной, Логосом.

семнадцатую часть от каждого цикла, сложил их вместе и получил пять дней. В то время египетский год содержал только триста шестьдесят дней. Тот добавил эти пять дней, которые египтяне называют «вставленными» или «неучтёнными», и в солнечном году стало триста шестьдесят пять дней. Их добавили в июле, время, когда восходит Собачья Звезда, Сотис, или Сириус. Считалось, что она является служителем и охранником Исиды. Нут родила своих пятерых детей в эти июльские дни, которые были названы Днями Рождения Богов, и отмечались египтянами как религиозные праздники.

В первый день родился Осирис, и в момент его рождения некий голос изрек: владыка всего сущего является на свет. Он был Луной. На второй день родился Старший Гор, а на третий — Сет, или Тифон, но не вовремя и не должным образом: он выскочил из бока матери, пробив его ударом. Он неугомонен, неуправляем, неприручаем, вечный враг Осириса. На четвертый день родилась Исида, а на пятый ее сестра Нефтида, чье имя означает Конец и Победа. Она считалась связанной с самым краем плодородной местности, куда достигали воды Нила лишь на некоторое время. Поэтому Нефтида, будучи замужем за Сетом, правителем жаркой пустыни, лишь изредка встречалась с Осирисом. В другой версии говорится, что Нут родила Исиду темнокожей и назвала ее Владычицей Любви. Нам уже встречался темный или черный аспект Богини Любви. Из пяти дней первый, третий и пятый считались неблагоприятными. Но четвертый — день рождения Исиды, был удачным днем.

В мифе говорится о том, что Осирис и Исида сошлись, будучи во чреве матери, и что от этого союза родился Старший Гор. Осирис — лунный человек, муж Исиды. Его убил Сет, которому вскоре отомстил Гор, воцарившийся вместо него. История говорит, что когда Осирис стал царём, он отвратил египтян от их животное-подобного существования, обучил их сельскому хозяйству, виноделию, законам и уважению богов. Затем он совершил путешествие по всей стране, обучая людей и очаровывая их своей убедительностью и разумностью, песнями и искусством. Как мы увидим далее, он и был Божественной Причиной, Логосом, и Музой, и обладал силой музыки и искусства. Человек-Муза, воплощенный дух искусства, влияющий на людей через их чувства, это сын Лунной Матери. Один из этих лунных сыновей действительно зовется Музеос, что значит Муза, и сама Исида иногда зовется Первой из Муз.

Пока Осириса не было, управляла Исида — его жена, и все шло хорошо, но как только он вернулся, Сет, символизировавший жар пустыни и необузданную похоть, придумал как схватить Осириса и избавиться от него. Он сделал саркофаг точно по размерам Осириса. Затем он пригласил всех богов на пир, где были укрыты еще 72 участника заговора. Во время пира он показал саркофаг, которым все восхитились. И пообещал подарить его тому, кто уляжется в него по размеру. После того как все попробовали по очереди, и ни одному гостю он не пришелся впору, Осирис вступил в гроб и лег. Заговорщики подбежали, захлопнули крышку и, заколотив ее снаружи гвоздями, залили горячим свинцом, затащили гроб в реку и пустили в море у Таниса, через устье, которое поэтому и теперь еще египтяне зовут ненавистным и мерзким.

Говорят, что это случилось в семнадцатый день месяца Афира, или Хатор, в Ноябре, в двадцать восьмой год царствования Осириса или же возможно, что ему было двадцать восемь лет. Он жил или царствовал, проходя цикл из двадцати восьми дней, потому что он — луна, чьи циклы длятся именно столько времени.

Когда Исис услышала о происшедшем, она отрезала одну из своих прядей и, облачившись в траурное покрывало, стала блуждать повсюду, стелая и разыскивая саркофаг. Первые новости принесли ей дети, которые видели, как он уплывал, затем ее собака Анубис, что являлась сыном Нефтиды и Осириса, привела ее к месту, где саркофаг был выброшен на берег у берегов Библа. Прибой вынес его в заросли вереска, и вереск стал настолько быстро расти, что обхватил саркофаг и полностью укрыл его в своем стволе. Царь увидел это огромное дерево и срубил его, поставив как подпорку для крыши в своем дворце. Он обрубил ветви и использовал только ствол, не догадываясь, что в нем сокрыт саркофаг.

Когда Исида оказалась на месте, где выросло дерево, дух рассказал ей о случившемся. Она уселась там, и в это время служанки царицы пришли купаться. Исида подружилась с ними, заплетая им волосы и навевая от себя на их тело свой удивительный аромат. Когда они вернулись домой, царица спросила об этом дивном запахе и пригласила Исиду, сделав ее кормилицей царского сына. Исида выкармливала дитя, вкладывая ему в рот вместо груди палец, а ночью «выжигала огнем смертную оболочку его тела», чтобы дать ему бессмертие, сама же, превратившись в ласточку, с жалобным криком летала вокруг ствола,

заклучавшего в себе саркофаг Осириса. Но однажды царица увидела, что происходит и испугалась, что ребенок сгорит до смерти. Она вытащила его из огня, тем самым лишив бессмертия. Тогда Исида открыла, кто она есть на самом деле и выпросила ствол с телом Осириса.

Исис расщепила вереск, достала саркофаг, погрузила на судно и уплыла. С собой она взяла и младшего сына царя. Отплыв, она открыла гроб, и, полная любви, припала к телу мертвого Осириса. А когда она заметила ребенка, тихо подошедшего сзади и наблюдавшего это, то оглянулась и бросила на него ужасный и гневный взгляд; мальчик не вынес потрясения и умер. Другие рассказывают, что ребенок, упав в реку. Звали его Манерос, что Плутарх переводит как Понимание Любви, или Диктис, Рыбак, имя, которое мы встречали ранее. Исида затем спрятала гроб, а сама пошла к Гору, своему сыну, надеясь, что он поможет ей вернуть к жизни Осириса. Пока её не было, Сет, охотящийся с собаками при луне, нашел гроб. (Это естественно, что гроб и луна были вместе, ведь Осирис сам по себе — луна). Он открыл гроб и растерзал тело Осириса на четырнадцать кусочков, разбросав их везде. Здесь опять идет речь о фрагментации, четырнадцать частей означают четырнадцать дней убывающей луны.

Исида услышала о том, что произошло, и отправилась на поиски частей тела. В своей маленькой лодке она стала переплывать болота, и где находила части тела, в том месте ставила святилище. Ей удалось собрать тринадцать частей, которые она скрепила вместе при помощи магии. Но недоставало фаллоса. Она создала изображение этой части тела и «в честь него и сейчас египтяне устраивают празднества», говорит Плутарх. Эти фестивали называются Памилия, или Фаллефория, что значит Несение Фаллоса. От этого изображения Исида забеременела и родила сына, младшего Гора.

Тогда Осирис пришел из царства мертвых и появился перед старшим Гором. Он тренировал его и занимался с ним, чтобы тот смог отомстить Сету. Сражение было долгим и трудным, но наконец Гор победил, и Исида получила связанного Сета. Однако она, будучи Матерью Природой, не смогла убить его, а развязала и отпустила. Гор разозлился на это и поднял на нее руку, сорвав с ее головы царский венец, или, возможно, обезглавил ее. Когда об этом услышал Тот, он увенчал ее шлемом с рогами коровы, или, возможно дал ей коровью голову вместо ее собственной. Так Исида, луна, была убита, или изувечена, потеряв свою корону, и возвращена к жизни как Рогатый Полумесяц, Хатор.

Такова основная канва мифа. Религиозные церемонии Египта все относились к этим событиям. Смерть Осириса разыгрывалась каждый год, и блуждания Матери Исиды, и ее стенания играли важную роль, как плач Иштар по Таммузу в Аравии и Афродиты по Адонису в Греции. Финальная мистерия его воскрешения и публичное несение его символа, Фаллоса, во время процессий завершали ритуал. Это была религия, где эмоциональное соучастие в горевании и радости Исиды играло видную роль. Позже это действительно стало отдельной религией, в которой искупление достигается через эмоциональный экстаз, при помощи которой верующий чувствует свое единство с Богом.

Дополнительно к ежегодным празднествам Осириса чествовали дважды в месяц — как новый месяц и как полную луну, в первый и пятнадцатый день месяца. Эти лунные празднования — ранние предшественники наших уикендов. Сперва они проходили дважды в месяц, но позже стали праздноваться в конце каждой лунной четверти.

Другой важный элемент, вошедший в религию Осириса, в Египте был уникален. Считалось, что царь является инкарнацией Осириса, лунного человека, и ритуал Страстей Осириса относится лично к нему. Стали верить, что так он обретал личное бессмертие. Спустя время некоторые привилегированные особы также стали допускаться до участия в этой идентификации с Осирисом, так и появились мистерии посвящения. Они относились лишь к избранным. Но в поздние времена все больше людей проходили инициацию и также становились Осирисом.

Возвращение к жизни Осириса, часто называемое его возрождением, разыгрывалось в храмовом служении, когда на коже жертвенного животного проносили изображение бога. Вполне вероятно, что считалось, будто это изображение сперва было спрятано под кожей животного и во время возрождения оказывалось снаружи, так же как саркофаг, содержащий тело Осириса, прошел через устье Нила в море сквозь отверстие «известное под отвратительным именем». Поэтому он переродился, духовный или бессмертный человек родился из собственной животной природы, которую символизировало жертвенное животное.

Инициация также содержала разыгрывание всей истории Осириса и его страстей, а также скорби и радости Исиды. «Я совершил Великий Исход» — так написал Игернеферт о своем посвящении на стеле Двенадцатой Династии, датированной 1875 до н. э. «Я шел по следам бога. Я отомстил за Осириса в день Великой Битвы, я поборол его

врагов». Затем шла речь о возвращении Осириса в свой дворец и утверждение, что тот, кто посвящен — возрождается как Осирис.

Инициация дает не только дар бессмертия, но также проводит путешественника в Другой Мир. В Книге Мертвых даются указания посвященным, рассказывается, как они должны действовать, когда они прибудут в Страну Мертвых. Там также есть очень специфичная информация о ритуалах погребения, являющихся необходимыми, чтобы обеспечить вечную жизнь мертвым. По-видимому эти обряды опираются на действия Исиды, на то, как она поступила с телом Осириса, возвращая его к жизни.

Говорится, например, что богиня Исида пришла к Осирису и сказала слова силы и отдала ему его члены, сердце и прочее, говоря «Я собрала твою плоть, принесла тебе сердце и тело», и так далее, перечисляя все части тела. Потом эти части соединил Гор и четверо его сыновей. «Гор любил тебя. Он наполнил тебя своим взглядом. Он открыл твои глаза, так что теперь ты можешь видеть все.»³ Кроме того, Исида при помощи магии отвела всех врагов Осириса.

Процесс воскрешения умерших подробно описан в Книге Мертвых. В тексте Тета, рассказывающим о его посвящении, к нему обращаются «Эй, эй, вставай, Тета! У тебя появилась голова, кости, собрана вместе вся твоя плоть...». После церемонии сбора частей тела, шла церемония Открытия Устья, что делалось с помощью Железной Руки Сета. Затем проводился обряд Накрытия Стола (или Алтаря) едой, то есть победа над голодом при помощи Глаза Гора. «Те, кто съедали глаз Гора, давали ему пшеницу, ячмень и пчел». Затем умершие соединились с Богиней Нут, то есть Матерью Богиней. «Он вдохнул воздух Исиды», теперь он способен соединиться с небесной матерью. Умерший обретал душу Осириса и его жизненную силу, проходя через грудь Гора, и через него он становился единым с Осирисом, первым воскресшим человеком. Умерший настолько сильно идентифицировался с Великим Богом Небес, что плевал в лицо Гора и исцелял его глаз, то же делал с гениталиями Сета, поврежденными в битве с Гором, исцеляя их тоже. В тексте говорится: «Ты даешь рождение Гору, ты зачинаешь Сета. Ты даешь рождение Гору в его имени Он, которое

³ Эти и следующие отрывки цитируются по E. A. Wallis Budge, «Osiris and the Egyptian Resurrection» (New York, 1911), I, 69-127. 177

правит землей и божественными небесами. Ты даешь рождение Гору для Осириса, ты даешь ему жизнь и силу...»

Затем благословенный возносится как птица-душа. «Он поднимается как лилия в руке Ра» и попадает на остров Саса, Остров Огня. Так через лунную силу Осириса он преодолевает воды Смерти и идет к Солнцу, месту Огня. Поздняя египетская мысль предполагала, что Осирис, который в своей земной жизни был Лунным человеком, после воскрешения стал Солнцем. И так же человеческие существа, ставшие Осирисами, пройдя инициацию, становились сыновьями Солнца. Эта идея потрясающим образом соответствует индуистскому учению о том, что души мертвых через воды несет луна к солнцу.

Когда умерший достигает Острова Огня, он «оказывается прямо в неправильном месте.» Следует напомнить, что лунный бог, которого он теперь представляет — это бог права, закона, справедливости. Он становится «хозяином великого знания», «мудрым». Затем он встречает враждебных ему богов. Они не желают его вторжения на их территорию. Но, будучи вооруженным силой и ножом, он побеждает «жителей тьмы», и больше некому противостоять ему. Затем призываются Боги посмотреть на него: «Смотрите, как он принимает форму великого бога. Он не дрожит, он вооружен. Смотрите все. Он говорит слова человека...» С силой кричит он: «Я очищен, я чист как Секхет-Аар⁴, чист как Ра». Он требует, чтобы паромщик перевез его на другой берег. Умерший достигает рая, и боги уstraшены, когда видят его прибытие. Они понимают, что он могущественнее, чем они. Он охотится за ними по всем небесам, накидывает лассо, убивает и «съедает их, получая таким образом их силу и жизненность».

Об умершем говорят «Он — вознесенная душа». Он Господь Прозорливости, его мать не знает имени его». Конечно, это относится к его мистериальному имени, имени силы. Текст продолжается: «Его двойники позади него. Его спутница-змея — в его груди, душа, что видит, урей огня.» Его дубли — это его Ка, его души, и урей — это священная змея, символ богов.

В другом тексте говорилось: «Он (мертвый царь) ест их (божьи) слова силы, он глотает их дух. Величайшие из них являются его

⁴ Секхет-Аар являлся одним из храмов Осириса, в которых он был известен как Бог Луны.

утренней едой, средние — вечерней едой, а маленькие — ночной пищей. Старые, мужчины и женщины — это его котлы.» «Он поедает мудрость каждого бога, он живет вечно, в этой извечной форме. Он делает лишь то, что желает, а то, что ненавидит — не делает». Среди его способностей упомянуты: «Он ест своим ртом... Он соединяется с женщинами. Он сеет семена, уводящие жен от их мужей туда, где они могут удовлетворить его, если к тому склонно его сердце.»

В древних египетских ритуалах, совершаемых для вознесения, глаз Гора играл очень важную роль, как мы могли убедиться благодаря приведенным выше цитатам. Он возвращал к жизни тела мертвых после того, как были собраны части тела. Глаз представлял собой свет луны, дающей жизнь силой бога. Говорилось, что Сет проглотил другой глаз, когда Гор сражался с ним, чтобы отомстить за жизнь своего отца, Осириса. Вудже упоминает: «Глаз содержал жизнь Гора, и пока его не было — Гор был мертв. Гор был богом и мог возродиться к жизни. Но Осирис был человеком и нуждался в помощи Гора.» Такое объяснение показывает нам другую форму превращения лунного человека в лунного бога, отца — человека и сына — бога.

Эти тексты отображают картину магических обрядов Шестой Династии для обретения мертвыми бессмертия. Позднее стало обычным совершение подобных религиозных обрядов при жизни, с целью обретения бессмертия уже в этой жизни, чтобы верующие стали дважды-рожденными, живыми душами. Почти универсальна религиозная идея о том, что при физическом рождении появляется только физический человек, и что живой дух привносится в него при втором рождении. Мы все знакомы с этим учением из христианского обряда крещения. Примитивные инициации служили той же цели. Этот обряд получения перерождения стал центральной целью множества мистерий. Заметки о такой мистерии Исида встречаются в «Исиде и Осирисе» Плутарха, а также в «Золотом Осле» Апулея.

Интересно отметить, что в эллинистический период посвящение называлось Мистерии Исида. К этому времени Лунная Богиня как Дарующая Бессмертие полностью сменила Лунного Бога. И хотя объектом обряда был посвящаемый, который мог стать Осирисом, он поднимался из мертвых благодаря магической силе богини и обряды назывались по ее имени, и совершались в Исуим, ее святилище. В это время Осирису поклонялись лишь в его духовной форме, представленной быком Аписом,

После периода подготовки, включавшего в себя голодание, воздержание и уединенные медитации, кандидата в посвященные крестили в первый день церемоний. Десять дней спустя он сам принимал участие в мистерияльной драме. Сперва он представлял Сета, или Тифона, если использовать его более знакомое греческое имя. Он являлся в форме красного осла, животной формы Тифона, и подвергался унижениям и оскорблениям, проходя через ритуал смоделированной смерти. Как говорил Апулей: «Я достиг границ смерти». Плутарх говорит нам, что «повсеместно во время праздников они унижали его (поверженную власть Тифона) и относились к нему весьма злобно; краснокожие грязные люди водили осла над пропастью.»⁵ Тифон был богом похоти и вождения, так что во время этого испытания иницилируемый, который голодал и находился под строгой необходимостью воздержания, подвергался искушениям во всех возможных формах. Он должен был пережить свои собственные инстинкты полностью, пока Исида не спасала его. У Апулея мы находим глубокую религиозную интенсивность и желание, с которым ему хочется освободиться от этой формы грубого зверя, поедая Розы Исиды. Затем в тайном святилище посвящаемый становился одним целым с мертвым Осирисом. Луциус Апулей пишет о своей собственной инициации: «Слушай и верь мне. Ты должен понять, что я почти оказался в аду, около врат Прозерпины (загробный мир, или мир метвых), и после того, как я распался на элементы, я вернулся в положенное место; около полуночи я увидел, как ярко светит солнце; я видел богов небесных и богов подземных, пред ними я должен был представиться и поклониться им.»⁶ Он переживал ритуальную смерть и возрождался к жизни благодаря силе Исиды. На следующее утро посвященного, теперь являющегося одним целым с Осирисом, публично признавали Ставшим Осирисом. Его вели в храм. Там он вставал на постамент, лицом к статуе Богини Исиды. Он надевал одеяние Осириса, нёс зажженный факел, а на голове у него была гирлянда цветов — «белые пальмовые листья проросли как лучи во все стороны.» Говорил он: «Таким образом был я украшен подобно солнцу, и когда занавеси откидывались, все люди окружали меня и поклонялись мне.» Так стоял он на постаменте и почитался за бога.

⁵ Mead, op. cit., I, 361. » Ibid., I, 333.

⁶ Апулей, «Золотой Осел».

Одеяние Осириса описывалось как «подобное свету» или «подобное лучам» и одевалось лишь раз, во время посвящения. С другой стороны, одеяние Исиды было многоцветным и одевалась во время множества религиозных церемоний. Плутарх об этом говорил: «Поэтому когда они получали одеяние Осириса, они хранили его и держали подальше от глаз людских; а одеяние Исиды носили повсеместно».⁷

Разноцветное покрывало Исиды — это то же самое, что многоцветная Завеса Майи, с которой мы встречаемся в индуизме. Она представляет из себя многообразие природной жизни, в которой содержится дух. Идея в том, что Творческий Дух покрыт разнообразными материальными формами, и что вся известная нам вселенная именно такая, что это материальное проявление Духа Творца. Плутарх описывает эту идею так: «Исида — это фемининный принцип природы, способной развиваться; вследствие этого Платон звал её «Кормилица» и «Все-принимающая», и говорил, что «у нее десять тысяч имен», так как она трансформируется под воздействием Причины (Логос) и принимает любые формы и идеи.»

Таким образом покрывало, или вуаль Исиды, — это вечно меняющаяся форма природы, чья красота и трагедия скрывает дух от наших глаз. Это вечное взаимодействие проявленного мира, включающее в себя внешние объекты, деревья и холмы, море, другие человеческие существа, нас самих, наши тела, наши собственные эмоциональные реакции, и вся драма мира кажется нам настолько реальной, что мы даже не ставим это под вопрос. И все же в моменты просветления, возможно индуцированные болью и страданием или великой радостью, мы можем внезапно осознать, что казавшееся нам очевидным — это не истина, не реальность. Реальное, вечное — это особый вид реальности, которому «придана форма» (если использовать гностическую терминологию) для взаимодействия с силами этого мира. Плутарх говорит нам, что на сиденье Афины (или Исиды) в Саисе была такая гравировка: «Я все, что было, есть и будет, и ни один смертный не заглянет под мою вуаль».⁸ Mead считает, что смысл этой фразы следующий: «никто в пределах дуальности не может выразить или обнаружить аспект

⁷ Mead, op. cit., I, 317.

⁸ Ibid., I, 273.

фемининности, скрывающий сам себя.» Термин дуальность относится к условиям жизни здесь, на земле. Человеческие существа, поскольку они имеют как животную, так и духовную природу, принадлежат не одному, но сразу двум мирам.

В гимне, адресованном Исис-Нет, выражена та же самая идея Завесы Природы, которая скрывает божественную истину от человеческих глаз. Нет — это форма Исиды, почиталась как Мать Всего, будучи одновременно мужской и женской природы. Текст, в котором содержится этот гимн, датирован 550 годом до нашей эры, но возможно он и намного старше.

Радуйся, Великая Мать, чьего рождения никто не видел!
Радуйся, Великая Богиня двойне скрытого подземного мира!
Радуйся, Божественная и Великая, сокрытая!
Подними свою вуаль!
Радуйся, Скрытая,
Иди и возьми душу Осириса, защити ее своими руками.⁹

Покрывало Исиды имеет и другое значение. Считается, что живые существа находятся под покрывалом Исиды, то есть во время рождения дух, божественная искра, находящаяся в каждом, оказывается запертой в теле. Так что мы все скованы или пойманы в природную сеть. Эта сеть природы — то же самое, что паутина судьбы или обстоятельств. Мы неизбежно попадаем в сети судьбы, но часто воспринимаем это как неудачу. Мы так жаждем быть свободными в своих проявлениях. Но если мы примем идею о том, что живые существа пойманы в сети Исиды, то мы должны относиться к нашей запутанности в жизни иначе. Ведь именно с помощью этого процесса захватывается божественный дух. Если бы он не был схвачен таким образом, то скитался бы на свободе и никогда бы ни имел возможности трансформации. Дух человека непременно должен быть пойман в сети Исиды, или он не сможет быть перевезен в её ладье к следующему этапу получения опыта.

Исида, луна, — это также Мать-Природа, одновременно и добрая, и злая. Она толерантна ко всем, как в мифе она не может

⁹ E. A. Wallis Budge, *The Gods of the Egyptians* (London, 1904), I, 459.

позволить Гору уничтожить Тифона, ведь природа содержит в себе и рост, и распад. Все, что создано, должно быть уничтожено, если нужно, чтобы жизнь продолжалась. Плутарх так комментирует то, что после битвы Исида отпустила Тифона: «Ведь Повелительница и Богиня Земли не может позволить природе, противоположной влажности (влага — это Осирис, а его противоположность — Тифон), быть уничтоженной полностью, но она замедляет и ослабляет его, желая, чтобы жизнь продолжалась, ибо космос не может быть совершенным, когда в нем исчезает принцип огня.»

Ослабление и замедление — это про то, как Гор ранил гениальности Тифона. Исис как будто провозглашает, что не может быть вечной гармонии, если перевешивает добро. Наоборот, она желает, чтобы силы роста и уничтожения всегда находились в конфликте. Процесс жизни содержит не только бесконечный прогресс, но и конфликт между ростом и распадом. Ведь то, что мы зовем «процесс жизни» — не означает лишь благополучие той формы, в которой, в которой жизнь временно проявлена. Этот «процесс жизни» принадлежит не материальному миру, но духовной области, лежащей под материальным проявлением. В этих древних религиозных мифах поэтому мы обнаруживаем проблему вечного существования зла. Исис не может позволить, чтобы Тифон был полностью уничтожен.

Сперва Исис, как Иштар, Зеленая у халдеев, — это Мать Природа, а Осирис — Луна. Постепенно, однако, Осирис становится солнцем, и Исида становится Луной. Она — растущий Месяц, увенчанный коровьими рогами, Рогатая Богиня, Корова, и идентифицируется в Богиней-Коровой Хатор, которая ей предшествовала. Осирис также был рогатым божеством, известным как бог-бык, Апис. Апис — это дух Осириса, «который начинается, когда плодородный свет луны оплодотворяет корову.» Возможно, это был наиболее священный символ египтян. Реальный бык, звавшийся Аписом, был почитаем в Мемфисе как образ души Осириса. Его кормление и забота о нем совершались особым, ритуальным образом. Однако этот бык умирающего и воскресающего бога не относился лишь к Осирису. Дионис также был известен в бычьей форме, по имени Загрей, и этот бык был разорван на кусочки Титанами, так же, как тело Осириса было разорвано Тифоном. Плутарх совершенно определенно указывает, что Дионис и Осирис — одно и то же.

Исида в форме Природы и в форме Луны имела два аспекта, как мы уже убедились. Она была создателем, матерью, кормилицей всего, а также и Разрушительницей. Её имя Исида означает «древняя», также её звали Маат, что значит Знание или Мудрость. Исида — это Маат, *древняя мудрость*. Мудрость того, что есть и всегда было, врожденный, внутренний потенциал следовать природе вещей как в их текущей форме, так и в их неизбежном развитии по отношению друг к другу. Это мудрость инстинкта. Для философов эллинистических времен она являлась Мудростью, Софией. Осирис также был знанием, но его знание — это Причина, Логос, организующая, понимающая способность следовать пути и предвидеть его. Он — Логос, Луна, меряющая небеса, своим движением разделяющая их на участки зодиакальных созвездий, и своими циклическими изменениями делящая внешний поток времени на времена года и месяцы, таким образом обучая человека закону, порядку и правосудию.

Символ Исиды, изображенный на рисунке 4, сэр Уаллис Будж описывает как матку с яичниками, означающую, что сама природа Исиды проявляется в ее репродуктивной силе и в притяжении, которое мужчина испытывает к женщине с самых древних времен. В мифе говорилось, что Исида своей любовью вернула к жизни Осириса. «Благодаря чародейству, Исида извлекла жизненную силу из тела Осириса и зачала ребенка. Она зачала ребенка самостоятельно, и никто не знал, где он находится.» Ее любовь вернула Осирису потенцию, которую отнял Тифон, Искуситель.

В мистических инициациях поздних веков, как мы видели, посвящаемый должен был олицетворять Тифона, Осла, и через это проживать свою собственную похотливость, пока не осознавал её полную неспособность удовлетворить потребности человека. Истинно человеческая часть его, дух, был уничтожаем духом Тифоническим, так же, как Осирис был уничтожен Сетом (Тифоном). Затем, и только после этого, любовь Исиды и его тяга к ней, возрождала его. Благодаря ее силе и благодати он возвращался к жизни, более не как грубый зверь, а как человек, освобожденный от своих собственных животных страстей, живой дух, соединенный с Осирисом, управляемый теперь не похотью, а Причиной, или Логосом, которые символизирует Осирис. Однако это перерождение достигалось только когда Исида поднимала свою вуаль.

Именно власть Исиды, через ее любовь, поднимает к духовной жизни мужчину, погрязшего в похоти и страстях. Но как мы видели

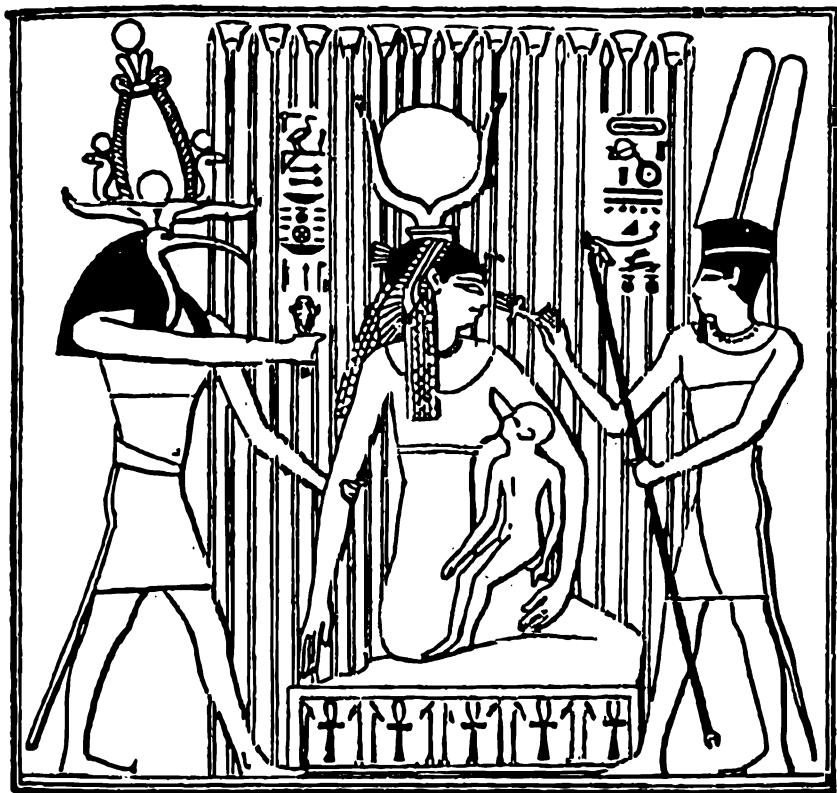

Рис. 31. Исида, Рождение Гора (Из «Osiris and the Egyptian Resurrection», Wallis Budge, vol.i, p.301. London, Philip Lee Warner; New York, G. P. Putnam Sons, 1911.)

ранее, Исида также и разрушительница. Ее статуи часто черны. Обычная форма — Дева и Младенец. Часто мы видим ее кормящей младенца Гора, так как она Кормилица всех, она кормит и взращивает всех, кому дала рождение. Древние статуи Исиды с Младенцем были переняты католическими обществами, и названы изображением Девы Марии и Младенца Иисуса. Очень возможно, что некоторые святилища Черной Девы в Европе были выстроены вокруг таких статуй Черной Исиды. Эта ошибка не является нелепой, поскольку Исида считалась Матерью Богов, и ей, как и всем другим лунным богиням, которых мы ранее рассматривали, поклонялись как деве,

даже несмотря на то, что она одновременно являлась женой лунного бога. Этот аспект ее отношений с богом в Египте более значим, чем в других странах. Возможно, такой большой упор на то, что Исида — жена, связан с тем, что Осирис представлен как лунный бог.

Обычно лунный бог занимал второстепенную позицию, уступая место поклонению богине, как это произошло, например, в Вавилоне, где Синн был замещен Иштар и ее сыном, Таммузом. Но египетский Осирис, изначально считавшийся лунным человеком, восставший из мертвых, благодаря Исиде, стал бессмертным. Он становится луной, мужем Исиды, хотя и является одним целым с Ра, Солнцем, в то время как его сын, Гор, бог Начала, смог возродиться из мертвых при помощи своей собственной силы, это молодой месяц, эквивалентный Таммузу.»

Достижение бессмертия лунным человеком, Осирисом, стало центральным учением египетской религии, а в Вавилоне всегда было лишь вспомогательным моментом. В Египте как Осирис, так и Гор — лунные божества, а Исида стоит между ними. В мистических учениях поздних столетий особенно утверждалось, что Исида являлась как матерью, так и супругой луны, в обоих случаях — Осириса. Но противоречие никогда не было разрешено полностью.

Исида как дева зачала старшего Гора и родила его (рис. 31). Возможно Исида сама зачала своего первенца, хотя в мифе есть указание на то, что она соединилась с Осирисом в матке их матери, Нут. Она также зачала снова после смерти Осириса, при помощи изображения его фаллоса, которое сама сделала, и в этом отношении о ней говорится как о «Благословенной и Неподкупной природе, которая зачинает сама себя.»

Вновь здесь мы видим вопрос девственности богини, являющейся одновременно матерью и женой. Фило Александрийский, живший в с 30 г. до н. э. до 45 г. н. э., рассуждал следующим образом. Он говорил: «Ибо Богу надлежит иметь дело с непорочной, нетронутой и чистой природой, с той, которая поистине Дева, и этим так отличается от нас. Соединение с мужчинами ради рождения детей превращает дев в женщин. Но когда Бог связывается с душой, женщина вновь становится девой.» Согласно этому принципу *исерогами*, союз с бгом, порождающий девственность, превращает женщину в вещь-в-себе. Через такой опыт женщина вступает во владение своей собственной маскулинной душой, которая более не проецируется на внешнего

мужчину, имеющего для нее ценность и авторитет бога. Так она становится завершенной, целостной.

Так что Исида была девой, и во время своих скитаний была одета в черное одеяние, или же сама была черна. Как Черная Дева европейских храмов, так тесно связанная с ней, она была богиней исцеления. Будж сообщает, что «Исида была заинтересована в лечении тел человеческих, и всем, кому нужна была ее помощь, являлась во снах, давая облегчение.» Она также варила зелья, способные воскрешать мертвых. Об Иштар тоже говорилось: «Когда ты с жалостью посмотришь, мертвый оживает, больной исцеляется.» Исида дала свои лекарства Гору, который не только вернулся к жизни, но и стал бессмертным. Это лекарство стали звать «моли» и вероятно это то же самое, что сома или хоама, напиток, получаемый из лунного дерева, появляющийся в персидской и индуистской литературе, и, как говорят, дающий бессмертие.

Черные статуи Исиды имеют еще и другой смысл. Плутарх говорит, что «рогатые статуи Исиды — это образ растущего месяца, а одетые в черные одеяния — затмения, когда она следует за Солнцем (Осирисом), страдая по нему. Поэтому Луну призывают для любовной удачи, и Евдокс говорит, что Исида решает любовные дела.»

Во время зимнего солнцестояния богиню в форме золотой коровы, укрытую черным покрывалом, проносили вокруг храма мертвого Осириса семь раз, и это представляло собой скитания Исиды, скорбящей из-за смерти Осириса, и ищущей рассеянные повсюду части его тела. Панихида Исиды сохранилась до наших дней. Она называлась Манерос, по имени ребенка, сына Королевы Астарты, упавшего из лодки, когда он увидел силу страсти и горя Исиды, оплакивающей мертвого Осириса. Его имя, Манерос, означает «Понимание Любви» (или, возможно «Любовь Понимания»). Плач звучит следующим образом:

Вернись, вернись!
Бог Пану, вернись!
Врагов больше нет,
О, любимый, вернись,
Ты увидишь меня, свою сестру,
Которая любит тебя.
Прийдешь ли ты ко мне?

О красивый и юный, вернись, вернись!
Когда я тебя не вижу,
Сердце мое сжимается,
Глаза ищут тебя.
Я скитаюсь повсюду,
Желая увидеть тебя.
Увидеть тебя, увидеть тебя, мой возлюбленный.
Позволь мне, Сверкающий,
Увидеть тебя как Бога Пану,
Всеславного, увидеть вновь!
Мой любимый, мой благословенный возлюбленный,
Приди к своей сестре, к своей жене,
Господь Уртухет, приди!
Приди к своей супруге!¹⁰

Часть ритуала, обыгрывавшего воскрешение Осириса, состояла в отваживании Тифона — врага, убившего его. Без сомнения, главным образом это было магической процедурой предотвращения засухи в плодородных районах вокруг Нила, ведь воскрешение Осириса являлось в те времена символом ежегодного разлива Нила, от которого зависело плодородие земель. Позднее изгнание Тифона было включено в посвятительные церемонии, описанные в Книге Мертвых. Мы не знаем, играло ли это роль в мистериальных посвящениях эллинистических времен, но Плутарх упоминает, что в изгнании Тифона использовался сistr Исида. Сistr — это музыкальный инструмент, сделанный как погремушка. Внутри была полость, содержащая четыре «вещи», которые гремели, когда махали ею. Считалось, что эти «вещи» — это четыре элемента, из которых состоит вселенная: земля, воздух, огонь и вода. Плутарх пишет: «Сistr также является символом того, что всё сущее по необходимости сотрясается и никогда не прекращает круговращения, напротив, всё заснувшее и потухшее как бы расталкивается и пробуждается. Рассказывают, что с помощью систров отпугивают и отражают Тифона (Сета), и этим дают понять, что в то время как уничтожение связывает и подавляет природу, рождение вновь освобождает её через движение.»

¹⁰ Эмиль Нойманн, «История Музыки» (History of Music)

С психологической точки зрения это кажется очень верным. Ведь Тифон — это вождение, которое может сказать лишь «Я хочу». Когда бы кто-либо ни попадал под этот аспект своей собственной природы, поток жизни перекрывается, и человек оказывается фрустрирован. Все кажется тяжелым, удушающим. На самом деле он сам оказывается в тяжелом, удушающем состоянии, которое не допускает никакого компромисса. Однако он может освободиться от этого состояния не только лишь получив то, что хочет, но и ища истинную правду ситуации. Связанность, закон Эроса, требует, чтобы собственные желания не принимались как абсолюты, но были адаптированы под нужды и желания другого человека и под требования конкретной ситуации. Это означает, что человек не может оставаться фиксированным, а должен быть гибким. В подобных обстоятельствах сотрясение, возможно, отведит тифонические стремления; как говорит Плутарх, природа, ограниченная ранее, освобождается благодаря движению, которое приносит Исида.

В дополнение к личным мистериальным посвящениям, происходили и публичные ритуалы Исиды и Осириса. Главным был фестиваль плодородия. Он проходил в месяц Хатор, Ноябрь, месяц Богини-коровы. В это время «везде можно было увидеть Осириса в форме мужчины, итифаллического (с эрегированным фаллосом), представляющего рождающую и щедрую природу.» Во время кульминации фестиваля несли во главе процессии огромный фаллос, представляющий собой потерянный орган Осириса. Рядом с ним проносили чашу с водой, символизирующую плодородную влагу, саму силу луны, являющуюся как Осирисом, так и Исидой. Чаша и фаллос — это вечные символы воспроизводства, повторяющиеся снова и снова. Мы находим их в примитивных обрядах — тлеющая палка для разжигания огня, которую зовут мужчиной, и чаша с отверстием, зовущаяся женщиной; яма в земле в центре лагеря, в которую римские солдаты бросали копья; чаша Святого Грааля, в которую капает кровь, текущая с меча. Список можно продолжать, и духовное значение подобных символов никогда не будет исчерпано. Мы можем лишь расширять его и дополнять своим собственным пониманием нашего духовного опыта обновления или перерождения, которое они символизируют.

И так год за годом во время мистерий чаша, Исида, Мать, чаша Жизни, и Фаллос — то есть оплодотворяющая сила Осириса, терялись и находились вновь. Когда эти неодушевленные объекты

торжественно проносили в процессии, они молча провозглашали вечные истины, которые могут быть считаны и поняты лишь имеющими глаза, чтобы увидеть. Через истину, показанную таким образом, те, кто мог познать себя, становились частью новой жизни, постоянно обновляющейся, как Древняя и Вечная Луна.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ СЫНА

История богинь-матерей, и особенно Исиды, подводит нас к новой фазе женских эмоциональных проблем, требующей дальнейшего рассмотрения. Священная драма не достигает кульминации в храмовом браке и заканчивается на этом, но продолжается в истории непорочного зачатия и отношениях матери с ребенком.

Ребенок, поэтому, это не только герой, сражавшийся с врагами света и победивший их, символизирующий собственное обновление и возрождение женщины, но его появление также представляет собой реальные отношения между матерью и ребенком. Природа её любви изменилась: это больше не выражение её инстинктивной потребности удовлетворения с сексуальным партнером, теперь это материнская забота о потомстве. Она любит ребенка и, в мифах, всегда должна принести его в жертву.

Обычно в психологических и других описаниях эти отношения рассматриваются с точки зрения ребенка, то есть миф о жертвоприношении ребенка относится к необходимости пожертвовать своей инфантильностью и зависимостью. Например, уже всем известна проблема так называемого Эдипова комплекса. Стремление ребенка вернуться под защиту материнского лона, инцестуозный поворот либидо, являются предметом множества комментариев. В «Психологии Бессознательного» Юнг писал об этом аспекте отношения к матери, сравнивая его с возникающей во время кризиса тоской по возвращению в материнские глубины, дабы обновиться. Ведь мать — это источник всей жизни, как физической, так и психологической. В главе «Двойная роль Матери»¹ Юнг обсуждает миф об Аттисе и интерпретирует его

¹ К. Г. Юнг «Психология Бессознательного».

в деталях, показывая, в чем для сына заключается смысл кастрации и смерти на дереве, символе матери. Этот аспект здесь я не буду рассматривать. Юнг справился с ним намного лучше, чем это сделала бы я. Но жертвоприношение сына имеет другую сторону, которую Юнг не развивал в своих работах. Он не задавал вопроса, каков смысл этого акта жертвоприношения, если посмотреть на него с точки зрения матери.

Миф рассказывает, что когда ее сын достигает зрелости, он приносится в жертву не вопреки ее любви и защите, но по воле и с согласия его матери. Иногда юношу убивают звери, представляющие жестокие и примитивные аспекты самой богини, как Адониса растерзал медведь, ранняя форма Афродиты — его матери. Аттис кастрирует и убивает себя сам, потому что сходит с ума под воздействием своей матери Кибелы; Гор ранен, и возможно даже убит Сетом, которого не уничтожила, а наоборот, освободила Исида.

В этих мифах мать дуальна. У неё два аспекта: в своей светлой форме она сострадательна, наполнена материнской любовью и жалостью, а в темной форме она жестока и ужасна и не считает нужным смириться с детской зависимостью своего сына. Его мягкость и цепляние за неё подрывает её силы, так же, как её гиперопека ослабляет его. Его детские потребности слишком тесно соответствуют её собственному желанию опекать его. Её инстинкт — это не только инстинкт сексуальности. Интимный телесный контакт не только эротичен для нее, представляет собой не только ее детское стремление оказаться со своей матерью; это также и материнское в ней, стремящееся к контакту со своим ребенком. Через такие контакты она ощущает свое собственное материнство. Вожделение в ней — это не просто стремление удовлетворить сексуальную потребность, оно может принять форму компульсивного желания, чтобы объект ее любви служил ее материнским инстинктам. Большинству женщин знакома глубоко укорененная жажда почувствовать маленькие обнимающие ручки, тепло и нежность детского тела. Общаясь с младенцем, продолжением себя, мы испытываем физическое удовольствие, и оно не далеко по своей интенсивности от удовольствия от эротического контакта, хотя и отлично по своей природе.

Это вожделение — не истинная любовь к объекту как к таковому, скорее это любовь к объекту, который несет удовлетворение самой себе. Принося в жертву своё сексуальное вожделение женщина, вероятно, не сразу может освободиться от груза своих эгоистических

требований. Она делает шаг к освобождению, но на второй стадии она может быть побеждена своими ауто-эротическими импульсами. Она идентифицируется со своим ребенком. Делая ему хорошо, она получает личное удовлетворение.

Вместо того, чтобы искать свой собственный путь, достигать своих эгоистических выгод, как она это делала до подчинения своего инстинкта в храмовом браке, она начинает искать добра для своего ребенка. Она довольна, если он счастлив; её амбиции удовлетворены, если признан он. Как правило она не осознает, что этот видимый альтруизм в реальности ничто иное как скрытый эгоизм. Она и не подозревает, что её неспособность сказать ему «нет» происходит от её неспособности сказать «нет» самой себе или отречься на более глубинном уровне от собственной мягкотелости и эгоизма.

Трудно увидеть, что эта позиция снисходительного отношения к сыну на самом деле порочна, потому что общество расценивает её как добродетель. Внешне для женщины выглядит так замечательно погрузиться полностью в своего ребенка и пожертвовать своим комфортом и благосостоянием ради его интересов. Только позже истинная природа её действий обнаруживает себя. Тогда, когда полная неспособность сына столкнуться с реалиями жизни, полное отсутствие в нем самодисциплины и невозможность взять ответственность покажут полную плачевность и лживость её воспитания, обычно слишком поздно спасать ситуацию. И даже в этот момент общество и мать склонны говорить: «Как мог он поступить так ужасно после всего, что она для него сделала», не признавая даже в малой степени того, что он остался инфантильным именно потому, что она столько сделала для него, не оставив ничего, что он мог сделать для себя сам. Поэтому женщине очень трудно понять необходимость жертвоприношения сына. Это кажется таким неправильным, черным действием. Если она отказывается делать то, что он хочет, она чувствует себя столь же коварной, как древняя богиня-мать, ежегодно жертвовавшая своего сына и приговаривающая его к смерти.

Проблема идентификации с сыном не заканчивается на отношениях матери и ее реального ребенка. У женщины, еще не «пожертвовавшей сыном», то есть инстинктивным материнством внутри себя, может не быть реальных детей, но она привнесет материнское во все свои отношения. Она находится под внутренним принуждением быть матерью всем, о ком заботится. Она не может вынести, когда видит,

что кто-то несчастен или испытывает трудности. Материнство доминирует в ней. Она не может осознать, что ее неспособность принять трудности своих друзей отражает ее собственную неспособность столкнуться лицом к лицу со сложностями своей жизни, и ещё меньше она принимает тот факт, что ее сверхопекающее отношение к людям культивирует их худшие слабости, отбрасывая их в инфантильность и жалость к себе, подрывая мужественность. Таким отношением она лишает своего сына индивидуальности. Он размягчается, феминизируется. Он становится импотентным, его покидает вся его мужественность. Это ложная кастрация, которую совершает мать, и через которую невозможно достичь обновления. Такого рода материнские объятия убивают сына, заключают его в дерево, как саркофаг Осириса.

Однако, когда у женщины есть смелость сказать «нет», так же как и сказать «да», когда негативная или черная сторона Эроса занимает свое место рядом со светлой стороной, тогда сын, как и мать, может быть спасен при помощи жертвоприношения. Потому что когда он сталкивается с ее отказом опекать его и спасти от трудностей, он становится способен сам встретиться с реальными трудностями ситуации, при условии, что он принимает реальную ситуацию и отказывается от своей идеи, что она его мать и должна дать ему то, в чем он нуждается. До тех пор, пока его внимание направлено на то, чтобы убедить «мать» дать ему желаемое, у него нет сил добыть это самому. Его добровольная кастрация и смерть как сына дает ему рождение как мужчине.

Не случайно жертвоприношение сына представлено кастрацией, поскольку наиболее фундаментальное требование мужчины по отношению к женщине — это удовлетворение его сексуальных потребностей. Именно здесь он чувствует наибольшую беспомощность, не может справиться с такой потребностью сам, и требует, чтобы женщина служила ему. Этот детский спрос с его стороны, и неразвитое материнское с её стороны на низком уровне психологического развития порождают союз между мужчиной и женщиной, который выливается в отношения. Но когда появляется необходимость чего-то более зрелого между ними, это требование должно замениться подчинением законам Эроса. Мужчине следует признать, что женщина — это нечто большее, чем та, что удовлетворяет его потребности, не просто аналог его сознательной личности. Когда она отказывается опекать его, подавлять свои собственные потребности ради удовлетворения

его потребностей, он сталкивается лицом к лицу с необходимостью увидеть реальность ситуации, так сильно отличающуюся от того, что он представлял. Так он приносит в жертву свои требования, и эта жертва не только символизируется кастрацией, но также является тем, что в реальности выглядит как необходимость отказаться от желания сексуального удовлетворения с любимой женщиной. Это добровольная кастрация во имя Эроса соответствует инициации Исиды, которую описывает Апулей, когда послушник был вынужден испытывать всё своё неутоленное желание, негативный аспект своего собственного либидо; он изгонялся из среды собратьев, чувствуя себя одиноким и покинутым, потому что нечто в его собственной природе было подобно Тифону, врагу отношений; его избивали и мучили, он становился добычей голода и сексуального желания, тифонических аспектов уничтожающего вождения. Ведь Тифон — это не что-то абсолютно противоположное Эросу. Это Эрос в своей неискупленной форме, другая сторона, противоположность близости. Лишь когда послушник проходил сквозь это испытание, лишь когда он полностью проживал этот аспект жизни, понимал его пустоту и бесплодие и был готов пожертвовать этим навсегда — когда он мог принять само-кастрацию, лишь тогда он находил богиню Исиду, и поедая её розы, он становился человеком. Розы Исиды — это цветы очищенной страсти, символизирующие любовь, свободную от вождения.

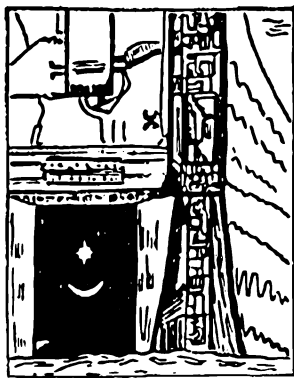
В похожей манере в современной жизни инициации богини достигает тот мужчина, который смог принести в жертву свою сексуальность, проявляется ли она как простое физическое вождение или вырастает в нем через его проекцию анимы. В последнем случае его задача намного сложнее, потому что она включает себя как сексуальность, так и сердце. На самом же деле сердце здесь не так вовлечено, потому что любовь к женщине, несущей в себе качества анимы — это не настоящая любовь к женщине как к таковой. Это почти всегда любовь к ней как к *аниме*. Проекция анимы не позволяет ей быть самой собой, но делает женщину лишь функцией психики мужчины, что включает в себя его требование соответствия его идеалам и выполнения его желаний. Такое требование также должно быть принесено в жертву богине любви, и не нужно даже объяснять, что посвящения не произойдет, если пожертвовать лишь физическим желанием, тут нужно гораздо более серьезное отречение. Пока этого не произошло, мужчина не может даже приблизиться к пониманию

смысла психологического отношения, подарка Эроса, или испытать психологическую целостность, возникшую в результате служения своей внутренней истине, вместо того, чтобы искать ее в отношениях с другим. Истинная любовь, истинные взаимоотношения могут возникнуть между двумя людьми, только если они испытали такую инициацию, или их может подвести к этому их совместная жизнь.

Существует еще один аспект этой инициации, весьма важный. Пока мужчина молод, эмоции, возникающие при проецировании анимы, могут являться действительным выражением его отношения к Эросу. Бессознательные инстинкты несут в себе ценность и значимость психологического и духовного отношения. В таком случае отношения с девушкой, на которую спроецирована анима, в которую, как говорят, он влюбился, могут быть полностью удовлетворяющими. Однако когда проходят годы, приходит время перерасти подростковую фазу и учиться творить более зрелые отношения, в которых понимание реального характера и личности партнера играет большую и более осознанную роль. Если же ему не удастся совершить такого рода перемену в себе, если он остается в незрелом состоянии, когда вместо того, чтобы присвоить своей психикой эмоции и чувства, показываемые ему его анимой, он настаивает на видении их снаружи, спроецированными на женщину, его отношение к фемининному принципу остается бессознательным, и следовательно он сам остается инфантильным. Его «любовь» все ещё состоит в основном из «Я хочу», а его сексуальность — это вождение. Но проходят годы, ситуация меняется, и хотя он все еще хочет, или думает, что он хочет, прежнего эмоционального вовлечения, он обнаруживает, что реальный опыт более не удовлетворяет его. В поисках молодости, более идеальных девушек, он по-прежнему чувствует себя неудовлетворенным, возможно даже импотентным. Он все еще жаждет эмоционального удовлетворения в форме, которую перерос, он стремится погрузиться в детский или незрелый паттерн. Его инфантильность отражается в ожиданиях, что женщина, которая сейчас несет качества его анимы, должна удовлетворять его эмоционально и сексуально. Он ожидает, что она даст ему ту любовь, в которой он нуждается, вместо того, чтобы осознать, что зрелая любовь может развиваться лишь вне такого инстинктивного вовлечения, как результат длительных и сознательных усилий. Он ожидает, что жизнь даст ему все, что он хочет, станет ему матерью. Однако эти ожидания лишают его мужественности.

Это и есть кастрация ради матери, как в древних мифах. Но это жертвоприношение не совершается добровольно, с религиозными мотивами. Это не добровольное жертвоприношение, и оно не приносит обновления. Принесение в жертву вождения — это посвящение, которое может совершить лишь тот, кто уже испытал жизнь и понял свою истинную природу. Если оно совершается преждевременно, незрело, как детское стремление избежать рисков и трудностей жизни, его результатом будет лишь потеря либидо — то есть психической энергии и интереса любого рода. Это ложная кастрация, детская тоска по матери, фрустрирующая эмоциональное развитие.

Слепо следовать одной за другой проекцией анимы — это быть пойманным в инфантильной фазе эмоционального развития. Если мужчина в такой ситуации признает этот факт, то он получает понимание истинной природы своей любви и отношений с женщиной, привлечшей его, и тогда вступает в новую фазу психологического и эмоционального развития. Например, если мужчина осознал нестабильность и нереальность отношений с женщиной, базирующихся лишь на инстинктивном раппорте, он может начать поиски реальности, лежащей за его проекцией анимы. Вместо того, чтобы сдаться потоку инстинкта, он может добровольно пожертвовать своим желанием немедленного удовлетворения, отстранившись от женщины, которая компульсивно его привлекает. Так он отрекается от своего собственного «Я хочу» и подчиняет себя требованиям истинных отношений. Так он служит Богине, Эросу, и приносит ей в жертву свою сексуальность. Эта добровольная попытка с его стороны изменить ситуацию, практически нереальная, содержит в себе род инициации. Изменения происходят через решительные попытки познать свои скрытые мотивы, действительную реальность, скрывающуюся за эмоциональными иллюзиями, и неважно, какова цена. И в то же время нужно ясно осознавать, что приобретенный инсайт может рассеять его иллюзорное счастье и показать, что эмоции и вовлеченность основаны на шатком фундаменте. Но только через принятие такого риска возможно за иллюзиями обнаружить истину. Отношение такого рода требует великой смелости и преданности ценностям, лежащим за пределами личного удовлетворения. До того, как приходит такое отношение, личное вождение должно быть принесено в жертву. Когда мужчина так ищет истинный Эрос, в нем происходят изменения через рост его само-сознания. Это психологическое

*Рис. 32. Рисунок,
сделанный семнадцатилетним юношей.*

изменение, происходящее во внутренней жизни, даже если оно отражается или отыгрывается во внешних событиях, происходящих с ним.

Время от времени похожая трансформация происходит более бессознательным образом. У некоторых мужчин конфликт проецируется, конкретизируется. То, что в описываемых обстоятельствах являлось эмоциональным или психологическим страданием, в этих более бессознательных ситуациях становится физической болью; символическая кастрация и смерть на первом уровне на втором становится реальной болезнью и угрозой физической смерти.

На рисунке 32 представлена картинка, нарисованная семнадцатилетним парнем, пока он находился в постели после болезненной операции, причинившей ему значительный шок, физический и эмоциональный. В день после операции его отношение к матери было довольно своеобразным. Как будто он вновь стал маленьким мальчиком. Он не мог находиться без нее и лнул к ней в поисках поддержки. Затем в другой день он попросил карандаши и бумагу и сделал этот рисунок. Он отнесся к рисунку достаточно наивно. Он не знал, что тот несет какой-то психологический смысл и сперва не хотел ничего говорить об этом, но позже дал такое объяснения: «Это все происходит внутри горы», сказал он, «под храмом. В центре храма — Священный Камень Высших. На нем надписи древних жрецов, ранее совершавших жертвоприношения в храме. Только что было совершено жертвоприношение. Окровавленная шкура жертвенного животного растянута на земле перед алтарем. Ниже — темная пещера. Там лежит окровавленный кинжал, которым было совершено жертвоприношение. Это место, в которое не ходит никто». Под ним река, ведущая в глубокий, неизвестный подземный мир. После того, как он нарисовал это, его отношение к матери полностью изменилось. Он вышел из своей регрессии и снова стал собой. Из его объяснений становится очевидным, что мальчик не понял, что именно нарисовал. Рисунок — это бессознательная фантазия, показывающая

психологическое значение внешнего опыта. Операция была представлена в бессознательном как жертвоприношение. Сам мальчик был жертвой, которую убили. На рисунке его кожа лежит на полу. Психологически это значит, что он, как мамин «ягненок», убит. Опыт боли и страдания, через который он проходит — это посвящение в мужчины. Дальше он не сможет больше прятаться за материнской юбкой; она больше не сможет давать ему поблажек, как малому ребенку; он не сможет избежать мужской ответственности, ведь он — мужчина! Во время непосредственного после операции периода, когда, психологически говоря, он был принесен в жертву, и соответственно, «мертв», он метафорически вновь попал в материнское чрево, откуда можно было родиться заново. В сознательном, в мире внешних фактов, его возвращение в материнскую матку — это регрессия к детской зависимости от матери. Но, спрашивается, что родится после такой ритуальной смерти? Ответ на этот вопрос дан в нижней части рисунка. В глубинах горы, в месте «куда никто не ходит», на самом глубоком уровне бессознательного, виден символ новой жизни. Там восходит месяц, со звездой между своих рогов.

В этом рисунке современного мальчика мы вновь встречаемся с символом, значение которого уже рассматривали. В этом случае символ предсказывает нам, что благодаря своему иницилирующему опыту юноша получает новый свет, свет Луны, Эрос. Пока он был ребенком, качества Эроса представляла для него его мать, но она больше не может быть единственной женщиной в мире для него. С этого момента он должен искать свои фемининные ценности сам, через отношения с другими женщинами. Через этот опыт родилась для него *женщина*. Приход женщины, или его сознательного восприятия женщины, принесет с собой вечные проблемы добра и зла, темного и светлого. Но рисунок заводит ситуацию на шаг дальше, ведь из глубин для него появляется звезда, символ союза, звезда между солнцем и луной, символ примирения, обещание решения проблемы дуальности человека через достижения индивидуальной точки зрения.

Это современный аналог древнего посвящения богине, когда жрецы подвергались реальной кастрации, а обычный иницилируемый — ритуальной кастрации, не включающей в себя физические повреждения. Итог инициации представлен в мифах как рождение или обновление. Сын Матери, повреждаемый или убиваемый, это Лунный человек, лишаемый своих сил во время убывания луны. Затем следовал период

тмы, когда он находился в загробном мире, из которого появлялся возрожденным, приобретая силу бессмертия.

Египетский подход к увечьям, нанесенным Лунному богу, и вопрос его воскрешения рассматривается гораздо детальнее, чем в вавилонском и сирийском мифах, и он очень важен для нашей современной интерпретации. Мы уже видели, как Исида искала разбросанные части тела Осириса и нашла всё, кроме фаллоса. Так как она не смогла найти этот важный орган, совершенно необходимый богу плодородия, она создала его изображение. Затем силой ее любви и влечения она вернула Осирису потенцию и зачала от него. Осирис был убит Сетом (Тифоном), то есть вожделем, негативным аспектом фертильности и близости. Эта смерть связана с первой стадией посвящения. Потеря фаллоса относится к необходимости для мужчины отказаться от своих требований, чтобы женщина удовлетворяла его сексуальные и эмоциональные нужды, как будто она является его матерью. Как правило, осознание того, что он накладывает на женщину такие требования, приходит к мужчине, когда он сталкивается с нежеланием женщины или прямым отказом играть материнскую роль для него. В этот момент он сталкивается с необходимостью принести в жертву инфантильные требования для установления более реальных отношений между ним и его женщиной. Принятие необходимости пожертвовать своими беспомощными желаниями равноценно потере фаллоса, само-кастрации. Добровольно пожертвовав свою инфантильность, он приобретает новые духовные качества. В мифе они представлены как способность создать с богиней новый союз. Во внутреннем опыте современного мужчины они могут проявиться как обновление силы любви, где новая любовь не будет требованием удовлетворения, но эмоцией, которая признает индивидуальность другого человека. Или же новое качество, рожденное от принесения в жертву своей инфантильности, может проявиться как развитие новой и независимой личности. Ведь Исида — это не просто женщина, она Богиня, и сила любви и союза с Исидой означает обновление внутренних жизненных сил, а не только любовных отношений с реальной женщиной.

В истории Осириса заметно явное различие между драмой богов и той частью, в которой может принять участие человек. Это особо видно в мифе об Исиде и Осирисе, который дает Плутарх, потому что он изначально был заинтересован в мистериальной инициации. Уже в его дни драма богов признавалась представляющей духовную

или психологическую драму, в которой человек мог принять участие. В истории Плутарха человеческое существо, ищущее посвящение, представлено маленьким мальчиком, сыном царя, в чьем дворце в дереве был заточен саркофаг Осириса. Следует напомнить, что Исида стремилась дать бессмертие этому ребенку, держа его в огне, но мать ребенка помешала и не дала ритуалу завершиться. Этот эпизод относится к первой стадии инициации. Держать в огне смертное тело — это разрушать похоть, или вожделение. Исида, богиня любви и близости, совершила бы это полностью, если бы не помешала мать. Ребенка, душу мужчины, мать, не могущая вынести его страданий, защищает от полного принесения в жертву его желаний. Но ребенок отправляется с Исидой, когда она уходит. Из-за общения с Исидой он отлучается от матери.

Затем приходит следующая стадия инициации. Чтобы достичь спасения, он должен перенести все напряжение присутствия Эроса. Он должен стать свидетелем эмоций Исиды во время её горевания над мертвым Осирисом, и, как говорится в древней истории, «выстоять перед лицом ее гнева. Этот гнев — божий, а не земной женщины, даже несмотря на то, что в опыте множества мужчин сила Эроса может быть почувствована через земную женщину и ее эмоции. Мужчины почти хрестоматийно боятся эмоций, собственных или других людей. Лишь немногие, если только не являются абсолютно черствыми, могут выдержать вид женских слез. Но способность выстоять перед гневом богини не означает жестокосердия или отсутствия понимания. Это означает способность полностью понять эмоциональные глубины, которые выражает женское горе или радость, и признать их, участвовать в них, и не быть разрушенным этим опытом. В некоторых случаях, однако, такое испытание приходит к мужчине независимо от отношений с женщиной, которую можно рассматривать как образ богини Исиды. Иногда мужчина может переживать напряжение своих собственных эмоций в отношениях с женщиной, которая сама по себе слаба как личность, или даже совершенно не значима. Если, однако, он через отношения с ней достигает глубин своей собственной эмоциональной интенсивности, то испытает трепет богини через свои собственные эмоции.

Посвященность богине, таким образом, требует, чтобы мужчина исследовал свои собственные глубины эмоциональности и выстоял перед этим откровением. Этот опыт равнозначен женскому

испытанию, в котором ей нужно принести в жертву своего сына. Ведь женское стремление защищать и опекать другого, относиться к нему как к ребенку и защищать от жизненных трудностей, то есть быть ему матерью, тесно связано с ее стремлением самой защититься от жизненных реалий и интенсивности собственных эмоций. Так что как для мужчины, так и для женщины эта вторая стадия посвящения относится к столкновению с эмоциональной напряженностью.

Это драматически показано в истории Плутарха о маленьком мальчике, которого звали Диктис, Рыбак, Манерос, Понимание Любви. Плутарх говорит, что он — символ мужской души, который, будучи свидетелем горевания богини Исиды, был не в состоянии выдержать этого, выпал за борт и утонул. В отрывке говорится: «И говорят, что когда Исида уединилась, она обнажила грудь, прижалась лицом к лицу Осириса, целовала его и обливала слезами. И когда ребенок молча подошел сзади, она почувствовала это, обернулась и обратила на него страстный и ужасающий взгляд. И он не смог выдержать этого и умер. Но некоторые говорят, что было не так, но... что он упал в реку.»² Король-Рыбак из легенды о Граале, тоже утонувший или заболевший смертельной болезнью — это копия того же Диктиса. Его мог вернуть к жизни лишь герой, способный выдержать то испытание, в котором провалился он, Король Рыбак.

На этой легенде основана поэма Томаса Элиота, «Бесплодная Земля». События, происходящие в этой поэме, не имеют логической последовательности, но все же неизбежным образом связаны. Можно почувствовать, что послание поэмы идет не из бессознательного намерения автора, но из гораздо более темных глубин. Источник вдохновения Элиота лежит под сознательным знанием, и его поэма содержит все критерии бессознательного продукта. В ней описаны опустошение и разруха послевоенной Европы, и это соотносится с Бесплодными Землями легенды о Граале. Две темы так тесно переплетены, что их трудно распутать. Когда герой наконец-то приходит к часовне на берегу моря, где лежит Мертвый, или умирающий Король-Рыбак, мы получаем намек на откровение, которое разрушит чары. Весь мир ждет дождя. Затем внезапно вспышка молнии, начинается дождь,

² R. S. Mead, «Thrice-Greatest Hermes» (London, 1906), I, 287

И сказал Гром

ДА

Датта: Что же мы дали?

Друг, кровь сотрясает мне сердце

От страха отдаться мгновению,

Что длительней века благоразумья,

Того, чем мы только и жили.

Это «от страха отдаться мгновению» похоже на поворот ключа в двери тюрьмы: «думаем о ключе, каждый в своей темнице.» «Я услышал, что ключ раз, только раз повернулся в замке.»

Они отплыли прочь

В море спокойном, так сердце внемли

И смирись под крепкую руку

С радостью.

На берегу я сидел

С удочкой, за мной простиралась пустыня.

Наведу ли порядок в своих я владеньях?³

Остаются сомнения, удалось ли действительно отдаться мгновению, так как поэма заканчивается на том, что Рыбак все еще сидит у моря, а за ним — пустынные земли.

Странно видеть в этих современных стихах такие тесные соответствия с древними мифами Лунной Богини. Засуха Бесплодных Земель может быть прекращена только чудом, представленным космически, в виде грозы, и эмоционально, как сдача эго-контроля и принятие чувств. Героический акт — это выстоять перед лицом богини.

Принятие Лунной богини представлено здесь как высвобождение дождя, напитывание бесплодной и сухой земли влагой, которая сможет вновь вернуть плодородие. В поэме Элиота это чудо происходит не только на персональном плане. Сухость поражает не только жизнь индивидуального человека, но стерильность — это символ бесплодности мира. Поэзия Элиота выражает проблемы двадцатого века.

³ T. S. Eliot, Poems 1909–192; (London: Faber and Faber, and New York: Harcourt, Brace and Co., 1928).

Страдания и банальность Европы в годы между двумя мировыми войнами лежат в основе «Бесплодной Земли» и «Пепельной Среды», и именно эти проблемы породили подобную поэзию. Глас грома в «Бесплодной Земле» говорит не только об эмоциональных проблемах современного человека как индивидуальности, но и о мировых проблемах столетия, когда под почти исключительными заботами о маскулинных и механических концепциях жизни задыхаются живые источники вод, дары Лунной Богини, женского начала, Эроса.

Этот героический акт, который позволяет ему принять чувства как божественное, имеющее равные права с маскулинным принципом Логоса, подобен женскому не менее героическому акту жертвоприношения сына. Ведь ее способность сказать сыну «нет» означает, что она должна сказать «нет» также своим собственным тенденциям потакания и посмотреть в лицо своим эмоциям, не важно, какой они природы, при этом оставшись незатопленной. Кажется, что это не такое уж и жертвоприношение, но его нелегко совершить. Оно включает в себя разрыв идентификации с сыном и потерю того превосходства, которым обладает даритель.

В любых отношениях тот, кто привычно отдает — кажется выше, но это превосходство замешано на компульсивном стремлении давать, это лишь относительное превосходство, для которого необходим получатель. Женщина, относящаяся к мужчине по-матерински, зависима от него так же, как и он от неё. Она идентифицируется с ним, и таким образом в некотором смысле является его аналогом, его сизигией. Лишь когда она жертвует своим желанием быть ему матерью и для того, чтобы сохранить верность своим эмоциям, «жертвует сыном», она может, как независимое человеческое существо, стать девиственницей.

Сталкиваясь со своими собственными эмоциями, любовью, страхом, ненавистью, чем бы то ни было, в суровой реальности, более не скрытой потаканиями и материнскими интересами, она становится вещью-в-себе, зависящей только от богини, истинной Дочерью Луны.

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ И БЕССМЕРТИЕ

В поэме Элиота «Бесплодная Земля», упомянутой выше, испытание или жертвоприношение, которое требуется от героя, чтобы исцелился Король-Рыбак, выражается в словах «отдаться мгновению, что длительней века благоразумия». Смысл такого жертвоприношения в часовне Грааля, страх того, что может затем последовать, на который здесь только намек, более точно описан в предсказании астролога ранее в этой поэме: «Страх смерти от затопления».

Когда сдаются чувству, «сердце ответило весельем», появляется дождь, так необходимый Бесплодной земле. Но также немедленно появляется страх, что однажды начавшись, дождь не прекратится, пока не затопит землю. Результатом может явиться второй потоп. И в этом поэма похожа на современную версию лунных мистерий.

Ветра, наводнения, пожары — это все символы эмоций, в основе которых лежат движения энергий. Если однажды выпустить в мир эти силы природы, они могут распространиться безгранично. Они могут смести все привычные правила и порядки и затопить цивилизованный мир, этот потоп разрушит все границы. Мы не знаем, где остановиться подъем инстинкта, высвобожденного от древних табу, разлив эмоций или экстатический подъем из бессознательных глубин психики скрытых, дремлющих сил.¹

Признак цивилизации — различение ценностей, благодаря которым индивид вырастает из стада и отделяется от чисто

¹ Эти слова были написаны в 1933. Я оставила их в оригинальном виде в этом издании, потому что этот прогноз оказался фатально точным. Еще одно доказательство, показывающее, как из мифов и бессознательного можно получить инсайт.

коллективных и инстинктивных побуждений своей собственной природы. Это селективный процесс огромной важности, ибо способствует росту личности. Однако в нашей культуре такая дифференциация была слишком ограничена сферой интеллекта, а эмоциональная сторона жизни отрицалась. Бесплодная Земля из поэмы Элиота отражает истинную картину человечества, особенно западных наций. Рациональное отношение к жизни, попытки контролировать природу в её созидательных и разрушительных деяниях, породили односторонность, которая угрожает превратиться в свою противоположность. Непризнаваемые эмоциональные факторы аккумулируются в бессознательном, а сознательное отношение становится сухим и неудовлетворяющим как раз по причине отсутствия этих исключенных элементов.

Стерильность этой сухой жизни может быть излечена лишь жизнетворными водами Эроса, эмоций, ранее подавленных. Но эмоциональная энергия, запертая в бессознательном, может насильственным образом проявиться в нашей привычной повседневной жизни, как то и происходит в поэме Элиота. Если так произойдет, то разрушатся границы безопасного и знакомого, выстроенного при помощи традиций и договоренностей. Когда это проявляется в индивидуальной жизни, то вместо обновления и плодородия оказывается наиболее деструктивным опытом, ведущим к потере ориентации, моральной или ментальному растворению или даже к безумию. Когда такое затопление касается не просто отдельных людей, но целых сообществ, иногда наций, то потоп, вместо того, чтобы обновить жизнь, угрожает смести все выстроенные людьми границы и погрузить мир обратно, в первоначальный хаос, из которого цивилизация выросла такой великой ценой. Эти приливы возникают в бессознательном как отдельных личностей, так и наций. Если такие приливы прорвут границы, то потоп сметет мир со всеми достижениями человеческой цивилизации.

Западной культуре это угрожает особенно, потому что она основана на слишком больших запретах. Огромные области человеческой психики не включены в культурную дифференциацию, остаются относительно или полностью бессознательными, и, следовательно, не развиваются и не имеют определенных границ. В течение веков эти части психики постепенно все более энергетизировались, потому что их постоянно подавляли, и сейчас они грозят прорваться к поверхности совершенно катастрофичным способом. Совершенно ясно, что сегодня есть огромная потребность дифференциации тех сфер,

которыми пренебрегали, для того, чтобы ограничить затопливающие приливы. Чтобы эффективно противостоять затоплению, границы должны быть реальными. Произвольные границы, выстроенные из-за страха или эго с его требованиями, в таких обстоятельствах окажутся очень шаткими.

Когда инстинкты, и хаотические образы, и позывы поднимаются из бессознательного в виде потопа, они ломают человеческие, или индивидуальные, границы. Только одно можно им противопоставить, и это, как ни парадоксально, сила индивидуальности. Под индивидуальностью здесь имеется в виду то, как Юнг определил это. Она включает в себя как бессознательные, так и сознательные части психики и не является синонимом Эго, которое является центром только сознания. Эго представляет собой те человеческие достижения, которые могут быть смыты потоком из бессознательного, поэтому они не могут защитить от существующей опасности. С другой стороны, индивидуальность — это больше, чем сознательная часть психики, она никогда не бывает полностью сознательна, но остается потенциальностью внутри человеческого существа. Через внутренние опыты, такие, какие мы рассматривали в предыдущих главах, индивидуальность постепенно определяется. Ведь эти переживания приносят в осознание потерянные ценности психики, лежащие в области Эроса, и это означает, что человеческое существо становится более целостным. В терминах древних религий можно сказать, что через участие в различных этапах мистерияльных инициаций человек рождается вновь и становится «дваждырожденным» духом. Потому что когда мужчина или женщина подчиняются законам или принципам своего собственного существа и отказываются от личной ориентации эго, они постепенно определяют границы своей собственной природы и в них выкристаллизовывается их индивидуальность.

Однако чтобы найти границы собственной природы и понять имперсональные законы, регулирующие глубины психики, необходимо подойти «к краю». Для этого происходит инициация в храме. Ведь в служении Богине, в области Эроса, эмоциональный опыт не затруднен ограничениями и соображениями, свойственными личным отношениям. В храме богини человеческое существо, будь то мужчина или женщина, оказываются лицом к лицу с самими собой, своими инстинктами, эмоциями. Они должны подойти к краю, как делали женщины древней Греции или Вавилона в обряде иерогамии,

а мужчины Египта во время инициации Исиды, где не разрешались никакие умственные оговорки, нельзя было отступить назад из-за страха или неспособности выдержать напряжение или угрозу. Подвергающиеся испытанию несомненно могли умереть, или, более вероятно, стать безумным под давлением физического или психологического опыта, который включали в себя примитивные религиозные посвящения. И действительно, испытания, во всем мире, созданы для того, чтобы послушник преодолел свои лимиты и поэтому символизировали ритуальную смерть и перерождение.

Однако в обычных личных отношениях ни мужчина, ни женщина не осмеливаются полностью отдаться эмоциональному опыту. Женщина обязательно должна оставаться на страже, чтобы мужской инстинкт не проявился в неподобающем месте, где она не является хозяйкой ситуации, поскольку ее человеческий интерес, как потенциальной матери, направлен в сторону замужества и домохозяйства. Мужчина, с другой стороны, боится быть пойманным этим ее собственническим отношением, а также боится попасть под власть ее очарования, или, что может быть тем же самым, попасть под власть своих неисследованных эмоций. Он не позволяет себе полностью отдаться, но пытается держать ситуацию под контролем, и как и женщине, ему это определенным образом удастся с помощью его сознательного эго. И с обеих сторон это очень понятное и на самом деле мудрое отношение. Однако это исключает возможность обнаружения собственных психологических и эмоциональных границ, так как оба намереваются охранять свои пределы. Испытания, посвященные Лунной Богине, являлись существенным контрастом требованиям личных отношений, там посвящаемого подводили прямо к своим ограничениям. Мужчина был вынужден испытать свою тифоническую, похотливую природу до конца, а женщина пережить свой собственный инстинкт и желания в иерогамии, не основанной на мужской любви. Затем на второй стадии инициации мужчина должен быть выстоять перед лицом гнева Богини, выдержать ее захваченность любовью и горем, таким образом принося в жертву свое требование материнской любви от женщины, которая всегда удовлетворяет его нужды, и женщина должна была пожертвовать своей материнской мягкостью в своем принесении в жертву сына. Если мужчина был способен выдержать эти испытания и не распасться на кусочки, ему давались Розы Исиды, он становился частью ее природы. В нем рождалась

сила Богини. Он становился Лунным человеком, как и женщина, которая пройдя свои испытания в иерогамии и жертвоприношении сына, становилась Дочерью Луны.

В первой стадии инициации человек входил в ладью Богини и путешествовал с ней по водам в сторону солнца, где холодно-кровные желания водного региона сменялись теплом и жаром его собственных эмоций. На второй стадии, узнав интенсивность своих эмоций, горящих в нем, признав над-персональных их характер, хотя они и кажутся очень личными, он становился готов к следующему этапу путешествия.

Однако перед тем, как он занимал свое место в краю полной луны, управляемом Богиней Совершенного Разума, где, как говорилось, он достигнет бессмертия, став Хозяином Трех Миров, совершалась другая инициация. На этот дальнейший этап есть лишь смутные намеки в большинстве древних и архаичных религий. Но в легенде о Короле Артуре христианской эпохи четко описывается поиск Святого Грааля. Там говорится, что ищущий, тот, кто найдет Замок Грааля, должен пройти определенное испытание. Если он это сделает, Король-Рыбак исцелится, и Бесплодные Земли вновь зацветут. Испытание такое: когда перед ним появятся священные объекты, он должен спросить, что эти чудеса означают и кому служит Чаша Грааля. Если ему не удастся задать вопрос, то замок, Король и Грааль, превратятся в сон, и земли будут оставаться бесплодными до тех пор, пока он или кто-то другой не совершит еще одну попытку и у него будет второй шанс задать вопрос. Когда Парсифаль впервые достиг замка Грааля, он был так переполнен трепетом и интересом к мистическому шествию Грааля и Копья, что забыл задать свой вопрос. Похожим образом Гавейн в решающий момент был так захвачен своим сном, что тоже не смог спросит о его значении.

Здесь мы видим, что понимание освобождает от паралича бессознательного. Видеть образы бессознательного — недостаточно. Пока не поймем их смысл, мы останемся духовными детьми, подверженными судьбе, пойманными в сеть Исиды.

В восточных текстах, где упоминается сома, напиток богов, дающий бессмертие и вдохновение, выражена та же истина. И в тантрических текстах говорится, что эволюция сознания проходит сквозь водных районы к огненному району солнца и оттуда по воздуху к полной луне. В этих текстах сказано, что тот, кто достигает полной луны «видит три периода... и живет долго», и что это — путь к «великому освобождению».

Три периода — это прошлое, настоящее и будущее. Они соотносятся с тремя мирами лунных мифов — загробным, земным и небесным. Лунные божества правили в каждой из этих трех областей, и, как мы уже видели, лунный бог или богиня часто были представлены в трех аспектах или формах, соответствующих трем мирам, которыми управляли. Синн, халдейский троичный лунный бог, в то же самое время был Ану, Богом Подземных Вод, Богом Райской Сферы Энлил или Бел, Главой Небесной Земли, Отцом Луны, Царем Штормов и Управителем Ветров; и также Эа, Первичный Океаном, Древней Змеей, Рыбой -Царем или Левиафаном.² Говоря психологически, тот, кто в полной мере достиг полной, или целостной, луны, получил знание бессознательного, прошлого, источника; он обладал властью над настоящим, и видел будущее. В каком-то смысле он стал безвременным, он преодолел границы времени. Он приобрел бессмертие.

Бессмертие, обещанное луной, это однако не бесконечная жизнь в золотом городе, где нет ночи и всё продолжается вечно, неизменно, в потоках непрекращающегося света. Бессмертие, обещанное луной — нечто совершенно другого характера. Это не застывание в состоянии совершенства, но вечно обновляющаяся жизнь, как сама луна, где убывание и умирание столь же важны, как рост.

В этом мире, везде и во всем процесс жизни состоит из ритмического роста и убывания, а не только лишь из роста и движения в одном направлении. Этот закон жизни наиболее явным образом признавал Восток. У китайцев он символизировался Тай-ги-ту, рыбьим символом, в котором свет как семя содержится в темноте, темнота растет и заменяется светом. Это основной принцип, выраженный в их священной Книге Перемен, И Цзин, в которой представлена их наиболее древняя религиозная философия. У индусов также ритмическое течение жизни и смерти является фундаментом религиозного учения. Для них Господь Шива проявляется через свою женскую ипостась, Шакти, в явлениях этого мира, которые проявляются во всем своем многообразии и затем втягиваются обратно в бога. Шакти, Мать, становится Кали, или Разрушительницей, и Шива танцует, разрушая этот мир, так же как раньше он танцевал, созидая его. В лунных мифах, примитивных и древних, такой же ритм созидания

² Дальнейшие примеры в Главе 16.

и разрушения, формирующий процесс жизни, принимается за основу бессмертия.

Здесь, на Западе, мы слишком мало признаем эту важную природу изменений. Мы редко раздумываем над тем, как необходимо, что всё распадается и разрушается. Мы забываем, что это касается не только нашего созидания, того, что мы творим, порядка, который устанавливаем, но и самого функционирования жизни внутри нас. Важный момент заключается в том, что до тех пор, пока мы лично заинтересованы в этом, мы должны создать нечто, до нас не существовавшее, не для того, чтобы в мире появилось что-то хорошее и новое, но для того, чтобы взяв сырой материал жизни, лежащий вокруг нас, вдохнуть в него и создать живое творение и так распаковать скрытую силу творца, дремлющую в нас, нашу богоподобность. Мы понимаем это как цель нашего образования, по крайней мере в современных школах это так. Учитель — это не только благодушная мать, но и имитатор разрушительного аспекта жизни, потому что каждый вечер разбирает на куски продукты, созданные детьми, выбрасывая песок детских построек в ящик, сминая глину в комок, чтобы завтра дети могли творить вновь. Было бы совершенно неправильным разрешать позволять детям фиксировать навечно созданные объекты, так, чтобы у следующих учеников не оставалось места для занятий, возможностей упражняться в применении собственных сил.

Если бы смерть и разрушение не проявлялись с силой, аналогичной силе созидания, то наш целый мир достиг бы сейчас жалкой стадии стагнации и завершенности, как в этом гипотетическом детском саду, где злое, черное, деструктивная сторона жизни полностью исключена. Если бы всё навечно оставалось таким, как создано вначале, то все возможности творения были бы исчерпаны столетия назад. Был бы полный застой. И тогда, внезапно, избыток добра превратился бы в свою противоположность и стал избытком зла. Это состояние застоя похоже на стагнацию, описываемую в ассирийском стихотворении о том, что происходило с миром, пока Иштар находилась в Землях, Откуда Нет Возврата. Это состояние мира и в легенде о Граале, когда болезнь Короля Рыбака влияет на его страну, превратив в Бесплодные Земли.

Относительно легко увидеть, что смерть и разрушение необходимы для хода столетий. Труднее признать правоту это относящимся к нашим действиям, и еще сложнее понять значение такого рода

бессмертия, когда мы размышляем о наших индивидуальных жизнях. Мы ненавидим, когда обнаруживаем, что плоды трудов наших умерли. Мы идентифицируемся со своими творениями и чувствуем, что все угрожающее им, бьет по нам. Но еще труднее принять факт, что мы сами должны умереть и мы чувствуем, что обещание бессмертия, несущее в себе необходимость смерти — это ничто иное, как пародия и издевательство.

Трудно признать, что важность работы не состоит в ценности конечного продукта, но в психологическом развитии, которое происходит, когда постепенно продукт становится реальностью, актуальным, тем, что появилось из глубин нашей психики. Похожим образом, мы редко осознали, что наша сознательная личная жизнь — это творение, работа того же психического «созидателя», актера, исполнителя, как бы мы его ни называли, действующего неизвестным образом в нас, в некоем скрытом месте нашего существа. Именно об этом говорил святой Павел: «Не я, а Христос живет во мне.» Похожее ощущение «бытия внутри» испытывают не только религиозные деятели, хотя многие сталкиваются с подобным именно в этой сфере, но также и другие, выдающиеся люди или гении, кто утверждает, что их внутреннее ощущение управляется голосом изнутри, он контролирует их действия и живет в них, руководя их жизнью и ведя к вершинам. Пока мы живем, труды наши могут умереть, потому что они были созданы. Разве не допустима мысль, что это аналогия на скрытую глубокую и более важную истину? Эго, сознательная личность, умирает, но мы не знаем и не можем даже предположить, что происходит за сценой с «делателем», «творцом».

Вдохновение, или зародыш творческой работы, дитя воображения, приходит не из сознательных мыслей человека, а поднимается из скрытых глубин его существа. Кажется, что вдохновение живет само по себе, существовало задолго до того, как что-то начало происходить. Все по-настоящему творческие импульсы обладают этим особенным качеством. Артист, созидательный рабочий, или творческий мыслитель, в чьих работах заключен подобный импульс, не придумывает свою идею. Скорее, он открывает ее, она возникает из недр его существа, оттуда, куда большинство людей предпочитают не заглядывать. Мы уже говорили о современном искусстве и его интересе к темным областям, зловещему, и о современных социальных движениях, идущих навстречу сфере отвергаемой и презираемой нашими

недавними предками. Эти образцы являются примерами встраивания фемининных принципов луны в современную маскулинную, рациональную цивилизацию.

На этом месте хорошо остановиться и посмотреть на попытки, которые ранние люди делали, чтобы представить этот циклический, меняющийся характер луны и попробуем добиться глубокого понимания заключающегося в них архетипического смысла.

МЕНЯЮЩАЯСЯ ЛУНА

Мы увидели, что уже в очень ранние времена люди пытались представить изменяющийся, циклический характер луны при помощи религиозных символов. Самое существенное её качество не может быть выражено единственным, статичным образом. Как мы обнаружили ранее, сменяющиеся темные и светлые фазы изображены в виде лунного бога или богини, то черной, то светлой. Но лишь одна эта дуальность недостаточно описывает лунные циклы. Растущая луна ощущается как сильно отличающаяся как от полной луны, так и от молодого месяца. Эти три аспекта иногда показывались двумя полумесяцами и кругом, или диском. На монетах Мегары три полумесяца расположены в виде примитивной свастики; похожие полумесяцы, представляющие «Трехликую Гекату» можно обнаружить на месопотамских монетах (рис. 33). Эти монеты, как и многие другие изображения, представляют лунную богиню как троичную. Вновь и вновь божество представлено не как одна колонна или одно дерево, но как три. На финикийской стеле (рис.35) мы видим три колонны разной высоты и луну над ними. Они показывают три аспекта лунного цикла. На другой прекрасной картине лунная богиня представлена тремя колоннами, увенчанными полумесяцами (рис.36). В катакомбах часто обнаруживались символические рисунки, обозначенные как «Небесное Царство». Оно состояло из трех колонн, или трех бутонов, увенчанных растущей луной (рис.37). На изображении, взятом из коллекции Lajard (рис.38) — три алтаря. На первом — камень, или конус, с нанесенным крестом и увенчанный полумесяцем. На центральном — похожий отмеченный крестом камень, но он увенчан бычьими рогами, а на третьем алтаре — охотничий пёс. Эти алтари представляют три лунных

Рис. 33

Рис. 34

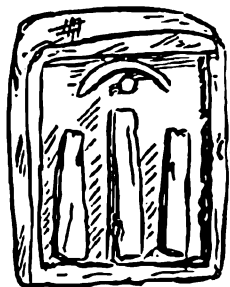

Рис. 35

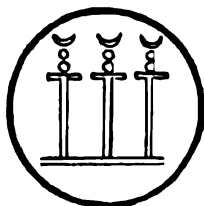

Рис. 36

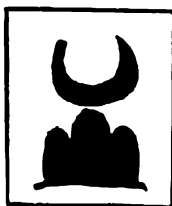

Рис. 37

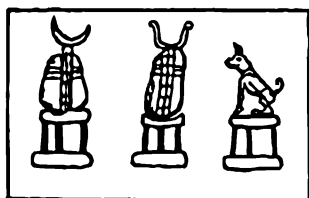
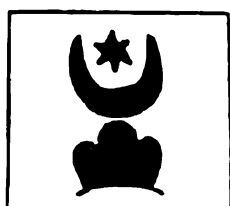

Рис. 38

Рис. 39

Рис. 33. Монета Месопотамии «Трёхликая Геката»

Рис. 34. Монета Мегары. Три полумесяца представляют три аспекта луны.

Рис. 35 Финикийская стелла, представляющая Лунное Божество в троичной форме.

Рис. 36 Финикийская Лунная Эмблема.

Рис. 37. Символ, найденный на стенах катакомб, названный «Небесное Царство».

Рис. 38. Лунное Божество в своей троичной форме. Показаны три маленьких алтаря. На первом крестообразный камень увенчан полумесяцем, представляющим убывающую луну; в центре похожий камень увенчан рогами, представляющими полную луну; на третьем — темная, или убывающая луна представлена одним из Псов Гекаты (Из «Sur le Culte de Mithra», Felix Lajard, 1847.)

Рис. 39. «Трёхликая Геката».

фазы. Полумесяц — это растущая луна, рога обозначают луну в ее полной силе, и пёс символизирует новолуние.

Пес, или гончая собака — частый лунный символ. Связь между Исидой и Собачьей Звездой упоминалась в предыдущих главах. Этот лунный пес часто изображался трёхглавым. В греческой мифологии Геката, темная луна, всегда сопровождалась сворой гончих псов. Как Геката Трёхликая она была представлена в виде трёхглавого пса, который напоминает, что долгое время назад она и сама была лунной собакой. Ее троичность показана и в поздних статуях, где она появляется как тройная женщина. Одна из этих статуй изображена на рисунке 39. Часто рядом с ней собака, которой раньше являлась и она, или она держит факел — символ лунного света, ее фертильной силы и ее специальный дар. В поздние времена трёхликая Геката приняла форму столба, называемого Гекатерион. Часто статуи лунной богини были увенчаны головными уборами, представляющими ее трёхкратное владычество, либо она держала три символа в своих руках, которые обозначали «тройное расширение её власти... на небесах, земле и под землей.»¹

Синн также был троичным (см. рис. 21), и лунная богиня, заменившая его, была представлена как Три Святые Девы. Ислам принял этих трех святых дев и ввёл в свою религиозную систему в виде трёх дочерей Аллаха, так сохранился по крайней мере внешний вид единобожия.

Эти дочери Аллаха напоминают три аспекта арабской лунной богини. Они — Аль-Илат; Аль-Узза и Манат. Их имена интересны. Мы уже говорили об Аль-Узза. Она была черным камнем, которому до сих пор поклоняются в Мекке. Слово Манат означает «время» в смысле «судьба» и эквивалентно индуистской концепции кармы. Слово «мана», происшедшее из него, часто используется арабами в смысле *удача*.² Трёхликий характер «удачи», или судьбы, признается повсюду, это как «прошое, настоящее и будущее» или, в мифологических терминах, — мир земной, загробный и небесный. Noldeke предполагает, что в этом ключе арабская богиня идентична греческим Мойрам, Судьбе,

¹ R. P. Knight, «The Symbolical Language of Ancient Art and Religion» (New York, 1892), p. 101.

² R. Briffault, «The Mothers» (New York and London, 1927), III, 81. 218

и нордическим Норнам, которые, будучи богинями судьбы или фортуны, имели тройные свойства.³

И других троичных богинь луны можно обнаружить повсеместно. Мы упоминали здесь уже кельтскую Бригиту, представляющую три аспекта Лунной Богини, Бригентис. Три Бригиты из Ирландии — это то же, что Три Леди Британии, то есть фазы великой кельтской Матери Ану, или Аннис, луны, чьи святилища рассеяны по всей Ирландии, Уэльсу, Англии и Франции. В южной Франции Ану известна как Сверкающая. Она — покровительница плодородия, огня, поэзии и медицины. Но у нее была и другая сторона; она известна и как Черная Ану,⁴ которая, как считал народный фольклор, пожирала мужчин и превращала их в лунатиков.

Схожесть этой кельтской лунной богини, обладающей всеми своими атрибутами, и Магна Деа Востока — исключительно и совершенно необъяснимо, пока не начнешь понимать, что мифологические факты, дискредитированные наукой или рациональным знанием, в наши дни заново признаются как *факты* бессознательного, психики.

Когда в страны, где почиталась трёхликая богиня, пришло христианство, поклонение ей включили в систему. Идея тройной природы фемининного божества представлена в легендах о трёх Мариях. В Кафедральном Шартре Деву Марию сопровождает Мария Магдалена и Цыганская Мария. В Ирландии Три Бригиты были приняты католической церковью, и их святилища считались чудотворными. Но не везде такая ассимиляция воспринималась без протестов. Святой Августин в попытке обесценить поклонение Артемиде пишет: «Как может быть богиня одновременно и в виде трех лиц, и единой?».

Троичный аспект греческой лунной богини рассматривает Джейн Гаррисон, когда рассуждает о раннем разделении времени на периоды. Мисс Гаррисон говорит, что раньше в Греции месяц был разделен на три периода по десять дней, что соответствовало трем фазам луны и символизировало Трёхликую Гекату, и что это предшествовало

³ T. Nöldeke, «Arabia (Ancient)», Hastings' Encyclopaedia of Religion and Ethics (New York and Edinburgh, 1908), I, 659.

⁴ A. MacCulloch, «The Religion of the Ancient Celts» (Edinburgh, 1911), pp. 68, and «Celts», Hastings' Encyclopaedia of Religion and Ethics (New York and Edinburgh, 1908), III, 285.

нашему разделению на четыре периода или недели.⁵ В развитых из этого вавилонской и семитской системах недельное деление лунных месяцев связано с соблюдением Шаббата — дней-табу, которые приходились на новолуние и полнолуние, и позже — на каждую четверть луны.

Изменения в лунном цикле несомненно и были основанием, которое примитивные люди рассматривали при отсчете времени. Время до сих пор во многих частях мира меряется лунами. «Много лун назад» или «путешествие длиной две луны» — обычные выражения для определения продолжительности времени.

Изначальное видение года состояло в том, что в нем двенадцать лун или месяцев. Месяцы, не так как наши сегодняшние, соответствовали лунному циклу; здесь первый месяц выпадал на день, когда появлялся растущий месяц. Продолжительность времени определялась ночами, а не днями. Цезарь, например, записал, что кельты считали время лунами и ночами. В нашем языке остались пережитки этого способа отсчета времени, когда мы говорим о двухнедельных периодах («fortnight»), а есть еще устаревшее слово «senight», означающее семь ночей, или неделю. В одном весьма интересном значении мы используем слово «луна» вместо «месяц», когда месяц, посвященный Афродите, мы до сих пор называем «honeymoon» (медовый месяц).

Так что кельтский календарь рассчитывался по луне, а не по солнцу. Кельты вычисляли по луне даже летнее и зимнее солнцестояние — время, когда солнце находится в самой дальней северной точке или самой дальней южной — что, казалось бы, относится к солнечному календарю, и называли это время именами лунных божеств. Белтан — летнее солнцестояние, а Самхейн — зимнее. В обоих случаях празднования назначались на время начала роста луны. В старой Франции такие же расчеты подтверждаются фактом, что солнцестояние звалось *la Lunade*. В восточном лунном календаре солнцестояние рассчитывалось от соединения и оппозиции солнца и луны.

В арийской мифологии луна — самый старый измеритель времени; в вавилонской истории творения также все отмеряется луной. В пятой из «Пяти Скрижалей Творения» говорится:

⁵ J. Harrison, «Themis» (Cambridge, 1912).

Сияющему лунному богу вверяется ночь.
Он появляется ночью, чтобы определить дни;
Каждый месяц, не переставая.
В начале месяца ты засияешь.
Ты покажешь рога, чтобы обозначить день шестой,
И на седьмой день ты разделишь корону пополам.
На четырнадцатый день ты достигнешь половины...⁶

В египетской мифологии бог Тот, Отмеряющий, или Логос, выиграл у лунного бога пять дней, которые были необходимы для превращения египетского лунного календаря в солнечный. В Китае до недавнего времени все еще пользовались лунным календарем, и на работу нанимались специальные смотрящие, чтобы обнаруживать появляющийся месяц. Затем официальные лица извещались о том, что начался новый лунный месяц. В других странах, где лунный календарь был заменен на солнечный, лунным до сих пор пользуются для религиозных целей. Иудеи, мусульмане и христиане рассчитывают дни своих главных праздников, основываясь на лунном календаре. Например, Пасха выпадает на первое воскресенье, следующее за особенным полнолунием, и многие другие церковные праздники отсчитываются от Пасхи.

В раннем астрономическом календаре вавилонян двенадцать месяцев представлены двенадцатью знаками зодиака, по которым шумеры пять или шесть тысяч лет назад следили за видимым движением небесных тел. Вавилоняне называли эти знаки Лунными Домами и весь зодиакальный круг, знакомый сегодня как Великий Небесный Змей, они именовали Пояс Иштар. Месяц за месяцем знаки зодиака двигались по небу. Для нас, современных людей, это солнце прокладывает курс через них, и его движение представлено крылатым диском или солнечной свастикой, гаммадионом. Но для древних Зодиак был Поясом Иштар, и лунные изменения они выражали в терминах изменения положения луны на зодиакальном кругу. Для них луна была Крылатой, и были найдены некоторые древние свастики, у которых в центре вместо солнечного диска — растущая луна (рис.40). Goblet d'Alviella, собирающий разные примеры лунных свастик, считает,

⁶ R. W. Rogers, «Religion of Babylonia and Assyria» (London, 1908), p. 128. 221

что они представляют оборот или фазы луны, в то время как уравнишенный крест представляет солнечный, либо лунный свет, и он утверждает, что свастика относилась к лунным богиням, чьи изображения часто там обнаруживаются.⁷ В индуизме правосторонняя свастика представляет мужской принцип — свет, жизнь и славу; это солнце в своем дневном путешествии с востока на запад. Левосторонняя свастика же, наоборот, является символом богини Кали; это женский принцип — тьма, смерть и разрушение. Вот четырёхрукие свастики, основанные на кресте, и в дополнение — трёхрукие, или трёхногие свастики, называемые *triskeles*, обнаруженные на Сицилии и в кельтских странах (рисунок 41). Свастика с тремя лучами — официальный символ Острова Людей, где поклонялись кельтской Лунной Богине по имени Ану или Аннис. На монете с рисунка 33 выгравирована *Трёхликая Геката*, звание, которое связано с тремя фазами троичной лунной богини. Таким образом эти символы представляли движение луны как в ее циклических изменениях, так и в ночном путешествии по небу. Они показывали лунную богиню, путешествующую ночь за ночью по небу, а также проходящую через цикл из двадцати восьми дней.

На других изображениях луна сидит в колеснице, совершая в ней свое путешествие, а также, более часто, в лодке, поскольку ее путешествие — по воде (см. рис. 42 и 43). Она — принцип влажности, и ее странствия совершаются по рекам и водам. Например, Исида во время поисков тела Осириса путешествовала в маленькой лодочке, а Иштар и богиня Нуах, предшествовавшая ей, строила ковчег, лодку, в которую погружали детей и семена всех живущих растений, чтобы пережить потоп, который сама же устроила. Происхождение лунной ладьи (рис. 43) — египетское. Говорилось, что она движется сама и охраняется двумя глазами Гора, символизирующими лунный свет. Есть также две ассирийские картины, показывающие лунного бога (возможно Синна) в лодке-полумесяце, движущейся по небу. Та, что представлена на рисунке 44, пришла из Ур.

Движение луны по небу представлялось как путешествие бога, предпринятое в лодке или колеснице, а иногда луну изображали как летящую сквозь небеса. Такое движение было иллюстрировано

⁷ Goblet d'Alviella, «The Migration of Symbols» (London, 1894), p. 71. 223.

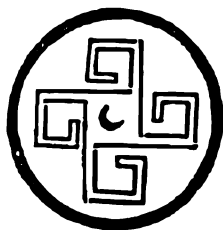

Рис. 40

Рис. 41

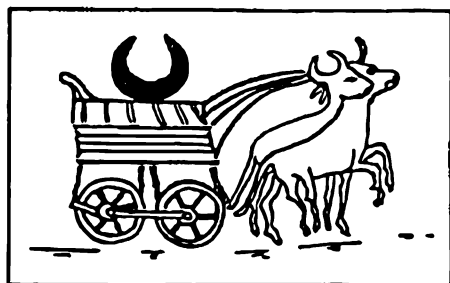

Рис. 42

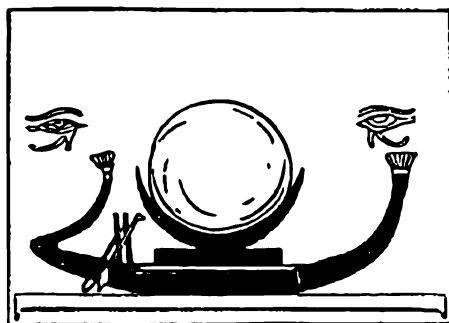

Рис. 43

Рис. 44

Рис. 40. Лунная свастика с критской монеты (Из «Миграция Символов», Goblet d'Alviella, 1894.)

Рис. 41. Лунные Свастики с сицилийских монет (Из «Symbolical Language of Ancient Art and Mythology», R. Payne Knight, 1892.)

Рис. 42. Лунная Колесница. Растущий месяц здесь изображен в колеснице, запряженной козами. Богиня Кибелла в человеческой форме часто изображается в подобной колеснице (Из «Sur le Culte de Mithra», Felix Lajard, 1847.)

Рис. 43. Египетская Лунная Ладья, в которой отдыхает луна, полумесяц держит полную луну на своих рогах. Считается, что Ладья самоходна и в пути её охраняют два Глаза Гора (Из «The Dawn of Civilization», G. Maspero.)

Рис. 44. Лунная Ладья из Ура, 2300—2100 до н.э. Лунный Бог сидит в ладье, плывущей по небу (Британский Музей, Лондон)

крыльями луны, как на ассирийском изображении (рис.16) или лучами свастики (рис.41)

Тесно связано со свастикой буддистское колесо чакр, представляющее круговорот небесного света. В брахманических текстах утверждается, что чакра — это луна, а не солнце.

В ранних буддийских текстах написано: «Небесное драгоценное колесо... появилось как царь в день полнолуния.» То, что колесо символизирует луну, а не солнце, мы находим и в мысли ранней западной античности, Ассирии и Египте. В этом первоначальном мифе о возникновении света из тьмы или хаоса луна считалась светилом, наиболее тесно связанным с тьмой и пересекающей не только небеса, но и подземные воды в глубине Земли. В «Вишну Пуране» есть отсылка к этому: Варуна возжелал пахтать космический океан. Первое твердое вещество, появившееся в результате, дало Семь Драгоценностей, или Чакр. Сомы, то есть Дух, напиток бессмертия, появилась в последнюю очередь. Сомы так тесно связана с луной, что в Ригведе сома часто означает луну. Дух, как и разум, идет с луны. Во многих языках слово разум (*mind*) связано с луной (*moon*), что доказывает, что связь луны и разума относится не только к индийскому образу мышления. Например, наше слово «ментальный» происходит от латинского *mentis*, означающего соединение, и корень *men* можно обнаружить в *mensura*, измерение, и *mensis*, месяц, а слово *lunacy*, психоз, происходит от французского *lune*, означающего также и луну.

В буддийских странах для ворожбы трясли колесо, или чакру. Практика напоминает пахтание космического океана, приведшее к возникновению сомы, или разума. Это также тесно связано с другими методами ворожбы, принадлежащими Лунной Богине. Систры Иисиды трясли, чтобы отвратить врагов во время вознесения. В некоторых скульптурных изображениях Дианы она представлена с систром в руках. Этот музыкальный инструмент имел волнистую форму, напоминающую лунную орбиту. Музыка, сама по себе ассоциируемая с луной («музе» — *moon*), всегда признавалась как обладающая магическими свойствами. «У музыки есть сила успокаивать». Орфей, охваченный этой силой музыки, в своей высшей степени звался Музеос, Лунный Человек.

В поклонении Гекате, богине новой луны, чьи магические силы чрезвычайно мощны, использовался похожий инструмент. Он звался круг Гекаты. Круг состоял из золотой сферы с сапфиром в центре. Он скручивался из ремешка из воловьей кожи и помогал обнаруживать

потерянные вещи. Станным образом этому греческому символу соответствует буддийское изречение «луна — это серебро с жемчужиной внутри, холодная в обоих своих аспектах, внешнем и внутреннем.»

Вдохновение, или понимание, которое дает Лунная Богиня, выражено во многих ее званиях. Китайская лунная богиня, Шинь Мо, зовется Совершенный Ум; Исида — это Маат, Древняя Мудрость; Иштар поет «Я появляюсь, чтобы совершать предсказания, я являюсь как Совершенная». В некоторых гностических системах Царица Небес — это божественная София, Мудрость. Святой дух идентичен ей и почитается как Мать Христа. Дух представлен голубем — птицей Великой Богини; Фило даже считает, что птица — это и есть София, Мудрость. Так что луна представляла мудрость природы, инстинкта, а солнце — сознательное рождение способности человека дифференцировать, расставлять вещи по местам, что является функциями Отмеряющего, Логоса. «Эффект, который дает луна», говорит Плутарх в своей «Исиде и Осирисе», «схож с причиной и мудростью [и приносит его магия, знания и искусство], а солнце приносит то же самое физической силой и насилием.»

Однако даже и у этого аспекта луны есть тёмная сторона. Ведь Лунная Богиня не только дает свет, то есть понимание или осознание, но ее свет может порождать тьму, ее ум — запутывать. Экстаз, который порождает напиток сома, может привести к безумию. Она дает знание, но это знание человеку слишком сложно выдержать, оно может разрушить человеческий разум. Быть осененным луной (*mens*) приводит к разумности (*mens*), а быть пораженным луной (*luns*) приводит к безумию.

Так что Геката звалась Антеа, что означает Дающая Видение, но она несла и безумие. Когда сын Кибеллы Аттис влюбился в дочь царя, она наслала на него проклятие, закончившееся безумием.. Так происходило и с целым рядом других лунных богинь. Воодушевление и помешательство недалеко друг от друга. Гениальность недалеко от психической ненормальности. Вид понимания или вдохновения, которое дает луна — это не рациональное мышление, оно больше похоже на художественную интуицию сновидца и пророка. Иллюстрация к такой точке зрения дана в истории о поисках Исидой потерянного саркофага с телом Осириса. Никто не знал, где он. Свою первую подсказку Исида получила из лепета маленьких детей, видевших плывущий саркофаг. Следующую подсказку дал ей

пес Анубис, приведший ее к месту на берегу, к которому причалил саркофаг. Но саркофаг уже забрали и никто не сказал ей, кто именно это сделал. Затем она услышала голос демона, рассказавший ей о случившемся. Детский лепет, инстинкт животного и ее внутренний голос руководили ее поисками.

Лунное воодушевление часто воспринимается как похожее на то, что несет напиток сома. В изложенном выше мифе о происхождении сома говорится, что она произошла от пахтания космического океана, то есть из первичных вод. В других мифах мы находим, что сома появляется из плодов лунного дерева. (Рис. 20, 6 и 7, также 13). Считалось, что лунное дерево растет прямо на луне и приносит плоды, из которых боги берут напиток сому. Это божественный источник, дающий им мудрость и бессмертие. Но у лунного дерева есть аналог, растущий на земле, и его называют сома.⁸ Оно растет в северо-западной Индии, и из него готовят сорт вина, обладающий наркотическими и интоксигирующими свойствами. Оно используется в религиозном обряде соединения с божественным духом. Е. Washburn Hopkins пишет: «Перед концом эры Ригведы желтое растение сома, собираемое с лунного дерева, вымоченное в воде и молоке и обладающее свойствами «набухания» во время «очищения», стало эзотерически идентифицироваться с желтой, растущей луной.»⁹

Боги пили сому небесного дерева и так получали бессмертие. В индуистском сома-ритуале мужчины пьют земную сому и впадают в экстаз, который роднит их с богами; так они наполняются духом, манас. Во многих религиях использовался похожий метод достижения экстаза при помощи использования интоксикантов; хоама, например, использовалась в зороастрийских обрядах; в дионисийских мистериях — вино; кактус пейотль в некоторых северо-американских культах; интоксикант октли — в Мексике и Перу, и не следует забывать, что во время христианских таинств употребляют вино. О хоама в Авесте, священной книге зороастрийской религии, говорится, что она дает небеса, здоровье, долгую жизнь, силу противостоять злу, победу над врагами. Хоама особо ценилась юными девушками, ищущими хороших мужей, или замужними женщинами,

⁸ The soma plant is probably *Asclepias Acida*, or *Sarcostemma Viminale*. 226.

⁹ E. Washburn Hopkins, «Soma,» Hastings' *Encyclopaedia of Religion and Ethics*, XI, 686.

желающими стать матерями, и студентами, жаждущими знаний. Авеста утверждает: «Я, Хоама, священная и отвращающая смерть, я не защищаю грешников.» В «Satapatha-Brahmana» говорится, что чаша сомы — ничто иное, как речь. «И Чаша Сомы — это несомненно разум.» Индийские женщины совершают церемонию сомавати, обходя священное фиговое дерево, когда новолуние выпадает на Сомавара, то есть понедельник, свой лунный день. В гностических мистериях говорится, что Мужской Небесный Рог — это питьевой сосуд, из которого пьет царь. Следует напомнить, что Мужчина — это фригийский лунный бог.

Применение таких веществ с религиозными целями отличается от наших концепций религии, ведь религия для нас стала почти синонимом этики. Но под воздействием этих интоксикантов верующий, во время таких эмоциональных ритуалов, освобождался от своего повседневного Я. Он переживал состояние сознания, ведущее к экстазу. Он заполнялся богом и некоторое время находился в духовном единении с божественным духом. В этом экстатичном состоянии он переживал «ощущение бессмертия».

Не только там, где процветала вера в лунное дерево и напиток сома, но и у многочисленных племен и народов земли считалось, что луна обладает бессмертием и силой оживления преданных ей. Вот как к ней обращались в молитвах: «Как луна умирает и вновь возрождается к жизни, так и мы, умирая, вновь будем жить» (калифорнийские индейцы); «Даже если люди скажут мне — «он умрет», пусть произойдет так, как с тобой, пусть я воскресну вновь, как месяц» (индейцы Такелан); «Пусть боги дадут мне жизнь, которая, как луна, обновляется каждый месяц» (древние вавилоняне); «Пусть моя жизнь обновится, как обновляешься ты» (женщины Лоанго); «Он воскрес! Бог вновь воскрес; Бог создал нас такими же вновь воскресающими» (женщины-христианки из Абиссинии). У бушменов есть поверие, что луна сама передала людям: «Иди и передай людям мое послание. Скажи им, что так же, как я умираю и возрождаюсь, так и они после смерти возродятся вновь.» У мадагаскарских племен Танала есть миф о том, что первому человеку был дан выбор — умирать как луна и, как она, возрождаться вновь или умирать как банановое дерево, полностью, но иметь возможность размножаться как вид, так же как банановое дерево размножается своими корнями. Прародители выбрали размножаться и умирать,

как банановое дерево и потеряли возможность стать бессмертными, как луна.¹⁰

Так что луна дает много даров. Она дарит вдохновение, экстаз, магическую силу и бессмертие. В Упанишадах говорится, что луна — это и есть магическая сила, разум, манас. И «когда манас (разум) возрождается после смерти, он становится луной.» В этом тексте отражена связь между магической силой луны и бессмертием. Два великих таинства жизни — это дары луны. Она дарит плодородие, или возрождение, через потомство; и кроме того считалось, что она дает индивидуальное бессмертие. Мадагаскарский миф гласит, что у человека был выбор между бессмертием и размножением. Древний индийский текст подтверждает эту идею. Там написано: «Зная это, древние люди не желали потомства. Зачем нам потомство, говорили они, нам, у кого есть Самость и мир (Брахман)... Это великое нерожденное Я, неумирающее, бессмертное, бесстрашное — это и есть Брахман. И вновь: «Все, кто покидают этот мир или это тело, сперва попадают на луну. Но луна — это также дверь в небесный мир, и кто может ответить на его вопрос, того он пропускает дальше.» В персидской, индийской и египетской литературе луну называют местом, куда душа идет после смерти. На луне душа предстает перед судом и либо двигается в высший мир, либо назад на землю, принимая новое воплощение. На луне ладья с мертвыми путешествует в загробный мир, где ждут они возрождения; поэтому Иштар, лунная богиня, была известна как Ладья Жизни, везущая семена всех живых существ. Луна — это Место Рождения; она — Дающая Плодородие; она — Место Мертвых, ведь именно на луну они попадают после смерти; и она Место Возрождения, так как дает перерождение и бессмертие. Наш краткий обзор лунного символизма наилучшим образом можно завершить, упомянув изображение индейских матерей Мексики, протягивающих своих детей молодому месяцу, и моля Мать Луну одарить их вечно-обновляющейся жизнью, такой же, как ее собственная. Индусы говорят, что поддержание священного огня символизирует постоянно обновляющийся лунный свет, «поддерживая огонь, молящийся возрождает себя; жизнь становится благотворной, так он спасает самого себя.»¹¹

¹⁰ Briffault, op. cit., II, 641–673.

¹¹ «Satapatha-Brahmana».

ВДОХНОВЕНИЕ И САМОСТЬ

Какое-то время мы рассматривали лунный дар бессмертия. В легендах о соме мы обнаруживаем и другой дар, а именно, вдохновение или экстаз, ведущие к финальному посвящению луне, то есть к более высокому состоянию сознания. Это новое состояние однако происходит не от Логоса, ясности ума, или интеллекта, но из бессознательного.

Ведь вдохновение луны идет, как говорят мифы, от темной луны и из напитка сома, получаемого из лунного дерева. Оно воплощается не через рациональное мышление, а через темные, непонятные движения и импульсы тьмы, интоксигирующие как сам напиток сома, порождающие энтузиазм, ведущий даже к безумию. Есть сому, или пить её — означало вкушать пищу богов, стать богоподобным, присоединяясь к тому, что отделяет богов от смертных людей. Эти свойства — сила преодолеть смерть, быть бессмертными, сила создавать, творить ранее несуществующее. Эти два дара дает напиток сома.

В индуистском учении о соме говорится: «... луна. Это Сомы, Царь. Это пища богов. Боги питаются этим.»¹ В другом переводе этого текста мы читаем: «Царь Сомы — это пища богов и едят её боги.. Но они — те, кто завоевывает миры при помощи жертвоприношения, благотворительности, аскезы, движутся в дым, дым — в ночь, ночь — в убывающую луну, убывающая половина луны — в мир предков, от мира предков — на луну. Достигая луны, они становятся пищей, и потом Дэвы (боги) питаются ими, как приносящие жертвы питаются Сомой, убывающей и прибывающей.»² Другой отрывок

¹ Khandogya Upanishad 5, 10, 4.

² Brihadaranyaka Upanishad 6, 2, 16.

гласит: «Так же как кто-то поедает Царя Сому, так и их поедают боги. Эта луна — мед (нектар) всего живого, и все существа — это мед этой луны. Так же как существует светлый бессмертный человек на луне, и этот светлый бессмертный человек, существующий как разум в теле, одновременно и душа. Он — то же, что Самость, этот Бессмертный, этот Брахман, этот Всё».³ «Человек, или дух на луне, на кого я медитирую. Я медитирую на него как на Сому, Царя, Селф (Атман), источник всей пищи. Тот, кто медитирует на него таким образом, становится сам источником всей пищи.»⁴ Или как можно прочесть в другом отрывке: «становится Самостью Питания.»

Сома — пища богов, и люди тоже могут вкушать её, став таким образом частью Самости, Атмана. Это мистический путь, через который выражена вера, что у совершающего ритуал развивается Самость, являющаяся не личным эго, но безличностным, частично перенимающим качества божественной Самости, или Атмана. Это Я — уникальное, оно «свободно от пар противоположностей», «никогда никому не подчиняется», «оно недвижимое и не имеет дома».⁵ Юнг называл его безличностным, незгостным, Самостью, и мне следует отправить читателей к его работам, чтобы осветить эту тему.

Древнее учение о луне утверждает, что это «Самость» развивается в человеке, который прошел необходимые посвящения лунному божеству, или, как мы могли бы сказать в психологических терминах, посвятившему себя фемининному принципу.

Самость обладает качествами, которые могут противостоять заполнению хаотичным бессознательным. Ведь говорится, что Самость — неподвижна, не имеет дома, то есть не зависит от устроенности или обусловленности, её сила — в самой себе; можно также сказать, что её сила — быть самой собой. Она — то, что есть, и ничего больше. «Она никому никогда не подчиняется». Ритуал выпивания напитка сома обладал силой помочь соприкоснуться верующему с этим аспектом своей психики, вечной, неподвижной реальностью Самости.

Во время этого обряда посвященный давал себя заполнить богу. Он знал, что потеряет личный, сознательный контроль. Он станет

³ Brihadaranyaka Upanishad 2, 5, 7.

⁴ Kaushitaki Upanishad 4, 4.

⁵ Mahabharata, Anugita XLIII.

добычей любых мыслей или побуждений, пришедших к нему из неизвестного. Его разум превратится в площадку для игры необычных мыслей, непредсказуемых чувств и импульсов. Он испытает интоксикацию, экстаз, божественное состояние. Даже те, кто думают, что Бог — благой, любящий отец, благотворное духовное существо, все еще могут сомневаться перед тем, как таким образом предаться в его руки и под влиянием напитка сома отречься от своего личного эго-контроля. Даже то обновление, которое, как они верят, даёт сома, может быть недостаточным, чтобы выпустить из рук их личную автономность. Насколько большее жертвоприношение требовалось от тех, кто верил, что Бог, как луна, одновременно и светел, и темен, разрушителен, как и созидателен, жесток, как и добр. Насколько великим должна была быть преданность, можно ощутить лишь размышляя о том, как можно отдаться демоническому влиянию, идущему из глубин нашей собственной психики. Ведь в действительности мы находим, что вера в единство одного хорошего Бога — это ничто большее, как интеллектуальная формула, уравновешенная теорией, что человек — это жертва первородного греха, который спонтанно проявляется в нем, лишь стоит на мгновение ослабить контроль.

О том, что это означает психологически — пить напиток сома и позволять внутреннему демоническому голосу говорить и захватить контроль, Юнг говорил в своем эссе «О становлении личности». Осмелиться послушаться этого внутреннего вдохновения, чей голос вещает о запредельной реальности своей собственной сущности, требует акта веры, довольно редкой. Когда появляется убеждение, что все, собранное вместе, или созданное, не имеет окончательной реальности и поэтому обязательно распадется, то тогда можно обратиться к своей собственной конечной реальности и поверить в то, что она одна, и лишь она, имеет ценность и значимость. Юнг использовал греческое слово *pistis*, чтобы выразить этот вид веры. *Pistis* означает религиозную преданность, имеющую мало общего с интеллектуальным кредо или верой. Это вера или преданность правильности, в мудрость внутренней искры, которая говорит и действует сама по себе, вне нашего сознательного контроля. Эта мудрость была названа Божественной Софией. Греческое слово *sophos* означает «мудрость», и София — это олицетворение мудрости, Госпожа Мудрость, или Богиня Мудрости. Она — высшее воплощение фемининного принципа, Лунной Богини в ее ипостаси духа, божественного знания.

Лунные богини в большинстве случаев считались источником знания и мудрости. Слово, используемое для обозначения ментальной активности, во многих языках ассоциируется с луной или лунными боже-ствами, и в то же время часто имя лунного божества обозначало гораздо больше, чем ментальную активность. Например, Платон говорил, что древние обозначали Священную Царицу, называя ее Исида и Умственное Восприятие и Благоразумие, так как греки считали, что имя Исида родственно Исиа, означающее знание. Возможно, этимология неверна, но комментарии показывают, что для греков времен Платона богиня Исида являлась богиней знания. Одевание Исиды, Богини Мудрости, скрывает самое глубокое откровение, и Шинь Моо, китайская лунная богиня, звалась Совершенный Ум, а Дева Мария, Луна нашей Церкви — тоже носитель Совершенной Мудрости. Для гностиков Греции и Египта София являлась Божественной Мудростью, женской формой Святого Духа. Посвящение, или вера в эту мудрость — это единственный мотив, дающий возможность человеческому существу, будь то мужчина или женщина, услышать свой внутренний голос, отказаться от своей независимости и уступить потоку темных лунных сил, приняв напиток сома.

Однако ритуал сома высоко ценился посвященными и приносил им бесценный дар, о котором они говорили так:

Мы выпили Сому,
Мы стали бессмертными;
Мы пришли к свету,
Мы нашли богов.⁶

Считалось, что напиток сома приносит не только бессмертие, но и вдохновение и мудрость. Эта мудрость — не результат знания, обширной эрудиции или словесного опыта, но скорее мудрость природы. Это мудрость, которая знает без знания как. Например, чайка может парить так, как не может ни один современный аппарат. Эта бессознательная птица использует ветер с его потоками и скоростью, она знает все об областях высокого и низкого давления без знания чего-либо о них. Птичье бессознательное знание — это

⁶ Rig-Veda, 8, 48, 3.

образ лунной мудрости, которую мы, люди, так часто обмениваем на сознательную, рациональную и точную информацию. Наша информированность — это бесценное достижение, но это лишь инструмент разума, а не реальная мудрость. В индийской священной книге Махабхарата говорится: «Верховный Бог создал все существа... его разум в луне, его понимание вечно покоится в знании.» «Когда понимание своего собственного движения формирует идеи в самом себе, тогда оно зовется Разумом.»⁷ В этом тексте выражено согласие с примитивными концепциями о том, что одним из базовых качеств луны является ее свойство давать людям мысли, идеи и вдохновение. Ведь луна, *mens* — это разум, не только в разных языках, но и в более глубинном смысле. Индийская мысль говорит, что луна — это Царь Сомы, и сома — и есть манас, разум.

Однако идеи, которые приносит луна, далеки от академической мысли с ее умением анализировать, организовывать, формулировать. Эти аспекты мышления принадлежат солнцу, а луне — фантазия, интуиция и странные идеи. Считалось, что луна порождает в уме человека идеи и фантазии, которые не соответствуют его интеллектуальным стандартам, а являются странными и причудливыми, и благодаря глубокой истине, скрытой за этими необычными формами, могут быть творческими и новаторскими. Эти идеи наполнены особыми эмоциями или интоксигирующим удовольствием, как экстаз напитка сомы.

Поэтому луна отвечает за странный вид мышления, живущий совершенно автономно; рациональные человеческие законы не контролируют его, так же как невозможно управлять движением луны в небесах. Человек сам по своей воле может сесть и начать думать логически. Он может сказать: «Сейчас я буду работать над этой математической задачей, или нарисую план того, либо этого», и его мышление подчиняется ему. Но лунное мышление происходит само по себе. Оно не подчиняется логике. Оно не приходит, когда его ожидают. Оно не подчиняется командам человека. Оно не создается в его голове. Оно поднимается скорее из самых низших глубин его существа и одурманивает ум как интоксигирующий напиток, сома.

Такого рода мышление презираемо нами, но оно высоко ценилось в течении многих веков и во многих цивилизациях. Оно воспринималось

⁷ Mahabharata. Mokshadharma Parva cclxxx. 234.

как охваченность божественной мощью. Даже когда это происходило в экстремальной форме, как при психозе, примитивные и древние люди считали, что через это безумие говорят боги. Сегодня в современном искусстве мы вновь обнаруживаем культ, происходящий сам по себе. Наши художники ищут способы выразить то, что не является рациональным и разворачивается по своей собственной воле. Для нас, в двадцатом веке, несомненно ценно то, что скрывается в иррациональности, в том, что не контролируется сознательными законами. Ее можно назвать мудростью Исиды, которая при поиске потерянного тела мертвого Осириса пришла к ней иррациональным образом. Сперва ее направил детский лепет, потом собачий инстинкт, и наконец ее внутренний демонический голос. Эти три стадии представляют пути, которые могут сегодня помочь мужчинам и женщинам услышать голос лунной мудрости, как это сделала Исида. Лепет маленьких детей представляет, возможно, движение неосознанных фантазий, текущих под сознательным потоком, куда направлено внимание; инстинкт собаки — это тело, животная часть человека. Эти намеки средним человеком обычно не воспринимаются, он считает их слишком тривиальными, чтобы рассматривать серьезно. Днем внутренний голос говорит, хоть обычно его и забивают личные интересы и требования мира. Его легче услышать в снах и видениях ночи.

Обращать внимание на эти вещи без сомнения нелегко, это требует отречения от личной автономии, позволив на некоторое время неизвестным идеям и страстям захватить разум. Обычно человек, в котором поднимается «лунное мышление», чувствует, что в этом процессе есть что-то низкое, недостойное, нечто жуткое, нечистое, что может запятнать его. Он чувствует, что такое мышление не маскулинный, а женский вид мышления, и он может добавить, что женщины в основном мыслят в такой запутанной манере. Но некоторые женщины, если их спросить, скажут, что мысли и вдохновения, приходящие к ним из их глубин, возможно очень правильны, на которые можно положиться и действовать, доверяя им. Когда в своей голове женщина думает, как думал бы мужчина, часто она ошибается; её с легкостью обманывают готовые мнения, и когда ее мышление такое, оно обычно непродуктивно и некреативно. Идеи, сформированные под влиянием луны, даже если кажутся недостойными, все же обладают неотразимой силой и качеством, которыми редко обладают идеи, сформированные в голове. Они как луна, которая растет сама по себе.

Они требуют выхода; если подходящего выхода нет, то они становятся навязчивыми, и провоцируют, как говорили примитивные люди, «лунный психоз». Ведь дети луны должны родиться, точно так же, как физические дети. И более того, как говорили индусы, лишь когда Понимание своего собственного движения формирует идеи внутри, это может быть названо Разумом. Когда это слово написано заглавными буквами, то Разум соотносится с Атманом, высшим сознанием, Самостью. Другими словами, когда кто-то слушает голос этого вне-личностного фактора в своей собственной психике, он вступает в соприкосновение с этим уникальным фактором в себе, с тем, что индусы называли частью Атмана, Самостью. Через этот опыт обновляется индивидуальная жизнь, становясь частью вечно обновляющейся жизни луны.

Трудно сказать с определенностью, что для нас может означать признание символов символами и то, что мы переводим целое в психологические термины. Несомненно это не означает, что если отдаться во власть бессознательного, отрекшись от всех достижений сознания, мы достигнем вечной жизни. Такое направление действий не породит ничего, кроме дезинтеграции, потери индивидуальности и, в экстремальной форме, приведет к умственному дисбалансу или сумасшествию. Нам бред лунатика не кажется голосом оракула, вещающим о божественной мудрости. Если странные мысли и образы, поднимающиеся из бессознательного, вообще обладают для нас ценностью, то их нужно интерпретировать, сделать доступными через медитацию человеческого понимания. Нужно спросить как в легенде о Граале: «Что это означает?».

Однако и здесь учение мистериальных религий должно быть понято в их собственных определениях. Ведь как обряд храмовой проституции для средней женщины являлся ритуальной инициацией, которую следовало пережить лишь раз и ни в коем случае не служащий распутству, так и ритуал распития напитка сома был посвящением, не предполагающим, что инициируемый отдаст свою личную автономию для целей повседневной жизни, и не оправдывающим пьянство и разврат. Когда мы переводим это в понятия современной жизни, это без сомнения означает, что так же, как каждой женщине необходимо раз в жизни отдаться чужому, через которого она примет свои собственные эмоции и инстинкты, то есть совершить иерогамию, вступить в священный брак в храме Богини, во время которого

женщины прошлых времен отдавались своему инстинкту, принося в жертву требования обладания мужчиной, так похожим образом мужчины и женщины должны услышать голос своего внутреннего демона, позволив говорить ему без цензуры рационального мышления или обусловленной морали. Через этот опыт индивид может познаться с истинной реальностью своей собственной природы. Он обучается познавать свои глубины и свои пределы.

Религиозные тексты говорят, что такой опыт содержит дар бессмертия. Однако мы не знаем, как эти слова понимать сегодня. Мы ничего не знаем о жизни после смерти, мы не знаем, есть это вообще или нет. Но мы знаем о признании людьми факта, что опыты посвящения, такие, как были описаны, порождают ощущение бессмертия. Таким людям мир виделся в новой перспективе. Кажется, что каким-то образом, и это очень реальный психологический опыт, они освобождаются от абсолютного господства здесь и сейчас, как если бы они: все еще живя в реальном мире, видели его с точки зрения вечности. Чтобы достичь такого отношения, по крайней мере необходим субъективный опыт состояния бессмертия, включает это в себя бесконечную жизнь после смерти или нет.

Есть пассаж в одном герметическом тексте, называемый «Вуаль», который выражает эту точку зрения. В нем говорится, что вуаль (покрывало) означает Вуаль Вселенной, усыпанную звездами, разноцветную Вуаль Природы, знаменитую Вуаль или Покрывало Исиды, которую не может поднять ни один «смертный» человек, потому что Вуаль — это духовная природа самого человека и поднять ее — означает выйти за границы индивидуальности, сломать границы смерти, и таким образом стать сознательно бессмертным.⁸

Поднять Вуаль Исиды означает увидеть Природу так, как она есть, понять, что лежит за проявлениями этого мира, эмоций, движущих нами, увидеть их в их истинной реальности, не завуалированной более обычаями или условностями, рационализацией или иллюзиями. Тот, кто способен сделать это и таким образом посмотреть в лицо реальности, становится сознательно бессмертным, или, возможно, это можно прочесть как «сознание бессмертия», поскольку он освободил свой разум от обусловленности времени и пространства,

⁸ G. R. S. Mead, «Thrice-Greatest Hermes», I, 62. 238.

и особенно от искажения фактов, которое создала его собственная эго-ориентация. Его центр сознания переключился от персонального «Я» к более бескорыстной точке, более отстраненной, включающей в себя больший диапазон.

Эта смена психического фокуса так важна и имеет такие далекие последствия, что она символизируется в лунных религиях достижением бессмертия. или рождением бессмертного ребенка, спасителя. Ребенка, рожденного от посвящения Лунной Богине, не следует путать с человеческим ребенком во плоти. Это психический, а не телесный ребенок, и он является символом новой индивидуальности, рожденной от внутреннего опыта, подобного тому, который мы обсуждаем.

Рихард Вильгельм перевел Тайну Золотого Цветка — китайское учение, относящееся к рождению Священного Ребенка, а Юнг дал блестящие психологические комментарии к этому труду. В них описан восточный метод разворачивания психологической энергии внутрь. Если энергии позволить течь наружу, бесконтрольно, она создает внешний мир, а если ее движение наружу взять под контроль и развернуть по направлению к центру, то она созидает внутренний мир. Созидание, продуцированное исходящей наружу энергией, включает в себя всю внешнюю активность человека, работу, социальные отношения, детей, семью, дом и так далее. Внутреннее созидание, продуцированное наполнением энергией — это психическое дитя, которое Юнг считает индивидуальностью. Эти идеи появляются также в учениях лунных религий. Рождение реального физического ребенка противопоставляется силе развить внутреннее психическое дитя, которое считается бессмертным, потому что находится вне обуславливания этого мира, существующее в реальности, отличной от внешней или видимой вселенной.

Желание иметь физического ребенка связано с почти универсальным желанием бессмертия. Среди примитивных народов и на Востоке одной из основных причин желания иметь детей является то, что должен быть кто-то, совершающий похоронные обряды и продолжающий совершать жертвоприношения предкам, которые помогают сохранить дух живым во время его путешествия в другие земли. Многие народы также ощущали, что родители получают определенное бессмертие через своих детей, ведь те носят их семейное имя и таким образом в них продолжается жизнь родителей.

В некоторых очень ранних и примитивных мифах, однако, сделано различие между частичным, или квази, бессмертием жизни,

проживаемой в личности ребенка, и более прямым бессмертием самого индивида как такового. Идея заключается в том, что божественный творческий импульс в человеке может быть направлен как на рождение человеческого ребенка, так и быть ассимилирован в самого индивида, создав в нем бессмертный дух. Не лишь в одних примитивных мифах видна эта антитеза между бессмертием и рождением ребенка. В апокрифическом Евангелии от Египтян записан разговор между Христом и женщиной по имени Саломея: «Когда Саломея спросила, как долго будет господствовать Смерть, Иисус сказал: «До тех пор пока вы, женщины, будете рожать детей; и я пришел разрушить Труды Женщин. И Саломея сказала Ему: Значит я хорошо поступаю, не имея детей? Господь ответил так: Ешь всякую траву, но не ту, которая горька. Саломея хочет узнать, когда же это случится, Господь сказал: Когда ты истопчешь это позорное одеяние; когда эти двое станут одним, а мужчина и женщина больше не будут ни мужчиной, ни женщиной.»

Изречение «Когда двое станут Одним, и Мужчина с Женщиной ни мужчиной, ни женщиной» говорит о внутреннем браке женской и мужской частей психики, с помощью которого индивид становится целостным. Если я правильно прочитываю эту фразу, ответ Христа может означать, что внутренний брак даст рождение внутреннему ребенку, который принесет свободу от власти смерти. Этот пассаж можно соотнести с индуистским изречением: «Какая надобность нам иметь детей, нам, у кого есть своя Самость?»

Самость — это плод психического развития, ребенок внутреннего, или священного, брака. Эту идею можно сравнить с халдейским изображением (рис.20). На нем плод священного лунного дерева изображен как Синн, молодой или растущий месяц, герой, победивший врага своего отца. Он и есть плод дерева. Напиток сома, выжатый из этого плода, одаряет вкусивших присущим ему божественным даром. Символизм нам очень знаком. Адонис был плодом, родившимся из дерева; Дионис был плодом виноградной лозы, его кровь была вином, которое пили его последователи. Смерть Христа продолжает ту же мистерию и во время причастия в кубке находится вино, символизирующее его кровь. Это кровь или сок плода дерева, этот плод представляет высшую стадию развития дерева, дерева жизни, дающего бессмертие. Та же идея выражена в символизме розы и креста, где роза, Роза Иисуса или Благословенной Девы, это цветение креста,

или дерева. В посвящении Исиде, описанном Апулеем, упоминается, что послушник освобождается от уз своей бренной природы, поедая Розы Исиды, цветы дерева.

Символизм показывает нам точку развития от принципа *единственности* к принципу *двоичности*, который в гностических текстах, упомянутых выше, представлялся как брак Мужского и Женского. Эрос фемининного принципа соединяется с маскулинным принципом Логоса, и плод союза, представленный Лунным Человеком, Ребенком-Героем, это предвестник той Самости, о которой с такой уверенностью говорят индусы.

Мы, жители Запада, лишь смутно ощущаем эти мистерии. Мы не можем с такой уверенностью говорить о них, но в то же время мы не можем и игнорировать тот факт, что современная поэзия и искусство, сны и фантазии множества людей сегодня соотносятся с мифами и религиозными учениями прошлого. Символы, появляющиеся в наши дни, и их развитие, показывают, что под поверхностью сознательного происходит движение, которое повторяет базовые пути развития, увековеченные в учениях прошлого. Они говорят о тропах возрождения, новых для нас сегодня, но в реальности — очень древних, тропах обновления через низшее, являющееся фундаментальным в учениях о лунных религиях, и в поклонении фемининному принципу.

В изображении Божьей Матери — древней и всемогущей — женщины старых времен находили отображение своей собственной женской природы. Через преданное исполнение ритуалов, предписанных им, эти женщины вступали в связь с самим Эросом. Сегодня богине больше не поклоняются. Ее храмы затеряны в глубине веков, а статуи пылятся в музеях. Но сила и жизненная потенция закона, который она олицетворяет, не ослабевает. Наша верность долгое время принадлежала лишь маскулинной силе. Однако сегодня древний фемининный принцип вновь заявляет о своей власти. Принуждаемые страданиями и несчастьями, возникшими от отсутствия почитания ценности Эроса, мужчины и женщины вновь поворачиваются к Лунной Матери, но теперь не через религиозный культ, даже не через сознательное знание того, что они делают, а через изменения в психологическом отношении. Ведь этот закон, в древние и более наивные дни проецируемый на формы богинь, больше не видится в облике религиозных догм, а ощущается как психологическая сила, поднимающаяся из бессознательного, обладающая, как Магна Деа прошлого, силой вершить судьбы человечества.

КЛУБ КАСТАЛИЯ ПРИГЛАШАЕТ

ПСИХОТЕРАПИЯ

**ТОЛЬКО ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ
МОСКВЫ.**

- Для тех кто желает пройти Юнгианский анализ.
- Для тех кто заинтересован в путешествии в глубины себя.
- Для тех кто желает познать законы внутреннего мира и научиться понимать язык сновидений.

Юнгианский анализ

Олег ТЕЛЕМСКИЙ, автор множества книг и руководитель юнгианского просветительского проекта Касталия, предлагает **личный анализ**.

Стоимость одного часа 1500 р. (цены на момент март 2016г).

Для переводчиков Касталии — бесплатно.

По всем вопросам пишите **aton93@yandex.ru**

АСТРОЛОГИЯ

Астрология — древнейшая духовная традиция, позволяющая найти свое место и познать свою истинную Волю. Сам Карл Густав Юнг обязательно составлял для своих пациентов натальную карту, и эта карта помогала ему понять клиента, а клиенту — более коротким путем прийти к своей Самости.

- Если вам нужна астрологическая консультация, если вы хотите получить полный анализ вашей натальной карты, выполненный с душой и индивидуальным подходом, если вы хотите узнать степень совместимости с близкими вам людьми, словом, если вас интересует Астрология, обращайтесь: **Мария КОРОЛЕВА**, почетный астролог и астропсихолог нашего клуба, ученица Олега ТЕЛЕМСКОГО, выпускница астрологической академии, предлагает вам свою помощь.

Стоимость консультации от 2000 рублей в зависимости от запроса. Для переводчиков Касталии — бесплатно. По всем вопросам пишите maria.a.koroleva@gmail.com

ЮНГИАНСКИЙ АНАЛИЗ ПО СКАЙПУ

Если вы испытываете проблемы с своей душой.
Если в вашей жизни образовалась пустота. Если
не складываются личные отношения, а смысл жизни
полностью потерян. Наконец, если вы просто хотите
познать себя —

ВАМ НУЖЕН ЮНГИАНСКИЙ АНАЛИЗ.

Высокие технологии позволяют проходить анализ
не выходя из дома — по скайпу.

И один из лучших Юнгианских психологов предлагает вам
свои услуги. **Дарья КОРЕНЬКОВА**, лидер и координатор
Белорусского отделения Касталии, психотерапевт со стажем
по специализации «Юнгианский анализ и Гештальт
Психология» предлагает вам свои услуги.

Писать loft11korenkova@gmail.com и aton93@yandex.ru
(необходимо написать на оба мейла).

Стоимость одной сессии в 50 минут — 1500руб.

Дорогие друзья. Если вы хотите открыть новые горизонты внутреннего мира, открыть и прожить новые грани себя мы приглашаем вас в **МАГИЧЕСКИЙ ТЕАТР Ольги Адиятулиной.**

С ней вы можете поработать с любым вашим запросом, открыть в себе пространство новых возможностей.

Психологические техники которые использует Ольга разработаны самой передовой современной психологической школой — **школой магического театра.**

Сама Ольга прямая ученица Екатерины Скоробогатовой, человека которая создала уникальную колоду архетипы женственности.

Мейл Ольги куда можно писать запросы на мейл
ura-ura1@mail.ru или
в контакте **<https://vk.com/adiolga>**

МОСКОВСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

(www.maap.ru)

ВНИМАНИЕ ПСИХОЛОГОВ И ПСИХОТЕРАПЕВТОВ! ПРОГРАММА ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПО ЮНГИАНСКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Аналитическая психология — направление, разработанное выдающимся швейцарским психиатром К. Г. Юнгом в первой половине XX века путем дополнения и прогрессивной переориентации психоанализа Фрейда от анализирования причин неврозов к содействию развитию личности в целом. Ученики Юнга соединили его идеи с более поздними достижениями в современном психоанализе и других течениях практической психологии. В настоящее время юнгианская школа, являясь одной из самых крупных и широко известных мировых школ психотерапии, может быть смело названа вершиной в ее эволюции, как самый глубокий и универсальный подход.

Юнгианский анализ изначально предназначался для самопознания и помощи пациентам. Однако, владение юнговской теорией личности, теорией архетипов коллективного бессознательного, типологией, методами работы с образами, символической игрой, толкованием сновидений, диалого-диалектическим подходом в межличностном взаимодействии может найти применение в самых разных сферах помимо аналитической психотерапии.

Эти находки могут быть использованы в краткосрочной терапии, коучинге и консультировании разного профиля — детском, семейном, организационном, профориентационном. Журналисты, социологи, политологи, философы, религиоведы, литературные критики и искусствоведы

также активно обращаются к идеям Юнга и его последователей.

ОБУЧЕНИЕ аналитической психологии — это возможность не только разобраться в себе и освоить самое лучшее, что есть в психоанализе и практической психологии, но и стать гуманитарием широкого профиля.

Занятия проводят **международно признанные** аналитики, являющиеся членами IAAP (Международной Ассоциации аналитической психологии), практикующими психотерапевтами и преподавателями факультета психологии МГУ и других московских психологических и психоаналитических институтов.

Занятия проводятся в течение двух лет в удобной сессионной форме семинаров и тренингов 2–3 дня в месяц по выходным. По окончании программы студентам выдаются сертификаты о повышении квалификации **государственного образца**, и они получают возможность дальнейшего профессионального развития в юнгианской школе.

МАОП участвует в организации российских и международных конференций, реализует различные гуманитарные и издательские проекты, сотрудничает с другими мировыми юнгианскими институтами. Преподаватели МАОП имеют большой опыт выездных семинаров и учебных программ в других городах России и ближнего зарубежья.

Колледж Телема 93

приглашает на лекции

 Магия в теории и на практике

Магическая Каббала

Демонология

Таро Тота

Талисманная магия

Сексуальная магия

Колледж "ТЕЛЕМА-93" ставит своей целью
ПОМОГАТЬ ВСЕМ ЖЕЛАЮЩИМ
в ИЗУЧЕНИИ МАГИИ и МИСТИКИ, а ТАКЖЕ
в ПОСТИЖЕНИИ ИНЫХ СЕРЬЕЗНЫХ
ЭЗОТЕРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ
Востока и Запада.

Наши странички в интернете:

Портал: <http://www.thelema.ru/>

Сообщество в ЖЖ:

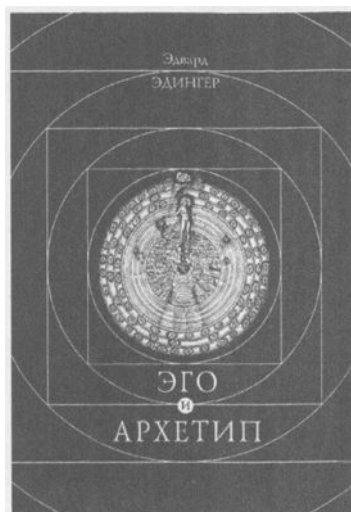
http://community.livejournal.com/ru_thelema93/

Вы можете записаться в Колледж
по адресу INFO-THELEMA@MAIL.RU
или телефону: +7 (926) 214 24 68

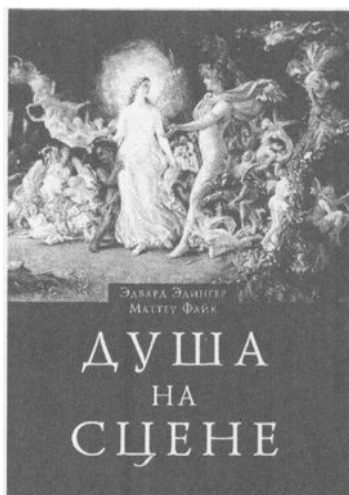
ДРУГИЕ НАШИ ИЗДАНИЯ

(Полный список можно посмотреть на www.castalia.ru)

Эдвард Эдингер **ЭГО И АРХЕТИП**

Книга «Эго и архетип» по праву считается юнгианским культурным бестселлером. В этой книге, Эдингер подробно, просто и ярко описывает процесс индивидуации, движения индивидуального эго к источнику, и те этапы и стадии, которые проходит личность в этом процессе. Отдельного внимания заслуживает психологическое осмысление Эдингером христианского мифа, где в образе Иисуса Эдингер выводит парадигму индивидулирующегося Эго.

Эдвард Эдингер
и Маттеу Файк

ДУША НА СЦЕНЕ

«Душа на сцене» — это уникальное исследование классиков драматургии — Шекспира и Софокла с точки зрения глубинной психологии. Именно в этой книге, для человека, ценящего классическую драматургию, раскрывается её тайная, глубинная психологическая основа.

Мария Луиза Фон Франц КОСМОГЕНИЧЕСКИЕ МИФЫ

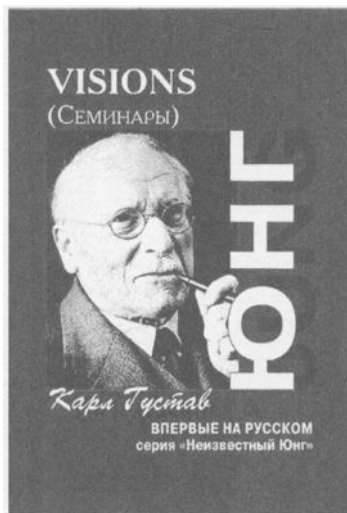
Самое подробное исследование психологических, культурных, символических аспектов того, что было «в начале» согласно мифологиям разных народов. Как настоящий мастер психологии, Мария-Луиза фон Франц искусно анализирует преломление сложных мифологических структур в процессе душевного становления.

Карл Густав Юнг

VISIONS

Двухтомник Visions — это уникальные конспекты семинаров Карла Густава Юнга. Эти семинары были посвящены удивительным и причудливым видениям его ученицы Кристины Морган и сопровождаются превосходными цветными иллюстрациями поскольку визионер была также прекрасным художником. Рассматривая её видения, Юнг продемонстрировал саму динамику глубинной души, естественным путем устремляющейся к индивидуации.

Эти семинары являются прекрасным материалом позволяющим вам самим научиться активному воображению и понимать самые сокровенные образы нашей души.

27741

2 100000 277414 12A4

Женские мистории